

А. Г. Глебов

**АНГЛИЯ
В РАННЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**Санкт-Петербург
2007**

ББК 63.3(0)4
УДК 94
Г53

Глебов А. Г.

Г53 Англия в раннее средневековье. — СПб.: Евразия, 2007. — 288 с. ISBN 978-5-8071-0166-9

Во втором издании монографии комплексно рассматриваются наиболее существенные проблемы развития раннесредневековой Англии (V—середина XI вв.). В центре внимания автора находится эволюция важнейших хозяйственно-экономических, социально-политических и духовных институтов англосаксонского общества на этапе становления феодальных отношений. В приложении впервые в отечественной медиевистике опубликованы росписи англосаксонских властителей раннего средневековья.

Для специалистов-историков, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

**ББК 63.3(0)4
УДК 94**

ISBN 978-5-8071-0166-9

© А. Г. Глебов, 2007
© Лосев П. П., обложка, 2007
© Евразия, 2007

ВВЕДЕНИЕ

История раннесредневековой Европы весьма трудна для описания и анализа. Основной причиной является то обстоятельство, что она протекала со значительными региональными и «национальными» особенностями, и к тому же крайне неравномерно. Поэтому только сравнительно-историческое рассмотрение всевозможных модификаций процессов, происходивших в этот период на европейском континенте, может раскрыть общее и особенное в его развитии. Сказанное в полной мере относится и к истории раннесредневековой Англии, которая будет объектом изучения в предлагаемой книге.

С одной стороны, эволюция английского общества в V–XI вв. достаточно показательна для широкого круга стран северо- и центральноевропейского региона, включающего Скандинавию, значительную часть Германии (между Рейном и Эльбой), а также многие восточноевропейские страны. Для этих территорий было характерно складывание классовых отношений и государственности на основе медленной эволюции варварского общества. На самых ранних его этапах здесь фактически отсутствовали города и развитая торговля; не было и сколько-нибудь заметного влияния христианской Церкви, а большинство населения оставались язычниками. Несвободные, при их многочисленности, не были основными производителями, — ими являлись свободные общинники, которые на первой стадии классовообразования и политогенеза подвергались преимущественно государственной эксплуатации. Лишь на второй стадии этого процесса они стали, и то достаточно

медленно, втягиваться в зависимость от крупных землевладельцев или, чаще, от королевской (княжеской) власти. Формирование господствующего социального слоя происходило в условиях сохранения сильной родоплеменной аристократии и дружинных отношений. Поэтому выделение служилой знати и возникновение новой системы ее связей с центральной властью тоже были замедленными, да и сами эти процессы имели несколько иное внутреннее содержание и внешнее оформление, чем в других европейских странах. В очерченном круге регионов гораздо большую роль играла община, а в самом начале даже большая семья, что крайне замедляло выделение земельной собственности аллодиального типа, а значит, и дифференциацию внутри самой общины. Большим своеобразием отличалось и развитие государственно-политических структур. Возникнув как прямое продолжение строя военной демократии, раннеклассовое, а затем и раннефеодальное государство здесь долгое время сохраняло его «родимые пятна» — племенные княжества-королевства, древнегерманское (древнеславянское) территориальное деление и органы управления. Главной военной силой также долго оставалось пешее ополчение свободных общинников.

С другой стороны, развитие Англии в V—XI столетиях представляется по-своему неповторимым, а в чем-то и уникальным, — именно этот момент в первую очередь привлекал внимание автора.

Раннесредневековая английская история начинается примерно в середине V в. н. э., когда окончательно покинутая римскими войсками Британия стала объектом завоевания и массовой колонизации различных германских племен, известных под собирательным названием «англосаксы». Легко устанавливается и верхняя хронологическая грань интересующего нас периода: ею является конкретная дата — 14 октября 1066 г., когда войска последнего англосаксонского короля Гарольда были разбиты армией герцога Нормандии Вильгельма в битве при Гастингсе¹. Этот шестисотлетний отрезок времени был наполнен разнообразными событиями и не являлся единым по своему внутреннему содержанию.

Первый этап истории англосаксов охватывает примерно середину V–VII в. В политическом смысле это было время их активной военно-колониционной экспансии на территории постримской Британии, проходившей в ожесточенных столкновениях как с местным населением, так и с такими же, как англосаксы, завоевателями типа скотов и пиктов. Иным аспектом совершавшихся политических процессов было, во-первых, становление у отдельных англосаксонских племен ранней государственности, а во-вторых — принятие христианства. В социально-экономическом плане главным содержанием этого периода было постепенное складывание и последующее развитие раннеклассового общества, которое к концу указанного времени достигает у англосаксов своего расцвета. Структура этого общества была достаточно сложна, и в ней далеко не сразу определилась тенденция раннефеодального развития. Только к VII столетию эта тенденция стала более заметной, что свидетельствует о начале перехода англосаксов на новую ступень эволюции общественных отношений. В культурно-идеологической сфере первый этап англосаксонской истории характеризовался сложными процессами взаимодействия принесенных на Британские острова в ходе христианизации позднелатинскими интеллектуальными традициями и наследием варварского мировоззрения и менталитета, в ходе которых формировался своеобразный стиль ранней англосаксонской культуры.

Второй этап раннесредневековой истории Англии — хронологически он охватывает время с середины VII по вторую половину IX столетия — в плане развития политических процессов был связан с непрекращающейся борьбой за гегемонию между рядом англосаксонских королевств, которая к концу периода завершается временным объединением страны под властью Уэссекса. Одновременно с конца VIII в. Англия становится объектом непрерывных нападений скандинавских викингов, или норманнов, которые сыграли важную роль в процессах политического объединения англосаксонских государств. Социально-экономические отношения этого периода характеризовались нарастанием тенденций феодализации и началом формиро-

вания крупного феодального землевладения, пока к концу IX столетия не определилась перспектива его победы в ближайшем историческом будущем. В духовно-идеологической сфере в этот период англосаксонской истории окончательно утверждается христианство римско-католического толка. Традиции, унаследованные от варварской культуры, при этом не утрачиваются, но сплавляются с христианско-латинской образованностью в своеобразную ментально-мировоззренческую систему, виднейшие представители которой не только выводят англосаксонскую культуру на передовые позиции в тогдашней Европе, но и оказывают существенное воздействие на процессы становления средневековой культуры в целом.

Последний, *третий этап* английской раннесредневековой истории — X–XI столетия — с точки зрения развития процессов политической истории был достаточно противоречив. Ко второй половине X в. усилиями уэссекских королей основная территория Англии была освобождена от норманнов; образовалось единое государство. Однако уже в конце того же века начинаются новые внешние вторжения, приведшие к образованию огромной северной англо-датской империи во главе со скандинавскими королями. Последняя оказалась весьма недолговечным государственным образованием, и англосаксам на короткое время удалось восстановить свою политическую независимость. Кончается же англосаксонская история, как уже было сказано, в середине или второй половине XI в. с завоеванием Англии Вильгельмом Нормандским. В социально-экономической сфере в X–XI столетиях продолжается и ускоряется процесс феодализации, хотя степень его завершенности к концу периода по-прежнему остается предметом дискуссий специалистов. В культурной области усиливается процесс взаимодействия англосаксов с континентальными европейскими народами, и она начинает приобретать черты, характерные для всей средневековой цивилизации Запада.

Наши сведения по истории англосаксонского периода опираются на достаточно разнообразный, хотя и неравномерно распределенный по видам и хронологическим периодам источниковый материал. В целом он может быть

разделен на две неравноценные по характеру и значению группы, а именно на источники письменные и археологические.

Письменные источники по истории раннесредневековой Англии в количественном отношении уступают источникам, например, по истории Франкского государства, но имеют по сравнению с ними одно неоспоримое достоинство, которым кроме них в Европе раннего средневековья обладают еще, пожалуй, скандинавские письменные памятники. Речь идет о том, что, несмотря на преобладание вульгарной латыни как основного письменного языка раннесредневековой эпохи, мы имеем в нашем распоряжении довольно значительное количество текстов, написанных на народном — англосаксонском (древнеанглийском) языке.

Один из наиболее важных разделов письменных источников образуют нарративные памятники, которые, в свою очередь, распадаются на типологические группы.

К первой группе относятся фольклорные произведения, обычно объединяемые под общим названием «героический эпос» или «героическая поэзия». Наиболее ярким примером англосаксонского эпоса служит крупнейшее произведение древнеанглийской поэзии (3182 строфы) поэма «Беовульф»², возникшая около 800 г. на основе народных преданий англосаксонских племен, героических песен и саг скандинавского происхождения. Не вдаваясь в сюжетные подробности и споры по поводу ее филологических особенностей, можно отметить, что в ней, как и во всяком другом художественном или фольклорном произведении, присутствует чистый вымысел, связанный с эмоциональным началом. Вместе с тем многие строфы «Беовульфа» дают определенное представление об общественной и частной жизни героического германского мира в эпоху его трансформации из родоплеменного в протогосударственный. По мнению большинства исследователей, в поэме нашли отражение те реалии, которые были общими для всей группы северо-западных германцев, а значит, хотя бы в определенной мере, и для англосаксов³. Именно поэтому она может считаться первоклассным источником при исследовании как общественной жизни англосаксонских

племен в их доклассовом состоянии, так и их мировоззрения и менталитета. К этой же группе источников могут быть отнесены и другие произведения героической поэзии, такие как «Видсид», «Битва при Финнсбурге», «Вальдере», «Битва при Бруннабурге», «Битва при Мэлдоне» и др.⁴

Важное значение имеют также образцы так называемой религиозной поэзии англосаксов. Ее подлинным творцом и основателем можно считать жившего в VII в. поэта Кэдмона⁵, который черпал содержание своих произведений не только из христианской традиции, но и из ранних фольклорных источников. Последователем Кэдмона был Кюневульф⁶ (конец VIII — начало IX в.), автор поэм «Юлиана», «Христос», «Судьбы апостолов». В поэзии Кэдмона, как и в поэзии Кюневульфа, в завуалированной религиозной форме богато представлены черты быта, нравов и обычаев современной им жизни. Кроме того, их поэзия может служить источником исследования систем родства англосаксов, а значит, отчасти и их общественных отношений. Повседневная жизнь англосаксов ярко отражена в очень коротких поэтических произведениях, обычно анонимного характера, собранных в так называемой «Эксетерской книге», а также в древнеанглийских «Загадках» более позднего происхождения⁷.

Следующая группа источников дает ценнейшие конкретно-исторические сведения о жизни англосаксонских и прочих германских племен и их соседей. Такими источниками являются труды римских авторов — Тацита («Германия»)⁸, Аммиана Марцеллина («Деяния»)⁹, а также византийского историка Прокопия Кесарийского («Война с готами»)¹⁰. Ценные географические описания северо-западных германцев есть у Птолемея¹¹ и в переводе англосаксонским королем Альфредом Великим «Истории против язычников» Павла Орозия¹². Сведения о саксах и их соседях в языческий период содержатся в «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского¹³.

Отдельную группу нарративных источников составляют разнообразные по своему характеру произведения, многие из которых дают материал по общественным отношениям, быту и нравам англосаксов. К ним могут быть отнесены

биография Альфреда Великого, составленная в 893–894 гг. епископом Шернборнским Ассером¹⁴, сочинения на древнеанглийском и латинском языках живших на рубеже X–XI вв. архиепископа Кентерберийского Вульфстана¹⁵ и аббата Элфрика¹⁶.

Особое место в числе нарративных источников по истории раннесредневековой Англии занимают памятники англосаксонской исторической мысли. Первое из дошедших до нас исторических повествований, посвященных англосаксам, принадлежит перу бриттского монаха Гильдаса, который приблизительно в середине VI столетия составил на латинском языке «Жалостную книгу о разорении и завоевании Британии»¹⁷. С историографической точки зрения книга Гильдаса не представляет собой исторического произведения в полном смысле слова, поскольку в ней практически отсутствуют имена, конкретные даты и строгая последовательность изложения. Однако она является единственным нашим письменным источником, более или менее современным событиям, связанным с англосаксонским завоеванием Британии.

Главным же нашим источником по ранней истории англосаксов, безусловно, является «Церковная история народа англов» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*)¹⁸, написанная крупнейшим англосаксонским хронистом и ученым Бедой Почтенным (672–735)¹⁹. «Церковная история» является одним из последних произведений Беды, который ко времени ее составления уже успел прославиться и среди англосаксов, и на континенте как выдающийся теолог и писатель своего времени. По сути дела, это сочинение Беды представляет собой первую сквозную историю Британии от времени высадки на ее берегах легионов Юлия Цезаря до 731 г. и, несмотря на название, не только уделяет внимание церковно-религиозным событиям, но и содержит вполне достоверные сведения по политической и даже социально-экономической истории англосаксов. Этот труд написан на основе широкого круга разнообразных источников и весьма насыщен фактическим материалом. Достаточно сказать, что большая часть фактов истории раннесредневековой Англии 597–731 гг. известна нам только из

произведения Беда. Оно стало не только источником, из которого немало заимствовали все последующие английские хронисты, но и, будучи при Альфреде Великом переведено на древнеанглийский язык, было чрезвычайно популярно как в самой Англии, так и на континенте.

Ко времени правления Альфреда Великого относится составление еще одного крупного исторического произведения, которое достаточно условно называют «Англосаксонской хроникой»²⁰. Первоначальное ее ядро было записано, скорее всего, в Винчестере в 891–892 гг. на основе сочинений Беда, Гильдаса, ряда континентальных источников и устной традиции и затем подвергалось неоднократной переработке. До нашего времени дошло семь рукописей хроники, отдельные из которых доводят изложение событий до начала англо-нормандской эпохи, связывая общую историю страны с развитием и укреплением королевской власти. Хроника освещает различные периоды англосаксонской истории достаточно неравномерно; наиболее информативна она для второй половины IX столетия и для рубежа X–XI вв. В книге также использованы служащие существенным дополнением к «Англосаксонской хронике» «истории» некоторых англо-нормандских хронистов (Флоренций (Иоанн) Вустерский, Симеон Даремский, Уильям Мэлмсберийский)²¹, в ряде случаев содержащие сведения, которые не нашли в ней отражения, и, по-видимому, были заимствованы из иных, утраченных материалов. Сказанное особенно относится к последнему этапу существования саксонской Англии и периоду Нормандского завоевания.

Наименее доступными оказались для нас материалы источников, связанные с историей религиозно-церковной жизни англосаксонской эпохи. Помимо уже упоминавшихся сочинений Беда Почтенного, Вульфстана и Элфрика для ее анализа были привлечены содержащиеся в различных сборниках документов постановления церковных соборов англосаксонской Церкви, эпистолярное наследие духовенства, житийная литература, а также некоторые континентальные источники, содержащие данные о положении Церкви в Англии в V–XI вв.²²

Еще один большой раздел письменных источников по истории раннесредневековой Англии составляет актовъй материал. Как и повсюду в Европе этого периода, он представляет собой преимущественно хартии, дарованные различным церковным корпорациям и светским лицам, — земельные дарения, предоставление привилегий и иммунитетов. Старейшие из таких грамот относятся к началу VII столетия²³. Кроме того, сохранились завещания²⁴, брачные контракты, грамоты отпуща на волю²⁵, королевские предписания²⁶, — как в оригиналах, так и в копиях. Написан актовъй материал в основном на латыни, но значительная часть сохранилась и на древнеанглийском языке. Этот раздел источников дает нам наиболее полную информацию по развитию социально-экономических отношений, характеру земельных держаний, взаимоотношениям королевской власти и общества, прежде всего Церкви и знати. Значительный интерес для анализа вотчинного хозяйства в рассматриваемый период представляют англосаксонский трактат «Обязанности различного рода лиц» (*Rectitudines singularium personarum*)²⁷, составленный, по-видимому, около 1025 г., и инструкция для управляющего поместьем «Герфа» (*Be Gesceadwisan Gerefan*)²⁸.

Наконец, последний, но исключительно важный раздел письменных источников представлен законодательными и юридическими памятниками²⁹. Наиболее ранними из них являются судебники кентских королей Этельберта³⁰, Хлотаря и Эдрика³¹, и Уитреда³², записанные, соответственно, в начале и в конце VII столетия. Законы Этельберта наиболее архаичны, ибо их основу составляет старое племенное право с минимальным влиянием христианства, однако, с фиксацией зарождающихся раннеклассовых отношений. В судебнике представлена главным образом система вергельдов и наказаний за различные преступления, а также отражено членение еще в основном родоплеменного общества. Законы же Хлотаря и Эдрика, а также Уитреда фактически не самостоятельны: они продолжают законодательную традицию Этельберта и, кроме того, отражают сильное влияние церковной идеологии. Из-за своей малочисленности кентские судебники, однако, приводят лишь

скудные сведения о жизни населения и могут использоваться только при сопоставлении с другими, более поздними законодательными памятниками. Из них наиболее полно представлены законы королей Уэссекса — Инэ³³ (записаны в 688–695 гг.) и Альфреда Великого³⁴ (записаны ок. 890 г.). Законы Инэ — самый ранний юридический памятник Уэссекса — в оригинале не сохранились и в качестве дубликата содержатся лишь в кодексе Альфреда. В сборнике Инэ ощущается некоторое влияние постановлений кентских королей, но в целом он отражает специфику уэссекского общества: положение различных его слоев, статус королевской власти, административный и политический строй. Что касается законов Альфреда, то они представляют собой первую попытку кодифицировать англосаксонское право в масштабах всей Англии. Этот юридический памятник не только дает в руки исследователя сведения об общественной жизни англосаксов конца IX столетия, но и при сопоставлении с более ранними законами позволяет восстановить ход развития этой жизни. Англосаксонское право X–XI столетий дошло до нас в более полном виде: из тринадцати королей, правивших в течение последних полутора столетий перед нормандским завоеванием, шестеро оставили многочисленные кодексы³⁵. Отдельной группой юридических источников могут считаться отрывки, формулы, компиляции, частные работы правового и канонического характера, такие как «Законы северных людей», «Мерсийские постановления», «Нортумбрийский церковный закон», «О вергельдах» и др.³⁶ Все эти материалы содержат богатейшие сведения, которые могут быть использованы для анализа самых разнообразных сторон жизни позднего англосаксонского общества, начиная с поземельных отношений и кончая брачно-семейным правом.

Существенным дополнением письменным источникам служат археологические данные, особенно активно пополняющиеся после Второй мировой войны³⁷. Не будучи специалистом-археологом, автор не мог позволить себе подвергнуть их основательному критическому осмыслению и воспользовался прежде всего публикациями английских ученых лишь для сопоставления их со сведениями письмен-

ных источников либо для иллюстрации некоторых положений, не нашедших в последних серьезного отражения.

Раннесредневековая история Англии издавна привлекала внимание исследователей, и к настоящему времени сформировался огромный массив научной литературы, посвященной различным ее аспектам. Однако знакомство с ней убеждает в том, что круг основных вопросов, которые пытались и пытаются разрешить специалисты по англосаксонской Британии, остается фактически неизменным. В соответствующих разделах книги мы еще обратимся к дискуссиям, существующим в историографии по конкретным вопросам. Пока же представляется необходимым обозначить эти проблемы и подчеркнуть некоторые закономерности, свойственные подходам к их разрешению, которые сложились как в зарубежной, так и в отечественной медиевистике.

Первой из таких проблем является вопрос о роли германских социально-политических институтов, в частности, общины в общем ходе эволюции раннесредневековой Англии. Сразу же можно отметить, что, несмотря на значительное число работ, существующих по этой проблематике, она до сих пор остается объектом полемики. Большинство исследователей рассматривают общину как социально-экономическую структуру, имевшую чрезвычайно важное значение в общественном развитии англосаксов. Так, на изначальность у англосаксов свободной общины указывали английские специалисты Ф. Стентон, Д. Уайтлок, Д. Фишер и др.³⁸ Среди русских ученых общину непосредственно у англосаксов признавал Д. М. Петрушевский, отмечавший ее сильные общегерманские корни³⁹. Особое значение имели работы выдающегося русского медиевиста П. Г. Виноградова, посвященные исследованию социального строя англосаксонской Британии, в которых четко было показано, что история Англии начинается с господства свободной общины как основного социально-экономического и политического института⁴⁰. В отечественной историографии советского периода прочно утвердился основанный на марксистской теории подход к англосаксонской общине как главному производственному и общественному образова-

нию дофеодальной эпохи, устойчивость которого во многом определила тенденции и специфику будущего феодального развития Англии⁴¹.

Однако вплоть до настоящего времени имеется и иная точка зрения, обоснованная еще в конце прошлого века в исследованиях английского историка Ф. Сибома. Не отрицая в принципе существования общины и общинных порядков у англосаксов, Сибом тем не менее утверждал, что уже сразу после переселения в Англию англосаксонских племен она оказалась подчинена власти формирующегося феодального поместья и что членами ее являлись рабы и колонны. Считая, что уже в эпоху Тацита у германцев существовала вотчина, он представлял себе общественное устройство англосаксов как слияние крепостной римской виллы и этой зависимой общины⁴². Впоследствии теория Сибома поддерживалась американским историком К. Стефенсоном, англичанином Г. Чэдвиком и некоторыми другими⁴³. В настоящее время ее с оговорками признают Дж. Майерс и У. Рансимэн⁴⁴.

Не меньший разброс мнений вызывала и вызывает другая проблема истории саксонской Англии, а именно вопрос о роли королевской власти в общественном развитии англосаксонского периода, равно как и самой сути той государственности, которая существовала у англосаксов. Это разногласие обусловлено не только сложностью анализа указанных сюжетов самих по себе, но и тем, что они обычно связываются с более общей проблемой о характере политической власти в раннее средневековье.

Такие крупные английские специалисты, как уже упоминавшийся Ф. Стентон, а также Г. Лойн и Э. Джон, исходят из тезиса об «аристократическом» характере государства у англосаксов и об активном участии знати в деле его построения⁴⁵. Теоретической предпосылкой для подобного рода взглядов в англо-американской историографии служат теории о «государстве знати» в германском обществе, происхождение которого выводится, в свою очередь, из политики королевской власти. По мнению историков, придерживающихся этой точки зрения, членами всех органов управления англосаксонского общества, как центрального,

так и местного, были исключительно воины-аристократы либо представители служилой и духовной знати, непосредственно подчиненные королю. Многие вообще считают, что служилое сословие является детищем королевской власти и прямым следствием ее целенаправленной политики⁴⁶.

Несколько иную позицию в данном вопросе занимает другая группа исследователей, представленная такими именами, как П. Блэйр, Г. Ричардсон, Дж. Сейлз, У. Чейни, Д. Уайтлок, Э. Уильямс. Эти историки предпочитают говорить о более сложной взаимосвязи королевской власти и знати в процессе формирования ранней государственности у англосаксов, обращают большее внимание на органы местного управления, которые своими корнями уходили в общегерманские политические институты и в связи с этим включали не только аристократию, но и свободных общинников⁴⁷. Однако и те, и другие исследователи обычно ограничиваются рассмотрением одного какого-либо политического явления без установления его связи со всей социально-экономической структурой и эволюцией общества.

Отдельным вопросом, вызывающим расхождения в оценках, является время утверждения у англосаксов ранней государственности. Здесь хронологический «зазор» достаточно широк: от высказанного еще в прошлом столетии мнения о том, что уже в V в. государственность у них вполне оформилась⁴⁸, до утверждений о том, что вплоть до рубежа X–XI вв. так называемые королевства англосаксов представляли собой племенные политические объединения⁴⁹.

В отечественной литературе этот сюжет также вызывает споры⁵⁰, но наши медиевисты по крайней мере едины в своих теоретических подходах к проблеме формирования раннесредневекового английского государства. Основой этого единства является тезис о первостепенной важности социально-экономических сдвигов в эволюции англосаксонского общества, которые привели к социальной и имущественной стратификации, закрепленной затем формированием государственных институтов.

Вопрос о специфике вассально-ленных отношений и становлении служилой знати, которого мы уже касались, в западной медиевистике тесно связывается с проблемой

влияния позднеримских начал на формирование социально-политического строя раннесредневековой Англии. Обычно речь в данном случае идет о наличии или отсутствии континуитета между соответствующими институтами римской Британии и англосаксонского общества. Здесь в англо-американской медиэвистике выделяется по меньшей мере три подхода. Первые два из них уходят своими корнями в школы «романистов» и «германистов», распространенные в западной историографии XVIII–XIX вв. и механически переносившие политические идеи и учреждения Древнего Рима в общество германцев. Однако в то время как представители первого находят истоки англосаксонской истории в сохранении в Англии римских учреждений и порядков⁵¹, исследователи, придерживающиеся второго подхода, выводят возникновение англосаксонского общества из чисто германских учреждений⁵².

В последние годы начинает, судя по всему, преобладать третья точка зрения, причем не только в западной, но и в отечественной историографии. Она сводится к тому, что происхождение раннесредневековой Европы, в том числе и Англии, следует искать в синтезе позднеримских и германских начал. При этом в нашей литературе был разработан типологический принцип исследования генезиса средневековых европейских обществ, согласно которому на континенте выделяется три региона в зависимости от степени взаимодействия варварских и позднеантичных протофеодальных элементов в этом процессе. С точки зрения этой типологии Британия в нашей медиэвистике рассматривается как пример «бессинтезного» или почти «бессинтезного» пути развития феодализма, возникшего на основе разложения родоплеменного строя англосаксов без сколько-нибудь существенного римского влияния⁵³.

Как уже говорилось, в западной историографии в последнее время также наблюдается отход от примитивных романизма и германизма и стремление воспользоваться сравнительно-историческим методом исследования с привлечением континентальных материалов. В этом смысле большой интерес представляют работы Дж. Фишера, Г. Р. Финберга, М. Уиттока, Д. Уилсона, Дж. Берка, Р. Ход-

жеза, в которых высказываются обоснованные мнения о наличии остатков крупного землевладения позднеримского происхождения в раннюю англосаксонскую эпоху, приводятся данные об активном участии кельтов в становлении раннесредневекового английского общества, раскрываются его тесные связи с континентальными германцами и скандинавами⁵⁴.

Таким образом, проблемы романо-германского синтеза или бессинтезного пути развития, континуитета или дисконтинуитета необходимо, очевидно, решать в комплексе с рассмотрением вопросов социально-экономического и политического развития англосаксонского общества.

По вопросу о степени завершенности феодализации Англии к моменту нормандского завоевания как в зарубежной, так и в отечественной историографии царит полная разногласица. Такие исследователи, как М. А. Барг и А. Я. Гуревич, придерживаются мнения о полной победе феодализма у англосаксов к XI в.⁵⁵, в то время как А. Р. Корсунский, М. Н. Соколова и К. Ф. Савело указывают, что завершение генезиса феодализма относится уже к англо-нормандской эпохе⁵⁶. Такое же разногласие налицо и в англоязычной литературе. Те историки, которые придерживаются романистической тенденции, склонны усматривать наличие феодализма у англосаксов уже в VI столетии⁵⁷, те же, кто придерживается германизма, говорят о его развитии лишь с конца X — начала XI в.⁵⁸

В целом вопрос о степени завершенности феодализации англосаксонской Англии остается открытым и, видимо, должен решаться лишь с учетом данных по всем сферам, в том числе духовной и этнической, жизни англосаксонского общества.

Отнюдь не претендуя на полноту и законченность изучения истории раннесредневековой Англии, а тем более на однозначное и окончательное решение обозначенных выше вопросов, мы предприняли попытку исследования наиболее значимых, с нашей точки зрения, проблем англосаксонского периода. В первых двух главах речь пойдет о важнейших событиях политической истории раннесредневековой Англии. Третья глава посвящена истории религии

и церкви, сыгравших огромную роль как в политических, так и в духовных процессах того времени. Отдельные главы книги посвящены анализу социально-экономического строя и становлению сначала раннеклассового, а затем раннефеодального общества у англосаксов. В заключительном разделе работы рассматриваются основные проблемы государственно-политической эволюции Англии в V–XI столетиях. При этом первостепенное внимание будет обращено на самый ранний этап общественного развития англосаксов, как наименее освещенный в специальной литературе.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что читателю история раннесредневековой Англии предлагается в том виде, в каком она представляется автору; другие, возможно, увидят ее иначе и будут иметь естественное право познакомиться нас со своим вариантом этой истории. В то же время автор выражает исключительную признательность всем своим предшественникам в области изучения англосаксонской истории, как ныне здравствующим, так и ушедшим из жизни, а также многим коллегам по историческому факультету Воронежского Государственного Университета. Без их трудов, дружеского участия и заинтересованной поддержки его работа вряд ли была бы написана.

Во втором издании книги была учтена появившаяся за последнее время новая литература по истории раннесредневековой Англии; в текст внесены некоторые исправления и дополнения, а также приложения, отсутствовавшие в первом издании.

Глава I
ОТ РИМСКОЙ
К АНГЛОСАКСОНСКОЙ БРИТАНИИ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ
В V — СЕРЕДИНЕ IX ВЕКА

Значительная часть острова Великобритания, населенная различными кельтскими племенами (самыми многочисленными из них были бритты), начиная с I века н. э. входила в состав Римской империи. Первоначально завоеванная римлянами территория образовывала отдельную ее провинцию, получившую название Британия. В период правления Александра Севера (222–235 гг.) Британия была разделена на две, а позже на четыре провинции. Вместе они составляли один из двенадцати диоцезов империи и объединялись с Галлией, Нарбоннской Галлией и Испанией в одну префектуру¹.

Не останавливаясь на подробностях жизни страны при римлянах, можно сказать, что в этот период она была составной частью римского цивилизованного мира. Следует заметить, однако, что степень этой цивилизованности продолжает оставаться спорной как среди зарубежных, так и среди отечественных историков. Часть англо-американских ученых вообще отрицает какое-либо римское влияние на кельтское население Британии². Другие, наоборот, считают, что римляне не только спасли бриттов от дикости и невежества, но и создали на острове социально-политические структуры, во многом аналогичные общеимперским³. Большинство отечественных исследователей (П. Г. Виноградов, А. Р. Корсунский, М. С. Садовская, Е. М. Штаерман) склонно полагать, что римское влияние ограничивалось племенной верхушкой кельтов, города были немногочисленны и невелики, а классическое рабство не получило широкого распространения⁴. Существует и иная точка зрения,

появившаяся в самое последнее время. Опираясь на анализ римского влияния в культурно-религиозной области, А. Г. Суприянович и Т. Б. Перфилова утверждают, что проникновение имперской религиозной идеологии и христианства в сознание местного населения было весьма велико и на этом основании делают вывод, что не менее 50 процентов его было романизировано⁵.

По нашему мнению, степень романизации Британии была очень различна в отдельных областях страны, особенно в зависимости от того, имеем ли мы в виду городских или сельских жителей, простых земледельцев или знать. Скорее всего, римское владычество несколько ускорило общественное развитие британских кельтов, поспособствовав выделению смешанной романо-бриттской знати и развитию имущественного неравенства, но в целом романизация носила неглубокий и поверхностный характер. Тому было несколько причин. Во-первых, Британия вошла в состав римской державы позже других территорий (начатое в 43 г. завоевание острова римлянами было завершено лишь в 70–72 гг.) и была самой отдаленной, к тому же островной провинцией. В силу этого воздействие на нее римской социальной системы не было столь длительным, да и возможности такого воздействия здесь были иными, чем, например, в Галлии или Испании. Во-вторых, местное население постоянно поднимало восстания, сопротивляясь давлению римских социально-политических структур⁶. Наконец, Британия никогда не была полностью завоевана римлянами; непокоренные варварские племена сохраняли собственный уклад жизни и представляли постоянный источник опасности для регионов, находившихся под контролем Рима. Поэтому в течение всей римской эпохи Британия непрерывно делилась на два района: мирный, более или менее романизированный, который включал юго-восток и центр страны, и военный, где римляне поддерживали систему военных крепостей, соединенных хорошими дорогами и имеющими сильные гарнизоны. Только один из четырех легионов, посланных для завоевания острова, был отозван при Домициане (81–96 гг.), а три постоянно оставались в Британии, размещаясь в Эбураке

(Йорк), Дева (Честер) и Вента-Силурме (Каэрлеон). Кроме того, римлянам приходилось охранять северную границу, для чего во II столетии был построен так называемый вал Адриана, а в третьем — вал Антонина, которые своими фортами защищали мирные регионы от нападений варварских народов⁷.

Римская Британия в III веке

Наибольшую опасность, начиная с IV столетия, представляли северные варвары — племена пиктов и скоттов. Описывая события в империи в 367–368 гг., позднеримский историк Аммиан Марцеллин указывает, что в это время пикты делились на две племенные группы⁸. Это подтверждается сообщением писавшего в первой трети VIII в. Беды Почтенного, который называет их, соответственно, «северными» и «южными» пиктами⁹. В середине IV столетия пикты занимали практически всю территорию нынешней Шотландии, создав здесь несколько своих протогосударств, вожди которых постоянно враждовали между собой, но вместе совершали опустошительные набеги на романизированные районы Британии¹⁰.

Что касается скоттов, то они также упоминаются Аммианом Марцеллином¹¹. Судя по всему, скотты были аборигенным населением Ирландии и рано завязали отношения с романо-бриттами. В отличие от пиктов, которые после грабительских рейдов обычно возвращались в свои горы, скотты еще в III в. приступили к массовой колонизации части территории на западном побережье, от Бристольского залива на юге до устья Клайда на севере. Некоторые ирландские раннесредневековые источники свидетельствуют о том, что к IV в. в юго-западном Уэльсе уже сформировалось королевство Дайфед, правящая династия которого вела свое происхождение от скоттов, появившихся в Британии в предыдущем столетии. В начале V в. поселения скоттов были основаны в более северных районах Великобритании, а также на островах к западу от нее. Эти поселения были результатом военно-колониционной экспансии ирландского королевства Далриада и получили то же название¹².

Долгое время именно пикты и скотты рассматривались имперской администрацией в качестве главной угрозы безопасности Британии и для отпора ей укреплялись старые оборонительные сооружения и строились новые. С той же целью уже в первой половине IV столетия практиковалось приглашение во вспомогательные войска, расквартированные на острове, наемников с континента. По приблизительным подсчетам, общая численность рим-

ской армии в Британии составляла около 30 тысяч человек и она представляла собой первоклассный военный округ, который уступал по рангу только рейнскому и сирийскому¹³.

К этому же периоду относятся и первые документально зафиксированные нападения на Британию тех германцев, которые впоследствии стали известны, как «англосаксы»¹⁴. Римские авторы обычно называли этих германцев обобщенно — «саксами»,¹⁵ что, видимо, подразумевало существование среди них множества этнических групп. Беда Почтенный сообщает, что принимавшие участие в массовых вторжениях на Британские острова люди происходили из «трех наиболее могущественных народов Германии», а именно саксов, англов и ютов¹⁶.

Прокопий Кесарийский в середине VI в. утверждает, что в Британии в это время жили англ и фризы¹⁷, что согласуется с данными исторической лингвистики, говорящими о близком родстве между древнеанглийским и древнефризским языками. Кроме того, в германских набегах на Англию принимали участие и франки¹⁸.

Основные миграционные движения в Англии накануне средневековья

Самое раннее упоминание об англах как отдельном народе содержится в «Германии» Тацита, где они упомянуты среди семи племен, совершавших богослужение богине Нертус в некоем островном святилище¹⁹. Из этого отрывка следует, что англбы были прибрежным народом, но неясно, речь идет о побережье Северного или Балтийского моря. Между тем в «Географии» Птолемея англбы локализованы к западу от среднего течения Эльбы²⁰. Сама же англская устная традиция, представленная в поэме «Странник» (Widsith), сохранила память о короле англов Оффе, установившем границу своего королевства по реке Эзер²¹. Все эти данные говорят в пользу того, что англбы первоначально обитали в южной части Ютландского полуострова, а именно в том регионе, который Беда называет Ангулюс (Angulus)²² и имя которого сохранилось в названии современной датской провинции Ангельн.

Согласно тому же Бедe, северными соседями англов были юты²³. Существуют косвенные свидетельства того, что перед миграцией в Британию они находились в тесном и довольно продолжительном контакте с рейнскими франками²⁴.

Что касается саксов, то как отдельное племя Тацит их не упоминает, а Птолемей помещает на перешейке Кимврского полуострова²⁵, на котором расположена современная германская земля Шлезвиг-Гольштейн. В I в. н. э. господствующее положение в этом районе Европейского континента занимал германский союз племен, известный как хавки, которых Птолемей локализует в междуречье Эльбы и Эмса; от него на запад вплоть до устья Рейна он располагает фризов²⁶. Видимо, к III столетию значение хавков падает, а саксы и фризы начинают распространяться на юг. К середине этого века, по всей видимости, они занимали всю территорию между Эльбой и Везером²⁷ и усилились настолько, что римлянам пришлось заняться укреплением своего флота в проливе Ла-Манш, чтобы пресечь саксонское пиратство в прибрежных водах. Одновременно была возведена система из одиннадцати больших крепостей, охвативших побережье от залива Уош до острова Уайт, получившая название «Саксонский берег» (Litus Saxonicum

per Britannium)²⁸. Ее возглавил специальный командующий — «комит Саксонского берега» (comes litoris Saxonici), — который наряду с «дуком бриттов» (dux Britanniarum), отвечавшим за безопасность северных границ провинции, и «комитом Британии» (comitus Brittonum), командовавшим полевой армией, составлял верхушку военной администрации римлян²⁹.

Практически на всей территории, первоначально занимаемой англосаксами и родственными им племенами, естественно-географические условия создавали серьезные препятствия для развития земледелия и скотоводства. По оценкам специалистов-климатологов, около 500 г. до н. э. Северное море, временно отступившее в период последнего оледенения, вновь хлынуло на сушу, сделав прибрежные районы практически непригодными к обитанию. В начале III столетия до н. э. происходил процесс постепенного отступления воды и эта территория вновь стала обитаемой, но только при наличии искусственных насыпных сооружений, предохранявших от наводнения. Эти искусственные сооружения получили в литературе название «терпеннов» и служили единственной защитой местных жителей от моря вплоть до II тысячелетия н. э., когда началось строительство более совершенных ирригационных систем³⁰. Раскопки некоторых из них позволяют утверждать, что в начале V в. жившее здесь фризское население испытало сильное влияние англосаксонских элементов, которые фиксируются не только резким контрастом между образцами фризской и саксонской керамики, но и большим различием между типами построек двух этнических групп³¹. Судя по всему, на рубеже IV–V вв. нынешнее побережье Нидерландов пострадало от англосаксонского вторжения, подобного тому, которое испытает Британия на полстолетия позже.

Что касается социальной структуры и системы управления англосаксонским обществом в его «континентальном состоянии», то письменные источники об этом молчат. Обычно исследователи, занимающиеся ранними англосаксами, пытаются экстраполировать на период III–IV вв. сообщения Тацита, писавшего в конце I в.³² Но, во-первых, сомнительно, чтобы за три столетия с этим обществом не

произошло никаких изменений. Во-вторых, сами сообщения римского автора нуждаются в проверке, поскольку «Германия», как известно, писалась не столько в целях исследования жизни германцев, сколько в расчете на создание контраста между простотой и чистотой древнегерманского общественного устройства и развращенностью императорского Рима.

Пожалуй, единственным источником, который может пролить некоторый свет на характер общественного строя англосаксов III–IV вв., является героический эпос, особенно поэма «Беовульф», хотя сюжетно она посвящена вовсе не англосаксам, а их соседям — данам и гаутам. Представленное в поэме общество является обществом варварско-героическим, в котором преобладают родоплеменные отношения, хотя уже намечается и социальная, и имущественная дифференциация³³.

Следует обратить внимание и еще на один момент. Хотя многие специалисты и признают раздельное существование на континенте племен англов, саксов, ютов и фризов³⁴, совершенно очевидно, что их миграции, как составная часть Великого переселения народов, способствовали быстрой нивелировке этнических различий. С этой точки зрения свидетельство Беды Почтенного о том, что в завоевании Англии участвовали три наиболее могущественных племени германцев, следует отнести, по остроумному замечанию П. Блэйра, скорее к упорядоченности его изложения, нежели к реальностям IV–V столетий³⁵. Лингвистические и археологические источники, а также данные топонимики³⁶ говорят о том, что еще на континентальной прародине между различными племенными объединениями англосаксов существовало значительное этническое единство, которое имело основанием сходство естественно-географических условий расселения, хозяйственных, социальных и, наверняка, ментальных структур. Поэтому, на наш взгляд, обозначение германских завоевателей позднеримской Британии термином «англосаксы» вполне правомерно, хотя в последнее время и подвергается сомнению некоторыми западными исследователями³⁷.

На рубеже III–IV вв. Британия вступает в полосу больших потрясений. Дестабилизация римского господства в стране вызвала ее экономический кризис. Археологические находки позволяют говорить о начавшемся упадке римских вилл, многие из которых пришли в запустение или были разрушены; сокращается снабжение городов сельскохозяйственными продуктами; тяжелые времена переживают ремесло и торговля³⁸.

Одновременно, наряду с традиционными для нее набегами пиктов и скоттов, Британия подвергается все более мощным атакам германцев-англосаксов; обостряется и внутривнутриполитическая обстановка. В 287 г. командующий римским флотом в Британии Каразиус, заключив временный союз с саксонскими пиратами, объявил себя соправителем императоров Диоклетиана (284–305 гг.) и Максимиана (286–305 гг.) и сумел добиться признания в Риме. Однако в 293 г. он был убит, а его преемник Аллектус разбит императорскими войсками тремя годами позже. Опасаясь новых осложнений, имперская администрация более не посылала в Британию свой флот³⁹.

В 60-х гг. IV столетия, когда вновь усилились нападения пиктов и скоттов, в Британию прибыл будущий император Феодосий I (379–395 гг.) с дополнительными войсками. Он сумел восстановить Адрианов вал и многие города и очистить северные районы страны от кельтских разбойников. Однако несмотря на эти мероприятия, в 367 г. страна вновь пережила опустошительное нападение кельтов, в котором, видимо, принимали участие и англосаксы⁴⁰. Становилось очевидно, что римская администрация не в состоянии эффективно поддерживать безопасность острова.

В 383 г. один из офицеров римских войск в Британии по имени Магн Максим⁴¹ объявил себя императором, переправился в Галлию и захватил ее, а затем и Италию. Однако в 388 г. он был убит, и многие исследователи считают, что после этих событий римские войска уже не возвращались в страну⁴². Известно тем не менее, что, когда в 407 г. произошло нападение вестготов на Рим, это вызвало в Британии большую панику. Размещавшиеся там солдаты последовательно избирали себе трех императоров, которых

столь же последовательно свергали. Значит, какие-то остатки римских гарнизонов были в Британии даже в начале V столетия. В 407 же г. последний из претендентов, выдвинутых британскими солдатами, Константин, увел из Британии остававшиеся там легионы в попытке завоевать Галлию — и на этот раз навсегда⁴³.

После того как Константин увел с острова остатки римских войск, пикты и скотты возобновили натиск на северные границы Британии. Предоставленные своей судьбе бритты, все же считавшие себя подданными империи, обратились за помощью к центральному правительству в Равенне, но не имевший возможности прислать войска император Гонорий посоветовал городским магистратам надеяться на собственные силы⁴⁴. То, что Гонорий рекомендовал горожанам самим заботиться о своей безопасности, скорее всего свидетельствует об отсутствии в Британии не только серьезных воинских контингентов, но и римской администрации вообще; в противном случае он должен был бы адресовать свое ответное послание викарию, возглавлявшему диоцез. Необходимо заметить, правда, что некоторые западные исследователи, ссылаясь на так называемый «Табель должностей» (*Notitia Dignitatum*), допускают наличие каких-то римских войск на территории Британии вплоть до 420 г.⁴⁵ При этом, однако, следует иметь в виду, что, хотя формально *Notitia Dignitatum* действительно продолжал заполняться вплоть до конца 20-х годов V столетия, изменения в него вносились крайне нерегулярно. Кроме того, нумизматические материалы свидетельствуют о практическом отсутствии в Британии римских монет, выпущенных после 410 г.⁴⁶; если бы в провинции продолжали нести службу значительные воинские силы, имперская администрация вряд ли могла позволить себе более чем на десятилетие оставить их без жалования.

Как бы то ни было, с 20-х гг. V в. мы не находим в стране сколько-нибудь серьезных следов римского военного и гражданского управления. С этого времени история римской Британии может считаться, по сути дела, закончившейся.

Дальнейший ход событий реконструируется по тем сведениям, которые содержатся главным образом в сочинениях Гильдаса и Беды, а также в «Англосаксонской хронике». Если основываться на них, а также на данных археологии и топонимики, то можно, несмотря на некоторые противоречия, обрисовать достаточно ясную картину политического развития Британии после ухода римлян.

Лишенная поддержки Рима и военной охраны, страна вновь оказалась ввергнута в пучину междоусобных войн племенных бриттских вождей и оказалась беззащитной перед новыми нашествиями варваров. Гильдас так описывает положение Британии после падения римского владычества: «Британия имеет своих королей, но они являются тиранами; у нее есть свои судьи, но они занимаются грабежом и нарушением законов... Они ведут войны, но войны гражданские и несправедливые»⁴⁷. Последней попыткой местного населения добиться помощи слабеющей имперской администрации было обращение в середине 40-х гг. к римскому полководцу в Галлии Аэцию. Но военная помощь Рима не пришла⁴⁸. Тогда, не выдерживая натиска скоттов и пиктов, одна из групп бриттов во главе с неким Вортигерном⁴⁹ сочла за лучшее обратиться за помощью к германским наемникам. Примерно в 449 г. (дата, правда, спорна) в ответ на эту просьбу с континента прибыли англосаксы, а именно юты, под предводительством двух братьев — Хенгеста и Хорсы, которые высадились около Эбсфлита на острове Танет⁵⁰. В качестве платы за военную службу им обещали землю для поселения в восточной части острова на территории будущего Кента, денежное вознаграждение и снабжение продовольствием. Некоторое время германцы успешно воевали с пиктами и скоттами, но вскоре между ними и их нанимателями вспыхнул конфликт по поводу продовольственного снабжения пришельцев, быстро переросший в вооруженный мятеж англосаксов⁵¹.

Такова фабула предания о начале англосаксонского завоевания Британии, которая во многом напоминает аналогичные легенды других народов о призвании первых правителей из-за моря. Некоторые исследователи в связи с этим вообще отказывают этому преданию в достовер-

ности, считая его не более чем имевшим широкое хождение фольклорным мотивом⁵². Имеется все же достаточно оснований полагать, что легенда о призвании Хенгеста и Хорсы содержит в общих чертах исторически верное описание начала массовых миграций англосаксонских племен на Британские острова, хотя его точной дате, видимо, суждено остаться загадкой. Появление англосаксов в Кенте в середине V в. не было экстраординарным явлением. Археологические раскопки показывают, что отдельные поселения англосаксов имелись на юго-востоке Британии еще в римскую эпоху, — во всяком случае, не позже конца IV в., а защита «Саксонского берега» частично была поручена вспомогательным отрядам, состоявшим из германцев⁵³. Кроме того, как мы уже знаем, англосаксы регулярно совершали грабительские набеги на Британию еще в середине III столетия, и Вортигерн (кем бы он ни был) вполне мог принять на службу один из таких разбойничьих отрядов, прибывших на остров Танет.

Итак, в 455 г. начинаются открытые вооруженные столкновения дружины Хенгеста и Хорсы с бриттскими войсками Вортигерна. В результате сражений 455–473 гг. было основано первое англосаксонское королевство — Кент и захвачен остров Уайт. Хорса погиб в битве с Вортигерном в 455 г., и во главе кентской династии оказались Хенгест, а затем (с 488 г.) его сын Эск⁵⁴. Так началось англосаксонское завоевание Британии.

Следующий этап завоевания относится к 477–491 гг., когда саксонский вождь Элла со своими сыновьями высадился на побережье Суссекса, перебил всех попавшихся ему бриттов, а остальных загнал в Андеридский лес. В 491 г. он осадил и взял бриттский форт Андериды и стал королем всей территории к югу от залива Хамбер⁵⁵.

Завершающий вторую половину V столетия эпизод англосаксонского вторжения — это высадка в 495 г. саксов во главе с Кедриком и Кинриком и основание королевства западных саксов — Уэссекса⁵⁶.

В первой половине VI в. начинается вторая фаза массовых миграций англосаксов, которая характеризовалась не только увеличением числа появляющихся из-за моря

пришельцев, но и расширением захваченной ими территории на запад и север, хотя первоначально успехи этого продвижения были весьма скромны. Дело в том, что в силу не вполне ясных причин кельтам удалось временно консолидировать свои силы и дать успешный отпор англосаксам. Объединившись под властью потомка знатной романо-бриттской семьи по имени Амвросий Аврелиан, бритты одержали несколько побед над германцами, кульминацией чего стала битва у горы Бадон (скорее всего, она произошла в 516 г.). В ней англосаксы потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены на время приостановить свой натиск⁵⁷.

Последний период этого натиска приходится на 70–90 гг. VI в. В сражениях 571 и 577 гг. (когда англосаксы убили трех королей бриттов и захватили Глостер, Сайренсестер и Бат), а также 584–592 гг. в Уилтшире кельты были окончательно разгромлены⁵⁸. К началу VII столетия завоевание юго-восточной и центральной части острова дружинами англосаксов и создание их первых государственных образований было в основном завершено.

Обращаясь к ранней истории этих образований, мы сталкиваемся с рядом малоисследованных и спорных вопросов. К их числу относятся как проблема первоначального их расселения в Великобритании, так и вопрос об их взаимоотношениях с бриттским населением. Определенные сложности связаны и с наличием (или отсутствием) этнических различий в среде самих англосаксов.

Согласно сообщению «Церковной истории» Беда Почтенного, в ходе расселения англы заняли восточную и северную части Британии, саксы — преимущественно южную, а юты — Кент и остров Уайт⁵⁹. Современные археологические данные не подтверждают, однако, столь строгого разграничения областей расселения каждого из основных англосаксонских племен⁶⁰, хотя определенная доля истины в словах Почтенного есть. Тем не менее сходство обычаев, предметов быта, вооружения, типов жилищ возникло у англосаксов, по-видимому, еще на континенте, а в ходе массовых миграций должно было только усилиться, когда племенные различия между англами и саксами, а в значи-

тельной степени и между ютами начали стираться. В период вооруженной борьбы с кельтами остатки этнических признаков сглаживались, очевидно, еще более интенсивно. Так, «англские» броши были найдены в Кенте, а «кентские» украшения — и в Восточной Англии, и в Уэссексе. Установить же различия в такой важной категории массовых находок, как керамика, при современном уровне археологического знания не представляется возможным⁶¹.

Тем самым есть основания говорить не только о культурной близости англосаксов, завоевавших Британию, но и об относительно смешанном их расселении. Наибольшее своеобразие наблюдалось в этом смысле в Кенте, где помимо этнической разнородности самих англосаксов присутствовали сильные фризские и франкские элементы. С другой стороны, Беда, видимо, прав в том отношении, что на отдельных территориях, которые он называет, преобладали поселенцы различной племенной принадлежности.

Если говорить о взаимоотношениях германских пришельцев и местного населения, то до начала XX столетия господствовало мнение о его полном истреблении завоевателями⁶², которое опиралось главным образом на сообщения Гильдаса и «Англосаксонской хроники»⁶³. В настоящее время эта точка зрения может представлять лишь историографический интерес: большинство историков, археологов и лингвистов склоняются к выводу, что основная часть кельтов выжила, но была либо оттеснена на запад и юго-запад острова, либо эмигрировала в Бретань, либо покорилась англосаксам. Действительно, обилие кельтских названий населенных пунктов и природных объектов, кельтские остатки в лексике, связанной с сельскохозяйственным производством⁶⁴, данные аэрофотосъемок, фиксирующие сосуществование в Суссексе и Йоркшире полей кельтского и германского типов⁶⁵, упоминания бриттов в судебныхниках и повествовательных памятниках, ассимиляция бриттами галло-римских племен на полуострове Арморика⁶⁶ — все это убедительно свидетельствует о том, что вряд ли можно говорить о полном уничтожении бриттов англосаксами⁶⁷.

Политическая карта Англии времени самого завоевания практически неизвестна, хотя мы и знаем более или менее

определенные даты основания большинства англосаксонских королевств. Лишь около 600 г. проступают более ясные контуры политического деления захваченных англосаксами земель. Именно начиная с этого времени мы имеем свидетельства о существовании по меньшей мере двенадцати англосаксонских государственных образований.

Десять из них размещались в южной Англии, т. е. южнее эстуария реки Хамбер. По восточному побережью острова располагались: королевство Линдсей, включающее

Политическая карта Англии в начале VII в.

гористую часть нынешнего графства Линкольншир; королевство Восточная Англия, состоявшее из нынешних графств Норфолк и Суффолк; королевство Эссекс, которое включало не только современное одноименное графство, но и значительную часть Хертфордшира, Миддлсекса и Серри; и, наконец, королевство Кент. На южном побережье располагалось королевство Суссекс. Север центральной части Англии был разделен между Мерсией, протянувшейся к западу до Уэльса, и Средней Англией, восточные территории которой упирались в болота Кембриджшира. К югу вдоль границы с Уэльсом находились два небольших королевства — Мэгонсеттан и Хвикке, а южнее них, в верховьях реки Темзы и ее притоков, располагалось одно из крупнейших государств ранних англосаксов — королевство западных саксов, или Уэссекс.

Что касается северных районов Англии, то они впоследствии стали известны под названием Нортумбрии, т. е. территории, расположенной севернее Хамбера. В VI–VII столетиях Нортумбрия то составляла единое государственное целое, то распадалась на два самостоятельных королевства — Берниция (на севере) и Дейра (на юге).

Едва возникнув, перечисленные государственные образования начали между собой непрерывную борьбу за гегемонию, продолжавшуюся до 30-х гг. IX в.; в историографию этот период англосаксонской истории вошел под названием эпохи гептархии⁶⁸. Наиболее могущественными в это время оказались Нортумбрия, Мерсия и Уэссекс.

Первым, еще в 60-е гг. VI в., возвысился Уэссекс, но очень ненадолго⁶⁹. С конца VI столетия в связи с объединением Дейры и Берниции начинает усиливаться Нортумбрия, а Мерсия появляется на политической сцене не ранее 20-х гг. VII в. К этому же времени постепенно выявляется преобладание Нортумбрии, во-первых, расположенной самым выгодным образом для продолжения нападений на бриттов и, во-вторых, сумевшей заключить соглашение с князьями бриттского государства Стрэтклайд⁷⁰. В 20-х гг. VII в. начинается борьба Нортумбрии и Мерсии, в которой первоначально под руководством короля Пенды (632–654 гг.) Мерсия одерживает верх. Однако ее возвышение на этот

раз оказалось кратковременным, и после гибели Пенды в одном из сражений Нортумбрия продолжала господствовать среди англосаксонских государств.⁷¹ Только в 685 г. Мерсии удалось нанести нортумбрийцам решающий удар, но в это время в царствование короля Инэ (688–725 гг.) усиливается Уэссекс. Инэ сумел подчинить своему влиянию практически весь юг Англии и провел ряд успешных военных кампаний против мерсийцев, поставив ее королей в зависимое от себя положение. Казалось бы, преобладание Уэссекса должно было стать полным, но этому помешали династические распри, начавшиеся после смерти Инэ⁷². В итоге Мерсия покорила Уэссекс и установила свою гегемонию, подчинив также и Нортумбрию. Особого могущества Мерсия достигла в период правления короля Оффы (757–796 гг.), ставшего фактически владыкой всей Британии⁷³. В конце 70-х гг. VIII столетия он совершил успешный поход против уэльских княжеств, окончательно стабилизировав границу между англосаксами и кельтами на западе, а затем подчинил себе Эссекс, Суссекс и Восточную Англию и держал на вассальном положении Кент⁷⁴. Однако и это усиление Мерсии оказалось недолгим, и на время попытки объединения англосаксонских государств были оставлены ввиду непрекращающихся внутренних усобиц, которые усугублялись начавшейся внешней агрессией. Определенное преобладание Мерсии сохранялось тем не менее до середины 20-х гг. IX в., когда против нее подняла восстание Восточная Англия и усилившийся Уэссекс⁷⁵. Возвышение Уэссекса при короле Эгберте (825–839 гг.) оказалось достаточно прочным, и с этих пор именно он стал центром государственно-политической консолидации англосаксов.

Под 829 гг. составитель «Англосаксонской хроники» записывает, что король западных саксов Эгберт подчинил себе Мерсию и все территории, лежащие к югу от Хамбера. При этом он добавляет, что Эгберт стал восьмым «бретвальдой» и перечисляет имена семи предыдущих королей, которые владели этим титулом: ими попеременно были правители Суссекса (Элла — 491–? гг.), Уэссекса (Кеавлин — 560–592 гг.), Кента (Этельберт — 560–616 гг.),

Эссекса (Редвальд — ?–616 гг.) и Нортумбрии (Эдвин — 616–632 гг., Освальд — 633–641 гг., Освью — 641–670 гг.)⁷⁶. Легко заметить, что в приведенном списке отсутствуют правители Мерсии, что наверняка объясняется враждой уэссекского хрониста к исконным врагам его государства. Беда Почтенный отмечает, однако, что мерсийский король Этельбалд (716–757 гг.), как и перечисленные государи, «владел всей территорией к югу от Хамбера»⁷⁷. Видимо, и он, и его уже упоминавшийся преемник Оффа также могут быть названы «бретвальдами» (*bretwalda*).

Интерпретация этого титула, который обычно переводится как «правитель Британии»⁷⁸, вызывает серьезные трудности и споры исследователей. Некоторые специалисты предполагают, что его следует понимать не в политико-государственном, а, скорее, в героико-литературном смысле, поскольку аналогичные выражения (типа «податель колец», «вершитель славных дел», даже «самовластец») хорошо известны в англосаксонской героической поэзии⁷⁹. Другие считают, что этот титул вообще не имел реального содержания и лишь формально присваивался тем англосаксонским королям, которые были наиболее сильны в тот или иной период⁸⁰. Третьи, которые, как представляется, наиболее близки к истине, полагают, что термин «бретвальда» был заимствован англосаксами в римской фразеологии и предполагал вполне реальное политическое наполнение, употребляясь по отношению к королям, гегемония которых признавалась другими англосаксонскими правителями южной и восточной Англии⁸¹. В том же смысле использовались такие выражения, как «король англов» или «король саксов», а также латинское слово *imperator*⁸².

Несомненно, с течением времени семантика самого термина «бретвальда», равно как и содержание его власти, менялось. В самый ранний период этот титул, судя по всему, носил глава военного союза племен, которые принимали участие в покорении Британии. Он осуществлял военное предводительство, но не обладал реальной политической властью⁸³. Его гегемония укрепляется в VIII столетии, когда он присваивает себе право собирать дань с подвластных королей, утверждать их земельные пожало-

вания и требовать с них поставки военных отрядов; начинает складываться представление о его политическом верховенстве в союзе⁸⁴. К середине же IX в. этот титул, несомненно, подразумевал у его носителя вполне серьезные основания претендовать на роль объединителя и верховного главы всех земель, населенных англосаксами⁸⁵.

Однако в этот момент в ход внутривосточного развития Англии вмешался внешний фактор, который во многом изменил естественноисторическое развитие англосаксонских государств. «От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли», — писал в конце 793 г. одному из англосаксонских аббатов видный деятель Каролингского Возрождения Алкуин⁸⁶, цитировавший, в свою очередь, ветхозаветного пророка Иеремию⁸⁷. Поводом к этой цитации стало одно на первый взгляд малозначительное событие; оно тем не менее открыло новую эпоху не только в истории Англии, но и всей Западной Европы.

В «Англосаксонской хронике» рассказывается, что 8 июня 793 года «язычники» обрушились на монастырь св. Кутберта, расположенный на небольшом острове Линдисфарн у северо-восточного побережья Англии. Монахи погибли под ударами их мечей и топоров, а богатства одного из древнейших и высокопочитаемых англосаксонских аббатств были разграблены⁸⁸. Это нападение запечатлелось в сознании англосаксов как четкий рубеж, отделивший сравнительно мирный период их истории от периода вторжений, насилия, крови и разрушений. На самом деле такие разбойничьи нападения начались тремя-четырьмя годами раньше⁸⁹, но 793 г. можно действительно считать определенной вехой в раннесредневековой истории Англии.

«Язычниками», напавшими на монастырь св. Кутберта, были скандинавские викинги, скорее всего норвежцы. Сам термин «викинг» (в Англии также — «дан», а в Западной Европе — «норманн») вплоть до настоящего времени не получил вполне удовлетворительного объяснения. Большинство исследователей полагают, что он происходит от древнескандинавского глагола *vikja*, что означает «отклоняться», «поворачиваться». Соответственно, «викинг» —

это человек, покинувший свой дом, или воин, ушедший за море в поисках удачи и богатства⁹⁰.

Нападение викингов на одну из наиболее высокочтимых святынь Англии было первым событием «эпохи викингов», вызвавшим отклик в письменных источниках. Археологические находки, однако, дают основание полагать, что миграционные движения скандинавских племен в сторону Британских островов начались значительно раньше. Установлено, например, что оживленные контакты между Великобританией и Скандинавией существовали уже в VI–VII вв. Наиболее ярким свидетельством этого являются находки в знаменитом «погребении в ладье» в местечке Саттон-Ху английского графства Суффолк, которые рисуют похоронный обряд, близкий династическим погребениям Южной Швеции. Тесные связи существовали также в это время и между обитателями Южной Норвегии и населением восточного побережья Англии. На рубеже VII–VIII столетий началась норвежская же колонизация Оркнейских и Шетландских островов⁹¹.

Одним из наиболее важных показателей тесной связи, которая существовала между Англией и Скандинавией задолго до походов викингов, причем связи, осознававшейся англосаксами как связь родственная, может служить героический эпос «Беовульф». Сюжет поэмы, пришедшей к англосаксам, вероятно, еще до их переселения на Британские острова, повествует о борьбе двух скандинавских народов, некогда бывших соседями англосаксов на континенте, а именно данов и гаутов⁹². По предположению некоторых специалистов, отдельные строфы «Беовульфа» свидетельствуют о поселениях скандинавов в Англии еще в эпоху Великого переселения народов⁹³.

Конец VIII — начало IX вв. стал временем небывало активной внешней экспансии всех скандинавских племен. Поскольку главную роль в ранних нападениях на Англию играли датчане, то англосаксы называли «язычниками» и «данами» всех скандинавов, появлявшихся в их стране, хотя, несомненно, среди них были и шведские, и норвежские викинги. Вслед за разграблением аббатства на острове Линдисфарн норманны напали на монастырь в Ярроу,

а в 795–796 гг. их увидели жители южной и западной Англии, а также Ирландии. До 830-х гг. датчане с востока и юга, а норвежцы с севера и запада совершают практически ежегодные набеги, грабя населенные пункты и монастыри, убивая и уводя в рабство жителей, расхищая и уничтожая ценности, угоняя скот. Усиливается миграция скандинавов на Оркнейские и Шетландские острова, а остров Мэн становится опорной базой, используя которую, их корабли-«драконы» сеют ужас и панику среди приморского населения⁹⁴.

Следует заметить, что предпосылки и мотивы широкой и многообразной экспансии скандинавов до сих пор остаются не вполне выясненными. Основная причина, видимо, заключается в том, что, как и любое другое крупное историческое событие, движение викингов с трудом поддается однозначной интерпретации. Наиболее приемлем, с нашей точки зрения, подход, предполагающий объяснение начала внешней колонизации скандинавов комплексом разнообразных факторов, ни один из которых, взятый сам по себе, не является решающим.

Несомненно, одной из веских причин, сдвинувшей с мест первоначального обитания массы жителей северной Европы, был относительный земельный голод, особенно характерный для северо-западной Норвегии и Ютландского полуострова. Процессы, происходившие в это время внутри самого скандинавского общества, также способствовали уходу в викинги. Возвышение воинственной знати (хевдингов и годи), которой война и грабеж давали богатства, используемые для повышения своего общественного престижа, привлекало к ней многочисленные маргинальные слои древнескандинавского населения и разнообразных искателей приключений, составивших костяк норманнских дружин. Одним из серьезных побудительных мотивов походов викингов была торговая деятельность, в известном смысле также носившая разбойничий характер⁹⁵.

Говоря о предпосылках норманнских походов, нельзя сбрасывать со счета и социально-психологический фактор, связанный с переменами в духовной сфере и менталитете. Возрождение язычества, качественные сдвиги в сканди-

навском искусстве (в частности, изменения традиционного «звериного стиля» в сторону динамизма), развитие скальдической поэзии и рунической письменности — все это говорит об определенной ломке общественного сознания скандинавов, о создании духовной атмосферы, благоприятствовавшей военной экспансии⁹⁶.

Имелись и материальные ее предпосылки. Решающей из них стал перелом в развитии скандинавского кораблестроения, позволивший создавать суда с устойчивым килем, системой парусов и весел. Такие корабли отличались быстроходностью, могли противостоять ударам океанских волн, почти не зависели от направления ветра, а их малая осадка позволяла причаливать практически к любому берегу. «Драконы» на первых порах сделали викингов полными господами на море, гарантируя внезапность нападения и чрезвычайную мобильность их отрядов⁹⁷. Немаловажно и то, что все свои нападения викинги совершали с исключительной дерзостью, и поэтому даже небольшая их дружина наносила значительный ущерб. Беспремерная отвага скандинавских воинов создавала впечатление наступления целых полчищ «данов»⁹⁸, хотя на самом деле в начале IX в. их отряды, разбойничавшие в Англии, были весьма невелики⁹⁹.

Таким образом, будучи в широком смысле слова последней волной великих миграционных движений раннего средневековья, норманнская экспансия была обусловлена целым комплексом хозяйственно-экономических, социально-политических и духовно-идеологических факторов и означала крутой перелом в исторических судьбах как самих скандинавов, так и англосаксонской Британии.

Возвращаясь к конкретной истории, следует заметить, что в 30-х гг. IX столетия викингское военно-колониционное движение в Англию приобретает несколько иной, по сравнению с рубежом VIII–IX вв., характер. Продолжая практику почти ежегодных нападений на прибрежные местности Британских островов, скандинавы постепенно начинают проникать во внутренние районы Англии. Количество викингов, участвующих в этих экспедициях, также возрастает, и «Англосаксонская хроника» насчитывает в

некоторых из них до 350 кораблей. В 835 г. «даны» захватывают остров Уайт¹⁰⁰, ставший их второй опорной базой, с которой осуществлялись нападения на юго-западную Англию, и прежде всего на Уэссекс.

В 835-м же году норманны напали на остров Шеппи в устье Темзы, а в следующем — большая армия викингов высадилась на побережье Корнуолла и, заключив союз с местными уэльскими князьками, двинулась в глубь страны. Остановить скандинавов удалось королю Уэссекса Эгберту в битве у Хингистдуна. В 840 г. англосаксам вновь удалось разбить дружины викингов у Саутгемптона, но в следующем году они потерпели сокрушительное поражение у Портленда¹⁰¹. Восемьсот сорок второй год принес первые нападения викингов на крупные города Англии: пострадали Кентерберри, Рочестер и Лондон¹⁰², а затем наступила кратковременная передышка.

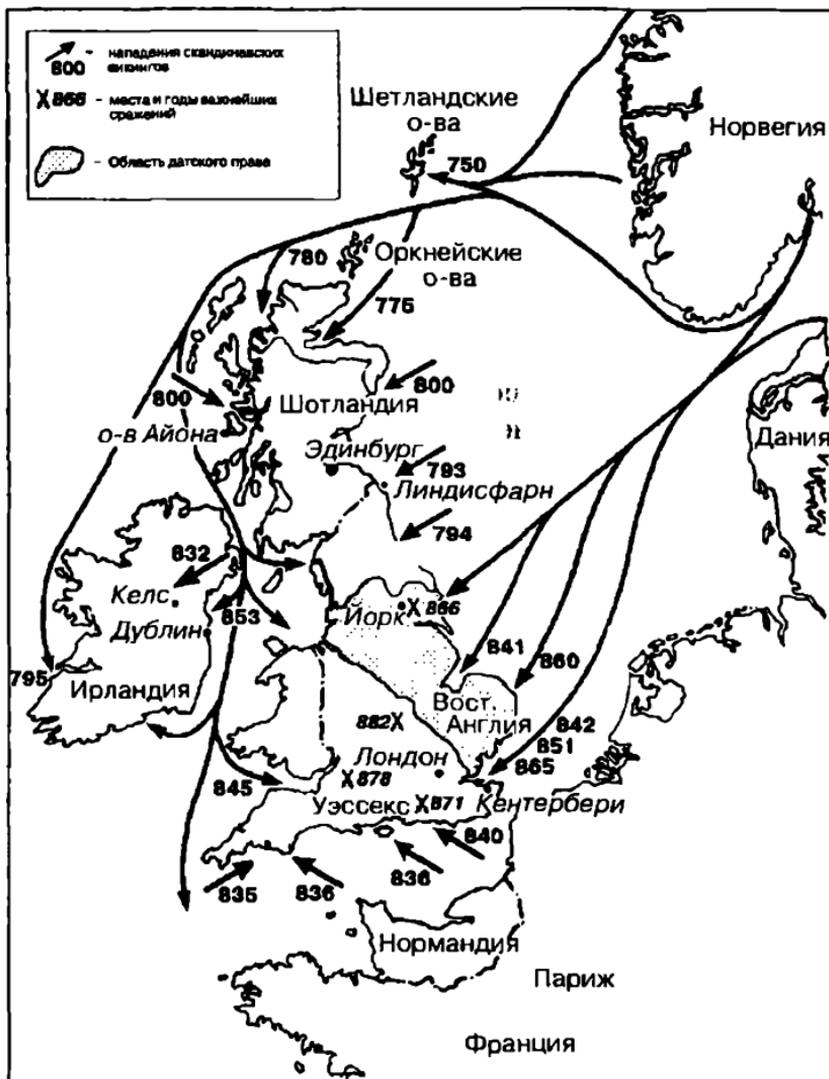
В 851 г. викинги впервые зазимовали на территории Англии — выбранный ими для этого остров Танет располагался у юго-восточного побережья страны. Весной следующего года, по сообщению «Англосаксонской хроники», «...в устье Темзы вошел языческий флот из 350 кораблей с огромным войском; при этом были опустошены Доруберния¹⁰³, столица Кента, и Лондон...». Одновременно дружины норманнов напали на Мерсию и разбили войско короля Беортвульфа¹⁰⁴.

Подобное развитие событий могло означать только одно: от разбойничьих нападений викинги переходят к установлению своего постоянного контроля над значительной территорией северо-восточной Англии и освоению захваченных областей. В течение первых 15 лет второй половины IX в. борьба продолжается с переменным успехом, пока в сентябре 865 г. не происходит новое массовое вторжение, которым начинается новый этап скандинавской экспансии в Англию.

Глава II

АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ В КОНЦЕ IX — СЕРЕДИНЕ XI ВЕКА

Осенью 865 г. войско датчан, впоследствии названное англосаксами «великой армией» (*micel here*), во главе с Иваром и Хальфданом, сыновьями прославленного викинга Рагнара Лотброка, в 845 г. осаждавшего Париж, высадилось на восточном побережье Англии. Количественный его состав нам неизвестен, но, судя по эпитету «великая армия», он был весьма внушителен. Это подтверждается и тем, что викингам удалось молниеносно подчинить королевство Восточная Англия, поторопившееся заключить с норманнами мир и снабдить их лошадьми. После этого скандинавы направились в Нортумбрию и 1 ноября 866 г. овладели Йорком. Внутренняя усобица не позволила нортумбрийцам сконцентрировать свои силы, и в марте 867 г. их войска потерпели сокрушительное поражение от норманнов; на престол Нортумбрии была посажена их марионетка — некий Элла. В декабре «великая армия» ворвалась в Мерсию и стремительным ударом захватила Ноттингем, где и перезимовала. Несмотря на помощь, оказанную королю Мерсии Бургреду уэссекским королем Этельредом (865–871 гг.), мерсийский правитель не смог выбить ее отсюда и был вынужден заключить со скандинавами мир, после чего они вернулись в Йорк. В конце 869 г. норманны вновь напали на Восточную Англию и, взяв в плен, убили ее короля Эдмунда¹, ставшего, между прочим, мучеником и одним из главных святых англосаксонской Церкви². Нортумбрия, северо-восточная Мерсия и Восточная Англия оказались под полным контролем викингов.

Англия в VIII–IX вв. Скандинавская экспансия

Став хозяевами всей восточной части Англии, датчане обратили свое оружие против Уэссекса, который к этому времени остался фактически единственным англосаксонским королевством, сохранившим свою независимость. Следующей весной они встретились в битве у Эшдауна с уэссекским войском, которое возглавляли король Этельред и его младший брат Альфред. В результате кровопролитного

сражения англосаксы одержали верх и на время остановили продвижение норманнов. Но победа под Эшдауном оказалась кратковременным успехом. Двумя неделями позже войско Уэссекса было разбито в стычках у Бейзинга и Мальборо. Еще через два месяца, на Пасху, от ран, полученных в этих сражениях, король Этельред скончался³. На уэссекский престол взошел его брат Альфред (871–899 гг.), позже названный Великим⁴.

Альфред был младшим из пяти детей (четырёх сыновей и дочери) короля Уэссекса Этельвульфа (839–858 гг.) и его жены Осбурх. Став королем в возрасте примерно двадцати трех лет, он тем не менее был хорошо подготовлен к управлению страной, а главное, учитывая внешнюю ситуацию, к отражению атак викингов. Достаточно сказать, что в упоминавшейся битве при Эшдауне только полководческое мастерство и энергия Альфреда, бывшего правой рукой короля Этельреда, позволили англосаксам одержать победу⁵.

Первые годы его правления оказались крайне тяжелыми. Оставшись по существу один на один с норманнскими завоевателями, он был вынужден маневрировать, сочетая вооруженный отпор «данам» с попытками дипломатическим путем добиться прекращения их продвижения в глубь своей страны. В тот самый день, когда Альфред присутствовал на похоронах своего брата в Уимборне, скандинавы вновь разбили войско Уэссекса недалеко от Рединга и вскоре принудили его к невыгодному миру. Возвратившись в Йорк, их дружины подавили восстание в Нортумбрии и вновь вторглись в Мерсию, где сместили короля Бургреда, заменив его своим ставленником⁶. Уэссекс очутился на краю гибели, но в 875 г. непобедимая армия викингов разделилась, что оказало Альфреду неоценимую услугу и фактически спасло его королевство⁷. Хальфдан отправился на север, где, раздав нортумбрийские земли своим воинам, вступил в затяжную борьбу с бриттским Стрэтклайдом. Другая же часть «великой армии» во главе с Гутрумом, сменившим погибшего Ивара, продолжала концентрировать свои силы против Уэссекса, а в 878 г. викинги вновь начали широкомасштабное наступление. «Англосаксонская хроника» сообщает, что «язычники» на этот раз заняли «всю

землю западных саксов», изгоняя ее население за море и покоряя оставшихся⁸. Вряд ли это сообщение полностью соответствует истине, но не приходится сомневаться в том, что Уэссекс оказался в крайне тяжелом положении, фактически подчинившись датчанам. Самому Альфреду с небольшой дружиной удалось укрыться в болотах Сомерсета и, сделав их своей опорной базой, начать партизанскую войну против завоевателей. К нему стали стекаться уцелевшие войска, и летом 878 г. он сумел разбить датчан в столкновении при Эддингтоне, после чего последние пообещали покинуть Уэссекс, а их предводитель Гутрум даже принял крещение из рук Альфреда⁹. По условиям договора, заключенного в Уэдморе, Англия была разделена: норманны получали Нортумбрию, Восточную Англию и восточную часть Мерсии, а также Лондон; за Альфредом оставался весь юго-запад. Территории, отошедшие к датчанам, с этого времени стали называться Областью датского права (*Danelaw*)¹⁰.

Пауза, наступившая в военных действиях, была использована королем Уэссекса для проведения реформ, направленных на создание прочной обороны страны в преддверии новой схватки с датчанами. Особое внимание, как свидетельствуют «Англосаксонская хроника» и первый биограф Альфреда епископ шернборнский Ассер, было уделено строительству флота, который был призван оградить морское побережье и сломить гегемонию викингов на море. В короткий срок было построено более ста новых кораблей, оказавшихся устойчивее, прочнее и быстрееходнее датских и фризских «драконов»¹¹. Кроме того, по приказу Альфреда началось сооружение оборонительной системы фортов, или бургов, по периметру границ Уэссекса. Данные археологии и сохранившийся от конца правления Альфреда список этих бургов позволяют судить о том, что было построено не менее 30 таких укреплений, ставших опорными пунктами в борьбе с датчанами¹².

Особое значение имела реформа сухопутного войска, предпринятая Альфредом. Здесь надо отметить, что до середины IX столетия основу вооруженных сил англосаксонских королевств, включая и Уэссекс, составляло пешее

ополчение свободных англосаксов, к которому присоединялись немногочисленные дружины короля и представителей знати. Альфред же почти полностью отказался от созыва этого ополчения, или фирда, сделав ставку на тяжеловооруженных профессиональных воинов. С целью создания такой профессиональной армии Альфред приказал, чтобы с каждого надела земли определенного размера выставлялся один всадник в кольчуге, шлеме и с мечом, который должен был приводить с собой 4–5 пеших легковооруженных воинов. В итоге такой реорганизации основой военных сил Уэссекса стало небольшое, но мобильное войско, способное выдержать натиск датчан¹³. Кроме всего прочего, военные реформы Альфреда способствовали «оседанию» светской и церковной знати на землю и созданию частновладельческих хозяйств вотчинного типа. Наряду с практикой земельных пожалований, получившей распространение еще в предшествующий период, это стимулировало эволюцию англосаксонского общества в сторону феодализации.

Опираясь на проведенные им мероприятия, Альфред в 880-х гг. провел несколько удачных походов против датчан и в 886 г. отвоевал у них Лондон, что окончательно стабилизировало положение и позволило заключить новый договор с Гутрумом, по которому существующие границы между Уэссексом и Областью датского права признавались незыблемыми. Захватив Лондон, Альфред передал его в управление элдормену западной Мерсии Этельреду, выдав к тому же за него замуж свою старшую дочь Этельфлед. «Англосаксонская хроника» в этой связи замечает, что к тому времени все англосаксы, не находившиеся в подчинении у «данов», признали Альфреда своим правителем¹⁴.

Серьезным испытанием новой системы обороны, созданной Альфредом, стало очередное наступление викингов, произошедшее в 892 г. В этом году потерпевшая поражение в войне с западными франками норманнская армия под руководством Хестена переправилась в Англию и напала на Кент. Заручившись обещанием нортумбрийских и восточно-английских данов не нарушать мир, Альфред смог остановить их продвижение к Уэссексу, а в 893 г. его

зять Этельред одержал над ними решающую победу в битве у Баттингтона¹⁵. После этого военные действия приняли характер периодических стычек, которые, однако, уже не угрожали политической независимости Уэссекса.

В период правления Альфреда Великого происходит значительное укрепление ранней англосаксонской государственности. Одновременно с ростом престижа монарха расширяются границы его властной компетенции, усиливается роль королевского двора как органа центрального управления и радикально реорганизируются королевские финансы. Неслучайно Альфред стал первым королем, который рассматривал себя не только как правителя Уэссекса, но и как государя всех территорий, населенных англосаксами, независимо от особенностей, отражавших социоэтническую специфику отдельных древнеанглийских королевств¹⁶.

Помимо военной и государственной деятельности Альфреда Великого заслуживает внимания его культурно-просветительная политика. Дело в том, что в середине IX столетия в развитии англосаксонской культуры наступает некоторый застой, вызванный прежде всего непрекращающейся экспансией скандинавов. Набеги на побережье, ограбление и разрушение монастырей и церквей привели к постепенной утрате ими прежнего культурного значения и даже к падению элементарной грамотности. В 80-е гг. IX вв., оценивая культурное состояние своей страны, Альфред писал: «Мало было людей по эту сторону Хамбера, кто мог бы понять службу на английском языке или перевести написанное с латыни на английский. И думаю, что и за Хамбером таких было не слишком много. И так их было мало, что не могу вспомнить ни одного человека к югу от Темзы, когда я стал править этим королевством»¹⁷.

Наверное, Альфред несколько сгустил краски, но бесспорно, что определенный культурный упадок в это время действительно имел место. Его причиной, помимо вторжений норманнов, отнимавших все силы англосаксов, была постепенная утрата значения позднеантичных традиций в формировании культурных образцов раннесредневековой Англии. Основная масса произведений англо-латинской

литературы, созданных в VII–VIII вв. и ориентировавшаяся на эти традиции, была рассчитана на образованного читателя, поднаторевшего в тонкостях богословской, исторической и естественнонаучной мысли своего времени. Такие читатели в ранний англосаксонский период оставались в абсолютном меньшинстве; большинству же латинская традиция была понятна только в адаптированном, если не примитивизированном виде. Глубина рассуждений и точность латинских формулировок Беда Почтенного была просто недоступна массе населения. Для удовлетворения ее духовных потребностей, особенно учитывая необходимость укоренения христианского вероучения, требовался иной подход к освоению наследия римской цивилизации. Сущность этого подхода можно определить как переориентацию с латыни — основного носителя этого наследия — на древнеанглийский. Указанная переориентация, связанная к тому же с распространением элементарных знаний, и определила культурно-просветительскую деятельность Альфреда Великого.

Самостоятельно изучив латынь в возрасте примерно 40 лет¹⁸, Альфред предпринял затем беспрецедентный для раннего средневековья труд: перевод крупнейших латиноязычных произведений своего времени на древнеанглийский. Сгруппировав вокруг себя выдающихся представителей богословия, философии и литературы, живших в Англии (Ассер, Плегмунд, архиепископ Кентерберийский, Уэрферт, епископ Вустерский и др.)¹⁹, король Уэссекса с их помощью перевел всего пять произведений. Но их выбор обнаруживает глубину знаний и тонкость понимания культуры своей эпохи. Сам Альфред подчеркивал, что выбор этот был далеко не случаен: целью его было «передать на языке, который мы все понимаем, несколько книг, наиболее необходимых всем людям»²⁰. Эти сочинения — наиболее полная история своего народа («Церковная история народа англов» Беда), подробнейшее изложение всемирной истории и географических знаний («Семь книг истории против язычников» Павла Орозия), книга, во многом определившая развитие философской мысли средневековья («Об утешении философией» Боэция), доступное для

широкого читателя изложение основ христианского мирозерцания («Монологи» Августина Аврелия) и кодекс христианской этики («Обязанности пастыря» папы Григория I Великого). Идеи и конкретные сведения, содержащиеся в этих трудах и благодаря переводу ставшие доступными широкому кругу людей, приобщали их к вершинам христианской культуры. Кроме того, Альфред не ставил своей задачей сделать буквальный перевод избранных им трудов, пополняя имеющиеся в оригинале сведения своими собственными вставками и комментариями. В правление же Альфреда и, вероятно, по его прямому указанию началось составление первой редакции «Англосаксонской хроники»²¹.

...Если бы в 70–80-х гг. IX в. Уэссекс не устоял под напором скандинавов, то мы, скорее всего, никогда не узнали бы о выдающихся качествах Альфреда как полководца, государственного деятеля и вообще разносторонне одаренной личности, а его имя осталось бы только одним из длинной череды имен представителей англосаксонских королевских династий. С этой точки зрения титул «Великий» следует прежде всего отнести к его военному гению, позволившему мобилизовать скрытые резервы страны на успешное сопротивление заморским захватчикам. Величие Альфреда, однако, состоит не только в воинской доблести: и до него англосаксонские короли демонстрировали полководческие таланты; его государственные и военные реформы также не были абсолютной новацией, будучи подготовлены всей предыдущей англосаксонской историей. Но то, что разительно отличает Альфреда от всех его предшественников и преемников, думается, состоит в особом сочетании в одном человеке самых многообразных достоинств, соединенных с необыкновенной оригинальностью мышления и широтой взглядов. Именно это качество позволило ему придать новый импульс развитию окружающего его социума в самый трагический период его истории и тем заслужить память благодарных потомков, нарекших его Альфредом Великим.

Дата его смерти точно не установлена; скорее всего, это произошло 26 октября 899 года²². С 899 по 955 г. на

престоле находились его прямые потомки — сначала сын Эдуард, по прозвищу Старший (899–924 гг.), а затем последовательно его внуки — Этельстан (924–939 гг.), Эдмунд (939–946 гг.) и Эадред (946–955 гг.).

Правление Эдуарда Старшего началось в сложной внутривнутриполитической обстановке. В начале X столетия отчетливо выявилась слабость объединительных тенденций, наметившихся во второй половине предыдущего века, основой которых во многом были лишь внешняя опасность и сильная рука Альфреда Великого. Сразу же после вступления на престол Эдуарду Старшему пришлось столкнуться с крупными выступлениями отдельных англосаксонских государств против власти Уэссекса и с претензиями на трон других представителей уэссекской династии²³. Восстание в Восточной Англии ему удалось подавить достаточно быстро, но выступление в Мерсии оказалось более затяжным. Здесь против Эдуарда поднялась так называемая конфедерация пяти городов: Дерби, Линкольн, Лестер, Стамфорд, Ноттингем, создавшая собственную военную и судебную систему по датскому образцу. Наместником Эдуарда в Мерсии, по существу находившимся на положении независимого правителя, была его сестра Этельфлед, вдова умершего к тому времени элдормена англосаксонской Мерсии Этельреда. Унаследовав, видимо, полководческие дарования своих отца и мужа, она повела регулярную осаду пяти городов, возводя одновременно с этим собственные бурги. Весьма энергично действовала она и в Уэльсе, князя которого пытались оказать помощь восставшим мерсийцам²⁴.

Достигнутая стабилизация позволила начать систематическое отвоевание Области датского права, и в 920 г. вассальную покорность Эдуарду, по выражению «Англосаксонской хроники», выразили все жители южной части Денло, «независимо от того, были ли они англичанами, данами или норвежцами». Одновременно был подчинен Стрэтклайд²⁵. К концу своего правления Эдуард Старший оказался самым могущественным государем в Англии.

Его сын и наследник Этельстан воспитывался в доме Этельреда и Этельфлед, что обеспечило ему твердую поддержку мятежной мерсийской знати и позволило при-

ступить к присоединению все еще занятой датчанами северной Нортумбрии. Первая его попытка носила матримониально-дипломатический характер: в 926 г. он выдал замуж одну из своих сестер за датского правителя Йорка, который, к несчастью для Этельстана, через год скончался²⁶. Этельстану пришлось обратиться к оружию. Почти все его правление было заполнено вооруженными столкновениями с лигой, в которую входили Стрэтклайд, уэльские правители и нортумбрийские датчане²⁷. В 937 г. объединенные войска этой коалиции и армия под командованием Этельстана и его брата Эдмунда встретились в решающей битве у местечка Бруннабург. Англосаксы одержали убедительную победу и с тех пор битва при Бруннабурге воспевалась в героическом эпосе как один из наиболее ярких эпизодов борьбы англосаксов с норманнами²⁸.

Казалось бы, после этого скандинавская опасность должна была бы навсегда исчезнуть. Но смерть Этельстана в 939 г. показала, насколько англосаксонское государство зависело от личности своего государя. В Нортумбрии сразу же началось новое возмущение норманнов, распространившееся на Стрэтклайд, а король Эдмунд не смог оказать ему достойного противодействия. К тому же в 946 г. Эдмунд погиб в результате заговора²⁹ и его место занял последний внук Альфреда Великого Эадред.

Именно к его правлению относится окончательное подчинение Области датского права. В 954 г. последний скандинавский правитель Йорка — Эрик Кровавая Секира — был изгнан и вскоре скончался³⁰. Набеги норманнов на Англию прекращаются вплоть до самого конца X столетия, и она объединяется в целостное государство под скипетром уэссекской династии.

В 955–959 гг. на английском престоле находился несовершеннолетний король Эдвиг, в царствование которого шла борьба между ним и его младшим братом Эдгаром (оба были сыновьями убитого в 946 г. короля Эдмунда). Эдвиг был признан королем Уэссекса, а Эдгара поддержала могущественная знать Мерсии. Борьба закончилась победой Эдгара³¹, правление которого в 959–975 гг. обычно рассматривается как время значительной централизации госу-

дарства и укрепления королевской власти. Свидетельством этого является, в частности, дошедшее до нас описание коронации Эдгара в 973 году³². В его царствование происходит окончательное инкорпорирование в состав англосаксонского государства Области датского права: норманнская знать получила высокие должности в государственном управлении и церковной иерархии, но на местах были сохранены скандинавские обычаи и традиции. Правление Эдгара характерно также возросшим влиянием Церкви на формирование и проведение государственной политики, отчетливо проявившееся в том, что фактически в это время власть находилась в руках архиепископа Кентерберийского Дунстана³³. Показателем политической консолидации и нивелировки этнических различий народов, населявших Британию, было появление термина «Englond», т. е., страна англов, или Англия³⁴.

После короткого правления малолетнего короля Эдуарда, убитого в 978 г., на английский престол вступил Этельред II, по прозвищу Нерешительный, который правил до 1016 г. Уже через два года после его восшествия на престол викинги возобновили свои набеги на Англию³⁵. Эта третья по счету стадия скандинавской экспансии на Британские острова существенно отличалась от двух предыдущих. Дело в том, что к концу X — началу XI столетия радикально изменилась обстановка в самой Скандинавии. К рубежу двух веков происходит значительное ускорение процессов государственной консолидации скандинавов, которое, хотя и проходило в каждой стране по-своему, в целом означало утверждение на Севере раннеклассового общества и государственности. В связи с этим меняется и характер норманнских атак на Англию. Если раньше речь шла чаще всего о набегах, или, в крайнем случае, о колонизационном движении, предпринимавшимися отдельными удачливыми представителями скандинавской родовой знати, то теперь на передний план выступает обдуманная государственная стратегия, направленная на полное завоевание Англии и установление над нею политического контроля.

Положение Этельреда усугублялось тем обстоятельством, что в начале своего правления он оказался вынужден

подчиниться элдормену Восточной Англии Этельвину, возглавившему мятежную знать и сосредоточившему в своих руках всю государственную власть. Не способствовало организации сопротивления новой агрессии норманнов и начавшееся восстание в Уэльсе. Поэтому уже первый поход скандинавских войск привел к тому, что Этельреду пришлось откупаться значительной суммой денег. В 992–994 гг. нападения скандинавов повторились, причем в последнем случае на побережье Англии высадились сразу две армии — датчан и норвежцев. Опять-таки только ценой значительного выкупа англосаксам удалось повернуть назад захватчиков³⁶.

После 994 г. наступает период некоторой стабилизации и Этельреду удается укрепить положение королевской власти. Опираясь на военно-служилую знать, он ведет успешную борьбу с англосаксонскими магнатами и, усилив флот, удачно воюет с викингами на море. Кроме того, стремясь создать гарантии против новых нападений скандинавов, он заключает союз с правителями герцогства Нормандия, образовавшегося в устье Сены в 911 г. Главная цель этого союза заключалась в том, чтобы побудить Нормандию закрыть свои порты для короля Дании Свейна Вилобородого (?–1014 гг.), который готовил вторжение в Англию. Ради этого Этельреду пришлось даже жениться на дочери нормандского герцога Эмме³⁷.

Несмотря на все принятые меры, в 1003 г. войско Свейна высадилось на английском побережье и, не встречая особого отпора, до 1010 г. оставалось на юге и востоке страны, грабя население и разрушая бурги и города³⁸. Одновременно с датчанами появились норвежцы, терроризировавшие Мерсию и Восточную Англию. В 1012 г. они штурмом взяли церковную столицу Англии Кентерберии, разграбив город, убили архиепископа Эльфги³⁹.

Тем временем внутривосточная обстановка в самой Англии также обострилась, что было связано с усилившимся противостоянием старой, родовой, и новой, военно-служилой, знати и их попытками вновь подчинить себе королевскую власть. Откупаясь от нападений, Этельред был вынужден начать постоянную выплату денег агрессорам.

«Англосаксонская хроника» сообщает о выплате колоссальных сумм: так, в 1002 г. было уплачено 24 тысячи марок серебра, а в 1007 г. — 36 тысяч⁴⁰. Страна раздиралась интригами и жестокими междоусобицами знати и была разорена сборами «датских денег»⁴¹.

В 1013 г. Свейн вновь высадился в Сэндвиче, а затем дошел до Гейнсборо, где был провозглашен королем Нортумбрии. Оттуда он направился в Мерсию и Уэссекс, избивая население, грабя церкви и города, опустошая деревни. Некоторое сопротивление датчанам оказал только Лондон, который тем не менее был также захвачен и подвергнут разграблению. Этельреду пришлось бежать в Нормандию⁴².

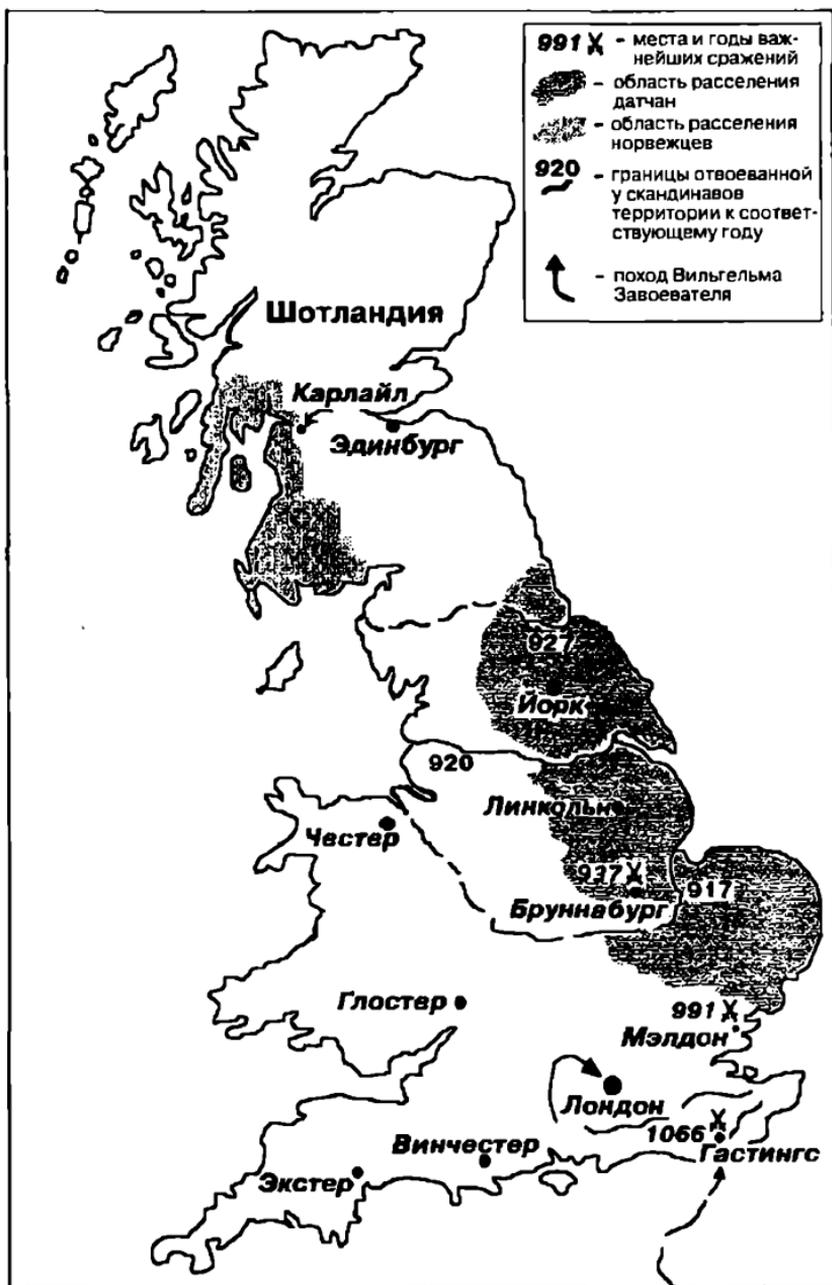
В начале 1014 г. Свейн умер, а его сыну и наследнику Кнуту пришлось срочно отплыть в Данию, чтобы упрочить свою власть на родине. Вернувшийся Этельред вновь встретился с оппозицией знати и в разгар борьбы с нею умер в 1016 г. Вступивший на престол его сын Эдмунд, по прозвищу Железнобокий, некоторое время оказывал датчанам отчаянное сопротивление, выдержав за семь месяцев семь битв с ними. В 1017 г. он заключил с возвратившимся из Дании Кнутом соглашение, делившее Англию по Темзе на две части: в юго-западной королю оставался Эдмунд, а в северо-восточной правителем становился Кнут. Однако смерть Эдмунда в том же году обратила в прах последние надежды англосаксов на сохранение политической независимости⁴³.

С 1017 по 1042 г. полновластными повелителями Англии были датские короли — сначала Кнут Великий (1017–1035 гг.), а затем его сыновья Гарольд (1035–1040 гг.) и Хардакнут (1040–1042 гг.). Основатель династии англо-датских королей Кнут Великий объединил в своей державе Данию, Норвегию и Англию, создав настоящую раннесредневековую империю. Что касается собственно Англии, то принципиальных изменений ее государственно-политического устройства в его правление не произошло. Расправившись с потенциальными претендентами на престол (в частности, по его приказу был убит брат Эдмунда Железнобокого Эдвиг)⁴⁴, он, распустив датское войско, создал особый отряд своих телохранителей — хускерлов, которые поддер-

живали полицейско-административный порядок в завоеванной Англии⁴⁵. В его правление усилилась политическая роль Церкви, которой Кнут оказывал покровительство, обращая особое внимание на поддержку монастырей. Процесс этнического сближения англосаксов и скандинавов, начавшийся по сути дела сразу же после появления викингов в Англии, в начале XI столетия пошел более интенсивно. Показателем этого, помимо всего прочего, были изданные Кнутом законы, которые объединяли юридические нормы предшествующего периода с нормами датского обычного права.

Главную роль в государственных делах в период царствования Кнута играл любимец короля эрл Годвин, представитель знатного англосаксонского рода, который поддерживал в качестве наследника старшего сына Кнута Гарольда. Когда в 1035 г. Кнут скончался, в стране вновь начались междоусобицы: север Англии признал королем Гарольда, юг — его младшего брата Хардакнута, сына Кнута Великого от вдовы Этельреда Эммы⁴⁶. После смерти в 1040 г. Гарольда он остался единственным правителем Англии и начал проводить жесткую политику подавления англосаксов. Однако через два года он умер, и прежде чем датская знать успела выбрать нового короля, англосаксы во главе с Годвином посадили на английский престол сына Этельреда Нерешительного и Эммы Эдуарда, по прозвищу Исповедник⁴⁷. Англо-датское государство прекратило свое существование.

Эдуард прибыл в Англию из Нормандии в 1041 г. по приглашению Хардакнута, принявшего его в свою семью⁴⁸. Еще до похорон последнего датского правителя Англии он был, как уже говорилось, провозглашен англосаксонской знатью королем, а на Пасху 1043 г. коронован в Винчестере⁴⁹. К моменту вступления на престол Эдуарду было около 40 лет, 25 из которых он провел в изгнании в Нормандии, при дворе тамошних герцогов. Когда он оказался в Англии, то вместе с ним приехало множество его приближенных и советников из числа нормандской знати, сразу же получивших высокие государственные, церковные и придворные должности⁵⁰.

Англия в X – середине XI в.

Представители англосаксонской аристократии, среди которых выделялись уже упоминавшийся эрл Уэссекса Годвин, эрл Мерсии Леофрик и эрл Нортумбрии Сивард, постепенно были отстранены от центрального управления, хотя сохраняли сильное влияние на местах, заставляя короля считаться с собой. Показателем этого стала женитьба Эдуарда в 1045 г. на дочери Годвина Эдите⁵¹. В первые годы своего правления Эдуард Исповедник проявил себя как энергичный государь и отнюдь не был похож на «короля-монаха», каким его рисует позднейшая легендарная традиция. Так, он, не колеблясь, лишил вдовьей части наследства свою мать Эмму, заподозренную в заговоре в пользу норвежского короля Магнуса, претендовавшего на английский престол. Он авторитарно назначал высших церковных иерархов, включая архиепископа Кентерберийского, из числа прибывших с ним нормандцев. В 1044 и 1048 гг. под его руководством были успешно отражены две попытки норвежцев высадиться на английском побережье⁵².

К 1050 г., однако, ситуация изменилась. Первоначально в своей политике Эдуард опирался на мощные вооруженные силы, унаследованные им от англо-датских королей. С исчезновением прямой внешней угрозы со стороны норвежских претендентов Эдуард пошел на резкое сокращение численности армии и флота, сохранив только гвардию хускерлов. Тем самым он поставил себя в чрезвычайно сложное положение, когда летом 1051 г. против него вспыхнул мятеж, возглавленный эрлом Годвином.

Обычно борьба Эдуарда с домом Годвина в 1051–1052 гг. рассматривается как попытка королевской власти подавить сепаратистские устремления крупных магнатов, которые до того якобы держали короля в полном подчинении⁵³. Исходя, однако, из того, что говорилось о начале правления Эдуарда, напрашивается несколько иная интерпретация этих событий. Столкновение между Эдуардом и Годвином было результатом недовольства могущественного аристократического рода проводимой королем «этнической» политикой (хотя что конкретно вызвало это недовольство, нам неизвестно), и оно вылилось в открытое неповиновение королевской воле. На практике это неповиновение

приняло форму отказа Годвина выполнить приказ Эдуарда покарать жителей Дувра за убийство спутников графа Фландрии, находившегося с визитом в Англии⁵⁴. Узнав об этом отказе, Эдуард собрал в Глостере совет знати, на котором поступок Годвина был осужден, а сам он был объявлен государственным преступником. В ответ на это Годвин и два его сына — Гарольд и Свейн — собрали в 15 милях от Глостера свое войско и угрожали взятием города, если обвинения не будут сняты. Не имевший под руками сколько-нибудь серьезных военных сил, Эдуард обратился за помощью к эрлам Мерсии и Нортумбрии, не замедлившими прибыть к нему со своими отрядами. Противники долгое время выжидали, но затем сторонники Годвина начали покидать его, и в конце концов эпизод завершился поражением англосаксонской партии. Годвин с женой и тремя сыновьями был вынужден удалиться в изгнание на континент, а королеву Эдиту заточили в монастырь⁵⁵.

Хотя уже через год состоялось примирение и дом Годвина был восстановлен в своих правах, Эдуард использовал время для укрепления нормандского элемента в государственном и церковном управлении. Кульминацией проникновения нормандцев в Англию стал визит зимой 1051-го или ранней весной 1052 г. в Англию нормандского герцога Вильгельма, в ходе которого, по сообщению позднейшего хрониста, велись переговоры о наследовании английского престола и Вильгельм, якобы, получил обещание Эдуарда завещать трон ему. Нормандская знать повсеместно встречала герцога как своего господина и повелителя⁵⁶. В ответ вновь поднялось движение англосаксов, а имя Годвина стало символом борьбы против засилья иноземцев.

Осенью 1052 г. флот англосаксов под командованием Годвина и его сына Гарольда появился на Темзе и двинулся к Лондону, куда начали стекаться их сторонники не только из числа знати, но и горожан, и свободных крестьян. Осознав, что на этот раз сил у него недостаточно, Эдуард пошел на уступки. Нормандские придворные и высшие церковные иерархи были удалены, после чего Годвин стал фактическим правителем государства. Когда в следующем (1053) году он умер, власть перешла к его сыну Гарольду,

а король Эдуард все больше отходил от управления страной, погружаясь в религиозный мистицизм⁵⁷.

Гарольд сразу же выказал себя сторонником укрепления центральной власти, чем восстановил против себя как нормандскую, так и англосаксонскую знать. Положение его стало еще более шатким после того, как он в 1063 г. во время путешествия в Нормандию попал в плен к одному из вассалов Вильгельма и был освобожден на условиях помощи нормандскому герцогу в получении английского престола, будто бы завещанного последнему Эдуардом⁵⁸. Не добавляла стране стабильности и распря между Гарольдом и его младшим братом Тости, правившим в Нортумбрии, закончившаяся изгнанием последнего. Тем не менее, когда 5 января 1066 г. скончался Эдуард Исповедник, англосаксонским магнатам понадобилось всего лишь шесть часов, чтобы избрать Гарольда королем Англии⁵⁹. Он сразу же столкнулся с выступлением эрлов Мерсии и Нортумбрии, но, главное, всем было ясно, что наиболее сильные претензии на английский престол предъявит герцог Нормандии. Так оно и случилось.

Узнав о смерти Эдуарда Исповедника, Вильгельм сразу же направил к Гарольду посольство с напоминанием об их договоренности трехлетней давности и требованием вассальной присяги, одновременно обвинив английского короля в клятвопреступлении и узурпации власти. Тогда же он обратился к римскому папе Александру II, прося его благословения на вторжение в Англию. Римский первосвященник, преследуя цели полного подчинения английской Церкви папской курии, санкционировал это вторжение, послав Вильгельму освященное знамя⁶⁰. Не теряя времени, нормандский герцог начал деятельно готовиться к походу, привлекая к себе не только собственных баронов, но и добровольцев за пределами Нормандии. Был выстроен большой транспортный флот (Симеон Даремский сообщает о девятистах судах)⁶¹, запасено оружие и продовольствие. Не сидел без дела и Гарольд, прекрасно осведомленный обо всем, что происходило на другом берегу Ла-Манша. По его приказу к южному побережью Англии были стянуты практически все англосаксонские войска и флот⁶². И в этот

момент на Гарольда обрушился совершенно неожиданный и мощный удар с севера. Вероятно, по предварительному стовору с Вильгельмом норвежский король Харальд Хардрада и изгнанный из Англии Тости в сентябре 1066 г. высадились на северо-восточном побережье. Бросив все, Гарольд поспешил на север и в жестокой битве у Стамфордбриджа 25 сентября разбил вторгнувшуюся армию. Норвежский король и Тости были убиты в сражении⁶³.

А 28 сентября на южном побережье высадились войска Вильгельма⁶⁴. Точное количество этих войск нам неизвестно, однако можно утверждать, что армия Вильгельма была невелика: в ее состав входило не более 2 тысяч тяжеловооруженной конницы и около 3 тысяч пехотинцев⁶⁵. Гарольд сумел противопоставить войску нормандцев только усталые и ослабленные после битвы с норвежцами и пешего броска на юг отряды хускерлов и немногочисленное народное ополчение. Четырнадцатого октября 1066 г. две армии встретились в битве у Гастингса, в которой англосаксы потерпели сокрушительное поражение; Гарольд погиб на поле боя. Это событие и знаменовало конец англосаксонского периода.

Глава III

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В АНГЛИИ В V–XI ВЕКАХ

В конце VIII в. один из столпов раннесредневековой европейской Церкви, Алкуин, в письме к настоятелю англосаксонского монастыря Линдисфарн Хигбальду обрушился на монахов этого аббатства, которые приглашали музыкантов, услаждавших их слух во время трапезы. «Когда монахи обедают, пусть громко звучат слова Христа, — писал он и далее продолжал: — В таких случаях надлежит внимать чтцу, а не арфисту, поучениям отцов Церкви, но не поэзии язычников». Перефразируя высказывание одного из таких отцов, Тертуллиана, Алкуин с гневом вопрошал: «Что общего между Ингельдом и Христом? (*Quod Hineldus cum Christo?*) Просторен наш дом, но он не может вместить их обоих...»¹ Ответа Хигбальда мы не знаем, но сам вопрос Алкуина, заданный через два столетия после начала христианизации англосаксов, показывает, сколь непросто был процесс их приобщения к христианству.

Начальным эпизодом обращения англосаксов большинство исследователей² считает хрестоматийные рассказы Беды Почтенного и неизвестного монаха из аббатства Уитби³. Оба они сообщают о том, как будущий папа Григорий I Великий (590–604 гг.) в период понтификата Бенедикта I (574–578 гг.) однажды узнал о присутствии в Риме неких молодых светловолосых и белокожих иноземцев. Встретившись с ними и расспросив незнакомцев, Григорий выяснил, что они происходят из народа англов и живут в королевстве Дейра, которым управляет король Элла⁴. Пораженный их прекрасной наружностью и благородством манер, он высказал глубокое сожаление, что столь могу-

чий и красивый народ пребывает во грехе, не ведая истинного Бога, и попросил у правящего папы разрешения отправиться в Британию для проповеди слова Христа. Такое позволение было ему дано, и он отправился в путь, но через три дня его догнали посланцы Бенедикта, возвратившие его в Рим⁵. После восшествия на папский престол, примерно через двадцать лет после своего знакомства с молодыми англами, Григорий в письме к галльскому священнику Кандидусу поручил ему выкупать на волю англских юношей 17–18-летнего возраста и помещать в монастыри, с тем чтобы в будущем использовать их для миссионерской деятельности среди соплеменников⁶.

В начале зимы 596 г. он наконец осуществил свое давнишнее намерение, направив в Британию специальную миссию для проповеди христианства. В качестве главы этой миссии был избран настоятель монастыря св. Андрея в Риме, по имени Августин. Преодолев немалые дорожные трудности, Августин и сорок его спутников прибыли в Кент в начале 597 года и далеко не сразу⁷ (и не без влияния жены-христианки, франкской принцессы Берты), но сумели добиться крещения кентского короля Этельберта (560–616 гг.)⁸. С этого времени и начинается проповедническая активность римско-католической Церкви среди англосаксов.

С помощью вновь обращенного короля Кента миссия Августина получила возможность не только начать создание церковной организации, но и распространить свою деятельность на другие англосаксонские королевства. Направляя миссионеров в Англию, папа Григорий I предполагал разделить страну на два архиепископства: одно с центром в Лондоне должно было заботиться о духовном окормлении юго-восточных районов; его главой становился Августин. Центром второго архиепископства, охватывавшего северную часть Англии и прежде всего Нортумбрию, планировался Йорк. В действительности же архиепископство, порученное Августину, было основано в столице Кента Кентербери, поскольку Лондон находился в то время в руках восточных саксов, а от обращения Нортумбрии до поры до времени вообще пришлось отказаться⁹. От Этельберта миссионеры получили церковь св. Мартина, которая

использовалась для богослужений королевой Бертой еще до появления Августина в Англии. После крещения короля Августину была пожалована еще одна церковь, превращенная им в свою главную резиденцию. Одновременно был основан монастырь во имя св. Петра и Павла. Под давлением Этельберта новую веру приняли зависимые от него короли Эссекса Сигеберт и Восточной Англии Редвальд. В 604 г. была учреждена епископская кафедра в Рочестере для западного Кента, а в следующем году — в Лондоне для Эссекса¹⁰.

Еще в 601 г., после поездки к Григорию I с сообщением об обнадеживающих успехах миссии, Августин получил сан епископа и «подкрепление» из Рима¹¹ и начал подготовку к обращению более северных регионов Англии. Процесс христианизации между тем на самом деле шел не столь гладко, как это представляли в своих отчетах римской курии миссионеры. Между 604 и 609 гг. умер первый архиепископ Кентерберийский, Августин; а когда в 616 г. скончался король Этельберт, по Кенту, Эссексу и Восточной Англии прокатилась волна языческой реакции¹². Судя по краткому сообщению Беды Почтенного, сыновья и наследники короля Эссекса Сигеберта обратились к старым богам и изгнали лондонского епископа и всех его сподвижников. Преемнику Августина на посту архиепископа Лауренцию с большим трудом удалось убедить принять крещение нового кентского короля Эадбальда, который был убежденным язычником и первоначально хотел вообще отказаться от услуг миссионеров¹³. Все говорило о том, что положение римско-католической Церкви в Англии было еще крайне неустойчивым. Правители англосаксонских королевств, принимая новую веру, руководствовались во многом чисто прагматическими соображениями: кентского Этельберта, например, убедил креститься один из его приближенных, обративший внимание короля на то, что Христос является более могущественным богом, чем германский Один¹⁴. Что касается массы населения, то очевидно, что ее обращение к христианству было совершенно поверхностным и легко могло превратиться либо в двоеверие, либо в реставрацию языческих культов. Господствующим среди англосаксов, по

крайней мере до начала VIII столетия, оставался языческий политеизм, сложившийся, видимо, еще на их континентальной прародине.

Следует заметить, что письменных источников, дающих возможность воссоздать даже основные черты англосаксонского язычества, сохранилось крайне мало, поскольку позднейшие церковные авторы с понятной неохотой описывали дохристианские верования своих предков. Тем не менее мы знаем достаточно большое число имен тех богов, которым поклонялись англосаксы и которые являлись сверхъестественными их покровителями, а также сакральными предками наиболее знатных родов. Еще в I в. н. э., описывая континентальных англов, Тацит упоминает чрезвычайно развитый у них культ богини Нертус, которая, видимо, считалась ответственной за плодородие и требовала периодических человеческих жертв¹⁵. Прямых свидетельств того, что поклонение Нертус сохранилось у англов после переселения в Британию, нет. Известно, однако, что ее культ был в раннее средневековье широко распространен в тесно связанной с Англией южной Скандинавии, где она, сменив пол, стала богом Ньордом, отцом Фрейра и Фрейи. Все три божества почитались древними скандинавами как боги плодородия¹⁶.

Это совпадение, скорее всего, отражает некую преемственность в отправлении англосаксами культа плодородия уже после их расселения в Британии. Косвенным подтверждением этого является и сохранившаяся в записи VIII в., но явно имеющая более раннее происхождение языческая молитва, обращенная к богине земли по имени Эрк, которую призывают обеспечить хороший урожай¹⁷. Беда Почтенный упоминает имена еще двух богинь, так или иначе связанных с плодородием. Это Эостр, от имени которой происходит английское слово, обозначающее Пасху (*Easter*), и которая, по-видимому, была покровительницей весеннего пробуждения природы¹⁸; и Хрета, о которой, кроме имени, ничего более не известно. Беда сообщает также о том, что первый день языческого Нового года назывался «ночью матерей»¹⁹, но какие церемонии ее сопровождали, мы не знаем. Сохранение англосаксами верности неким богам,

призванным гарантировать тучность стад и полновесие колосьев, заставляет предположить и то обстоятельство, что изображение скандинавского бога Фрейра в виде медведя помещалось на боевых шлемах, о чем упоминается в поэме «Беовульф»²⁰.

Скудные литературные сведения не позволяют однозначно говорить о том, что англосаксы продолжали поклоняться богам Одину, Тунору и Тиу, которые были известны германцам еще во времена Тацита и которых римские авторы обычно отождествляли соответственно с Меркурием, Юпитером и Марсом. Однако эти три германских бога оставили явный след в ранней топонимике англосаксов, поскольку их имена являются составной частью названий поселений и природных объектов во многих районах Англии²¹. Их имена также стали основой названий трех дней английской недели: соответственно, среды (*Wednesday*), четверга (*Thursday*) и вторника (*Tuesday*)²².

Данные топонимики свидетельствуют о том, что в местах первоначального расселения англосаксов существовали многочисленные языческие святилища, располагавшиеся обычно либо на вершинах холмов, либо в лесной чаще. Исследователи полагают, что эти храмы продолжали посещаться и после принятия христианства²³. Отчасти такой вывод находит подтверждение в сохранившемся Бедой письме папы Григория I к миссионерам, обращавшим англосаксов в христианскую веру. Призывая их быть терпимыми к языческим пережиткам их паствы, он подчеркивает необходимость сохранения старых храмов германцев, поскольку «сам народ, видя свои храмы не разрушенными... будет тем охотнее стекаться в те места, к которым издавна привык». Из этого письма становится ясно, кроме того, что в святилищах англосаксов существовали некие идолы, изображавшие чтимых божеств, которым по праздникам приносились определенные жертвы (чаще всего скот)²⁴. Эти языческие праздники носили, судя по всему, сезонный характер и были приурочены к важнейшим для аграрного общества моментам годового цикла. Известно, например, что англосаксы отмечали специальный праздник, посвященный началу весны, когда богам предлагался свежееиспе-

ченный хлеб²⁵. Ноябрь в древнеанглийском языке назывался «месяцем жертвы», что было связано с жертвоприношением скота, идущего на убой именно в этом месяце²⁶.

Помимо богов мир язычников-англосаксов был населен великим множеством злых и добрых духов, а равно чудовищами и прочими сверхъестественными существами, которые могут как навредить, так и помочь человеку. Борьбе именно с такими чудовищами, живущими в пещерах или на дне озера, посвящена, например, значительная часть подвигов героя поэмы «Беовульф».

Посредниками между божествами и людьми у англосаксов были языческие жрецы, пользовавшиеся среди населения большим уважением и даже вызывавшие суеверный страх. Жрец обязан был соблюдать определенные табу, например никогда не носить оружия и ездить верхом только на кобыле, и считался лицом неприкосновенным. Да и мало кто осмелился бы напасть на него, поскольку он наделялся многими сверхъестественными возможностями. Так, англосаксы верили, что жрец способен связать своего врага по рукам и ногам произнесением соответствующих заклятий²⁷. Вообще в их раннем обществе была сильно развита вера в действенность различных заговоров, амулетов и других магических предметов и актов. Сверхъестественная сила приписывалась и буквам древнегерманского алфавита — рунам²⁸; владеющие письменностью обладали волшебным знанием, помогающим в трудную минуту, например, освободиться от наложенных на них оков. Особое внимание обращалось на различные фазы Луны, которыми регулировались, по представлениям англосаксов, счастливые и несчастные дни для тех или иных конкретных дел²⁹.

Пожалуй, наиболее сложными проблемами, связанными с языческой религией англосаксов, являются их вера в загробную жизнь и соотношение их верований с морально-этическими нормами. Погребальная практика англосаксов, обычно предполагающая помещение в могилу умершего различных вещей, как будто свидетельствует о том, что они признавали возможность жизни после смерти, в которой эти вещи найдут применение. Однако если мы примем во внимание слова одного знатного нортумбрийца,

переданные Бедой, о том, что жизнь человека подобна «полету ласточки через королевский покой, появляющейся из темноты и в темноту же возвращающейся»³⁰, то будем вынуждены признать, что эта вера была весьма неопределенна, во всяком случае что касается представителей знати. Дальнейший рассказ Беды заставляет предположить, что англосаксы не слишком интересовались этим, ожидая от своих богов конкретных материальных благ на этом, а не на том свете.

Что касается вопроса о связи англосаксонского язычества с морально-этическими представлениями, то он остается, по существу, полностью открытым. Нарушение клятвы, данной на священных предметах, вызывало гнев божества³¹. Тацит, к примеру, сообщает, что народные собрания германцев происходили иногда в святилищах, что делало нарушение мира при их проведении святотатством³². Но англосаксы, судя по «Беовульф», считали также, что человек должен больше заботиться о своей земной репутации, нежели о посмертном воздаянии³³.

Не подлежит сомнению, что многие языческие воззрения вошли составной частью в тот комплекс христианских представлений, который формируется у англосаксов с конца VI столетия. Сказанное, однако, не означает, что их приобщение к новой религии проходило безболезненно и гладко. Напротив, оно несло с собой глубокий социально-психологический перелом, сопровождавшийся разнообразными и нередко противоречивыми изменениями в духовной сфере жизни раннего англосаксонского общества.

Посылая Августина за море, папа Григорий I в сопроводительном письме к франкским королям, через земли которых должна была двигаться миссия, указывал на то, что галльское духовенство не предпринимает усилий по крещению англосаксов³⁴. Подобное же обвинение мы находим и у Беды Почтенного, который подчеркивает отсутствие интереса к проповеди среди них в самой Британии³⁵. Разумеется, начавшееся в середине V в. массовое военно-колониальное движение англосаксов не могло не привести к определенному упадку религиозно-церковной жизни в стране. Англосаксы не могли сразу оценить достоинства

той религиозной системы, которая оказалась неспособна уберечь своих последователей от поражения, а бритты, выжившие в ходе завоевания, по понятным причинам не выказывали горячего желания заняться обращением своих завоевателей. Тем не менее делать на этом основании вывод о том, что христианизация англосаксов была едва ли не исключительно делом рук миссионеров, посланных римской курией³⁶, не вполне справедливо.

До англосаксонского завоевания религиозная жизнь провинции Британия была насыщена, разнообразна и развивалась по трем основным направлениям. Официальной государственной религией Римской Британии, как и всех остальных частей империи, был культ царствующего императора, а также тех его предшественников, которые были обожествлены после смерти. При этом как правящий монарх, так и его ближайшие родственники обычно отождествлялись с наиболее чтимыми римлянами богами — Юпитером, Юноной и Минервой. Кроме этой «Капитолийской триады» в романизированных районах страны, особенно в городах и военных гарнизонах, было широко распространено поклонение и другим римским божествам — Нептуну, Марсу, Диане, а также местным бриттским богам и богиням, ассоциировавшимся с ними. Не меньшее значение, особенно к концу римского периода, стало приобретать почитание различных восточных божеств; особой популярностью пользовались Изида и Митра³⁷.

В среде не романизированного кельтского населения, однако, решающее влияние имела религия друидов, проникшая в Британию из Галлии задолго до прихода римлян. На протяжении всей эпохи римского господства друидизм продолжал сохранять в северо-западных регионах империи серьезные позиции, несмотря на целую серию попыток ее администрации ограничить его распространение. Более того, не без влияния этих преследований, способствовавших эмиграции многих жрецов за море, во II–III вв. Британия становится своеобразным центром европейского друидизма, куда стекались жаждущие приобщиться к тайным знаниям. Вплоть до падения римского владычества друидизм успешно конкурировал и с официально-государствен-

ным культом, и с христианством, проникшим в провинцию скорее всего еще во II столетии³⁸.

О первых шагах христианства на Британских островах, по крайней мере до начала IV в., практически ничего не известно. В 314 г. трое британских епископов принимали участие в работе Вселенского Собора в Арле; какие-то священнослужители из Британии присутствовали на Соборе в Сардике в 347 г., а в 359 г. издержки британских епископов на Соборе в Римини были оплачены из общественных фондов³⁹. Археологические и более скудные письменные свидетельства указывают на то, что к концу IV — началу V столетия христианство довольно прочно укоренилось в романизированной части страны и было распространено главным образом в различных слоях городского населения и среди романо-бриттской аристократии. К этому времени относится превращение многих римских храмов в ремесленные мастерские или полное их запустение (особенно это характерно для центральных и юго-западных районов Британии). В то же время нельзя не отметить, что большинство христианских общин этого периода были сравнительно невелики и бедны, а среди основной массы кельтов продолжало господствовать язычество друидического толка⁴⁰.

Одним из наиболее важных событий религиозной истории не только Британии, но и всей Европы в это время стало возникновение и распространение ереси пелагианства, которая связана с именем Пелагия, или Моргана (ок. 360 — после 418), бритта по происхождению. Он отрицал, что человек изначально греховен, и в связи с этим утверждал, что каждый способен достигнуть спасения собственными силами. Подобные утверждения находились в очевидном противоречии с принятым официальной Церковью взглядом Августина Аврелия о предопределенности судьбы каждого смертного, который может спастись только милостью Господа. В 420-х гг. пелагианство, отвечавшее чаяниям тех романо-бриттов, которые готовы были защищать свой остров от варваров даже без помощи Рима, получило настолько мощную поддержку в Британии, особенно в среде военной верхушки, что в страну была направлена специальная миссия для искоренения ереси. Во главе

этой миссии (традиционная ее дата — 429 г.) были поставлены епископ Оксера Германий, впоследствии канонизированный, и епископ Труа Луп⁴¹. В результате их деятельности Британия была возвращена в лоно католической ортодоксии, хотя эпизод в «Церковной истории» Беда Почтенного, рассказывающий о том, как св. Германий крестил бриттское войско перед сражением с пиктами и обучал его возглашать «Аллилуйя!» во время атаки, заставляет предположить, что основные слои населения и в это время были еще далеки от настоящего обращения⁴².

Примечательной чертой религиозной жизни Британии накануне вторжения англосаксов было также становление монашества, проникшего сюда из Галлии и отчасти Италии. Известно, что епископ Труа Луп, спутник св. Германия в его поездке в Британию в 429 г., был тесно связан с важнейшим монашеским центром Южной Галлии — аббатством Лерен; по сообщению одного из источников начала VIII в., Германия и Луп ввели устав Лерена в ряде британских монастырей⁴³. По мнению некоторых специалистов, появление монастырей в Британии стало настоящей религиозной революцией, которая особенно сильно затронула мало романизированные области острова⁴⁴. Однако основной «движущей силой» этой революции были отнюдь не папские легаты и не миссионеры из числа романо-бриттов, а представители другой ветви раннесредневековой Церкви Британских островов — кельто-ирландской.

В отличие от Великобритании, где положение христианства еще не вполне определилось, Церковь в Ирландии к середине V столетия представляла собой вполне утвердившийся, достаточно сплоченный и деятельный организм, не только проявлявший активную заботу о собственной, ирландской, пастве, но и демонстрировавший отчетливое стремление к евангелизации соседних территорий. Христианизация самой Ирландии традиционно связывается с проповедью в начале 30-х гг. V столетия св. Патрика (ум. 493)⁴⁵, хотя не вызывает сомнения, что какие-то христианские общины существовали здесь и до него, что и позволило папе Целестину I (ум. 432) направить в 431 г. на «зеленый остров» в качестве епископа некоего Палладия⁴⁶.

Описание жизни и деятельности св. Патрика не входит в наши непосредственные цели, однако можно заметить, что ранняя ирландская церковная организация, им созданная, была построена по тем европейским образцам, с которыми он познакомился в Южной Галлии; при этом она с самого начала отличалась более заметным влиянием монашества, нежели континентальная⁴⁷. К концу V в. это привело к формированию весьма своеобразной кельто-ирландской Церкви, во многом отличавшейся от римско-католического варианта.

Если иметь в виду формальную сторону дела, то главным отличием ирландского христианства стала его специфическая организационная структура. Церковь в Ирландии, где отсутствовали городские епископские кафедры, строилась главным образом на монастырской основе, и епископы осуществляли власть не над определенным территориальным диоцезом, как это имело место на континенте, а скорее над совокупностью связанных между собою монашеских общин; зачастую, будучи монахами, они оказывались в подчинении у аббатов влиятельнейших монастырей либо сами становились их настоятелями. Подобная же церковная организация, по сообщению Беды Почтенного, была введена в начале VI в. еще одним ирландским выходцем, св. Нинианом, у пиктов Южной Шотландии⁴⁸, а затем начала распространяться ирландскими миссионерами в других северных районах Великобритании, до тех пор слабо затронутых влиянием христианства. Преобладающее влияние монашества в кельто-ирландской Церкви сделало ее более аскетичной по своему характеру, чем римско-католическая, а ирландских отшельников — известными по всей раннесредневековой Европе своей строжайшей дисциплиной и особой святостью.

Монашеский принцип церковной организации не был единственной особенностью, отличавшей ирландскую Церковь от официального католицизма. Помимо таких второстепенных деталей, как форма монашеской тонзуры и тонкости обрядности и литургии, две церкви разделял гораздо более существенный вопрос о точной дате празднования одного из главных христианских праздников —

Воскресения Господня, Пасхи. В ирландской и римско-католической церквях она праздновалась в разные дни, в зависимости от того расчетного цикла, которым пользовались священнослужители⁴⁹. Это чисто хронологическое противоречие вскоре переросло в ожесточенный догматический спор и на долгое время стало главным предметом нескончаемых дебатов между двумя церквями.

Особую роль в распространении христианства среди британских пиктов и скоттов, а затем и англосаксов сыграло подвижничество впоследствии канонизированного ирландца Колумбы (521–597 гг.) при основании им известного монастыря на острове Айона в 563 г. Нашими сведениями о жизни и деятельности Колумбы мы обязаны Адомнату, девятому его преемнику на посту аббата Айоны, составившему в конце VII — начале VIII столетия первое житие святого⁵⁰. Адомнан рассказывает о том, как, покинув в возрасте 42 лет учрежденное им же аббатство Дарроу в Ирландии, Колумба с двенадцатью спутниками обосновался на небольшом островке у северо-западного побережья будущей Шотландии среди местного языческого населения. Место, выбранное им для монастыря, оказалось столь удачным для христианской проповеди, что уже вскоре Колумбе удалось приобщить к христианству короля северных пиктов Бруда, а с объединением пиктов в единое государство еще шире распространить свою деятельность не только среди них, но и среди скоттов королевства Далриада. К моменту кончины святого в 597 г. его трудами и усилиями его учеников построенные по ирландскому образцу и тяготеющие к Айоне монастыри покрыли всю территорию севернее Ферта и Клайда⁵¹.

По справедливому заключению ряда исследователей, созданная св. Колумбой монастырская система во многом напоминала монашеские ордена периода классического средневековья, представляя собой совокупность обителей, связанных между собой личностью основателя главного центра, которому все они подчинялись⁵². Однако в отличие от францисканцев или доминиканцев XIII–XIV вв., действовавших наряду с белым духовенством, организованным в диоцезы под епископской властью, «церковь св. Колум-

бы» такую организацию полностью заменяла. По сообщению Беды Почтенного, во главе церкви в таком случае оказывался «аббат, власти которого, вопреки обыкновению (имеется в виду римско-католическая практика — А. Г.), обязан подчиняться весь диоцез, следуя установлениям основателя [монастыря], который был не епископом, а просто монахом»⁵³. Не менее показателен и эпизод, приводимый Адомнаном. Некий епископ, проживавший в монастыре, никак не соглашался посвятить одного из послушников в духовный сан и был принужден сделать это лишь по приказу св. Колумбы⁵⁴. Даже сам ирландский термин «*tuintir*» (от лат. *monasterium*), применяемый автором жития, означал не столько церковную корпорацию, сколько религиозную общину⁵⁵.

Уже упомянутое житие святого дает возможность в некоторых деталях представить также особенности повседневной жизни и быта монахов Айоны. Вместо общего корпуса каждый из монахов жил в отдельной келье, построенной из дерева или лозы; келья аббата располагалась несколько в стороне от остальных. Помимо жилищ монахов на территории аббатства находилась деревянная церковь с каменным алтарем, необходимым богослужебным инвентарем и чтимыми реликвиями. Здесь же висел колокол, сзывавший членов общины к молитве. Кроме того, в аббатстве были выстроены трапезная, а также библиотека и скрипторий⁵⁶. Монахи делили свое время между молитвой, благочестивыми размышлениями, физическим трудом на полях и работой над книгой. При основателе монастыря «они не испытывали ни физического, ни духовного истощения, но бодро несли слово Божие окружающим язычникам»⁵⁷. При всей возможной гиперболизации, свойственной агиографическим произведениям, данные Адомнана заставляют согласиться с заключением известного английского специалиста Д. Фишера: «Айона представляла собой наиболее привлекательный образец ирландского монашества»⁵⁸.

Вернемся, однако, к римско-католической миссии. Несмотря на определенные неудачи, сохранение своего форпоста в Кентербери позволило ей, подготовив священно-

служителей из числа англосаксов, в 20-е гг. VII столетия приступить к евангелизации Нортумбрии, которая к этому времени выдвинулась на одно из первых мест среди других англосаксонских королевств.

Посланцы Кентербери, возглавляемые одним из спутников Августина, священником Паулином, появились в Нортумбрии в 619 г., когда тогдашний нортумбрийский король Эдвин (616–632 гг.) посватался к Этельбурге, сестре короля Кента Эадбальда. Первоначально Эадбальд отказал владыке Нортумбрии, указывая на то, что исповедующей христианство Этельбурге невозможно сочетаться браком с язычником. Эдвин, однако, пообещал не только разрешить ей и ее близким свободно отправлять необходимые христианские обряды, но и подумать о собственном крещении, и свадьба состоялась⁵⁹.

Согласно Бедэ Почтенному, посвященный в сан епископа Паулин в течение нескольких месяцев после этого уговаривал креститься упорно уклонявшегося от выполнения обещания Эдвина; не помогали даже увещательные письма папы Бонифация V (ум. 625). Даже когда Этельбурга благополучно разрешилась от бремени дочерью, король Нортумбрии принес благодарственные жертвы языческим богам, хотя Паулин приписывал заслугу удачных родов королевы своим молитвам. Эдвин вновь дал слово обратиться к христианской вере, если Бог дарует ему победу в надвигающейся войне с королем Уэссекса Квихельмом; в качестве своеобразной гарантии он позволил окрестить свою новорожденную дочь. Однако и после своей победы над Уэссексом Эдвин продолжал колебаться, хотя, как замечает автор «Церковной истории», уже «более не служил кумирам»⁶⁰.

Перелом в его расположении духа произошел после посетившего его чудесного видения, живо описанного Бедой Почтенным⁶¹. Собрав совет своих приближенных, Эдвин предложил им высказаться относительно необходимости принятия новой веры. Угадав перемену в настроении своего господина, первым подал свой голос против язычества... главный жрец Нортумбрии Коифи! Выслушав выступление Паулина с изложением основ христианского вероучения,

Коифи предложил разрушить языческие храмы и уничтожить идолов. Более того, вопреки строжайшим табу он, верхом на жеребце, подъехал к стенам центрального нортумбрийского капища и, символически поразив его копьем, вместе с присутствующими поджег его. После этого, в канун Пасхи 627 г., состоялось наконец крещение Эдвина и его королевства⁶².

Крещение Эдвина, который в то время контролировал фактически всю территорию Англии, за исключением Кента, было большим успехом кентерберийской кафедры на севере. Под его влиянием христианство было восстановлено в Восточной Англии⁶³, а в начале 630-х гг. в этом королевстве появляются собственные епископы, формально подчиненные Кентербери.

Успешное развитие процесса приобщения северных англосаксов к ортодоксальному католичеству было прервано в 632 г., когда Эдвин был убит в сражении с объединенными силами североуэльского королевства Гвинедд и языческой в то время Мерсии. Паулин с королевой Этельбург и ее детьми был вынужден бежать в Kent и в Нортумбрию уже не вернулся; из всей кентерберийской миссии здесь остался только один дьякон, по имени Яков⁶⁴. Последовал короткий период реставрации язычества, а в дальнейшем на арену вновь выступили кельто-ирландские миссионеры.

Новый король Нортумбрии Освальд (634–642 гг.) в период царствования Эдвина находился в ссылке и получил воспитание у монахов на острове Айона. Вступив на престол, он обратился к своим учителям с просьбой прислать епископа для восстановления христианства. Выбор пал на еще одного видного деятеля ирландской церкви св. Эйдана (ум. 651). При активном содействии Освальда он основал монастырь неподалеку от королевской резиденции Бамбург на острове Линдисфарн⁶⁵, который стал центром распространения ритуала и догматов ирландской Церкви. Любопытно, что Беда Почтенный, в целом негативно относящийся к кельто-ирландской ветви христианства, для Эйдана делает некоторое исключение. Пересказываемые Бедой истории заставляют искать основу такого благожелательного отношения в том, что создаваемая Эйданом церков-

ная организация не во всем совпадала с традиционной ирландской схемой. В отличие от практики, сложившейся под влиянием Айоны, в монастыре Линдисфарна не было монахов в сане епископа, а сам Эйдан был одновременно и аббатом новой обители, и епископом Нортумбрии. Фактически единственный грех, который Беда в состоянии приписать ирландскому святому, — это приверженность неправильной, с его точки зрения, дате празднования Пасхи⁶⁶. Эйдан, со своей стороны, видимо, также не испытывал острой неприязни к римской ортодоксии: с помощью Освальда он восстановил построенную Паулином в Йорке церковь и поддерживал дружескую переписку с архиепископом Кентерберийским Гонорием⁶⁷.

Отнюдь не представители кентерберийского архиепископства оказались у истоков христианизации еще одного англосаксонского королевства — Уэссекса. Появившийся здесь с проповедью в 633 г. некий Биринус был поставлен в епископы самим папой Гонорием I (ум. 638), но несмотря на это, не спешил установить контакты с Кентербери. В 635 или 636 г.⁶⁸ он, при поддержке могущественного короля Нортумбрии Освальда, который, как мы знаем, придерживался ирландских церковных канонов, крестил тогдашнего уэссекского короля Кинегильса «со всем его народом»; Освальд стал одновременно и крестным отцом, и зятем Кинегильса, женившись на его дочери⁶⁹.

Особенно сложно складывалась судьба первоначальной проповеди христианства в последнем крупнейшем раннеанглийском государстве — Мерсии. Длительное сохранение языческой религии, трудности евангелизации и становления церковной организации в этом королевстве во многом были связаны с личностью его правителя Пенды (632–654 гг.). В первой половине VII столетия он, по образному выражению У. Чейни, «представлял собой тип короля-воина германского героического эпоса»⁷⁰, при котором, однако, были заложены основы будущей политической гегемонии Мерсии среди англосаксонских государств⁷¹. Поддерживаемое им на государственном уровне язычество, а также постоянная агрессивность Пенды, от рук которого пали многие христианские короли англосаксов (Эдвин и

его сыновья, Осфрид и Эадфрид из Нортумбрии, восточно-английские государи — Сигеберт, Эгрик и Анна), долгое время препятствовали сколько-нибудь широкой миссионерской деятельности в Мерсии. Между тем, судя по сообщению Беды Почтенного, мерсийский владыка не был абсолютно враждебен христианству как таковому; «презирая тех из обращенных, кто, приняв Христову веру, нарушал ее заповеди», он в то же время разрешил креститься своему сыну и соправителю Пеаде (654–657 гг.)⁷². Несмотря на кончину в 651 г. Эйдана, преемники и последователи основателя Линдисфарна, пользуясь его благосклонностью, успешно продолжали проповедь не только в Средней Англии, где правил Пеада, но и в более южных территориях вплоть до Темзы. Однако только после смерти Пенды в Мерсии появилось первое епископство. Его возглавил ирландский монах по имени Диума, который, согласно уже утвердившейся традиции, был посвящен в сан аббатом Линдисфарна Финаном⁷³, что еще более усилило позиции кельто-ирландской Церкви. Тем самым христианизация наиболее мощных англосаксонских королевств формально была завершена.

Возникающая система церковного управления, однако, ни в малейшей степени не напоминала тот план, который был разработан для английской церкви Григорием I в 601 г. Архиепископство Кентерберийское оставалось во главе англосаксонской церковной организации, но фактически осуществляло власть лишь над двумя епископствами южной Англии — Рочестером и Лондоном. Большинство епископских кафедр было занято людьми, никакого отношения к Кентербери не имевших; даже в Уэссексе, где как будто победила римско-католическая ориентация, церковные иерархи действовали совершенно самостоятельно. Что касается северных регионов Англии, то здесь, безусловно, господствовала кельто-ирландская церковь, опиравшаяся на неизменное содействие могущественных владык Нортумбрии. Результатом упадка влияния Кентербери, успешной проповеди Колумбы, Эйдана и их последователей, а также деятельности миссионеров, независимых от архиепископской кафедры, было появление такого типа цер-

ковного устройства, который в целом отражал политические реалии Англии середины VII в. Вместо уже сложившейся на континенте жестко иерархической структуры, основанной на системе диоцезов как центров религиозной власти и правильного отправления культа, англосаксы получили сумму «племенных» церквей, каждая из которых ориентировалась в своей внутренней и внешней жизни на своего государя, либо, если этот государь подчинялся более могущественному правителю, вынуждена была считаться с желаниями последнего. Ясно, что в такой ситуации не могло не существовать заметной разницы между христианскими организациями Кента и Уэссекса, Восточной Англии и Нортумбрии.

При этом ключевой проблемой религиозно-церковной жизни англосаксов все более и более становились углубляющиеся противоречия между римской и кельто-ирландской ветвями христианства. Несмотря на отдельные примеры лояльного отношения некоторых представителей двух этих ветвей друг к другу⁷⁴, к середине VII столетия они разошлись весьма значительно⁷⁵, что могло поставить под угрозу все, достигнутое в Англии их коллективными усилиями. К тому же христианизация севера и центра страны миссионерами, тяготевшими к Айоне и Линдисфарну, настолько увеличили территорию, на которой исповедовали несхожее с католицизмом христианство, что, казалось, дни «римской партии» сочтены. Недаром Беда Почтенный с нескрываемой горечью писал о неспособности многих ее деятелей убедить людей в ее правоте⁷⁶.

Особое место в накопившихся различиях занимал уже упоминавшийся вопрос об истинной дате празднования Пасхи. Еще миссия Августина перед тем, как встретиться с королем Этельбертом, провела безуспешные переговоры по этому вопросу с уже находившимися в Кенте кельтскими монахами⁷⁷. В середине же VII в. в двух англосаксонских церквях в зависимости от методики ее вычисления она начала разниться до такой степени, что данное обстоятельство стало препятствовать нормальному отпращиванию культа и точному летосчислению. Критическая положение в этом смысле сложилось в Нортумбрии, где расколотой

оказалась королевская семья. Тогдашний нортумбрийский король Освью (641–670 гг.) был женат на дочери короля Эдвина Эanfлед, той самой, которая еще младенцем невольно способствовала крещению своего отца и котсрая была вывезена Паулином в Кент после гибели Эдвина в сражении с мерсийским Пендой. Воспитанная в кентерберийских традициях, она стала ревностной католичкой, в то время как Освью оставался верен кельто-ирландской церкви. Сторонником римской практики был и сын короля, правивший в Дейре, Элхфрит. Помимо чисто религиозных ситуация создавала дополнительные политические трудности, поскольку могла быть использована сепаратистски настроенной знатью Дейры. Такой раскол, по свидетельству Беды Почтенного, привел к тому, что при нортумбрийском дворе Пасха зачастую отмечалась дважды, причем случалось, что, когда Освью уже возносил хвалы Воскресению Христа, его королева еще соблюдала Великий пост⁷⁸.

С целью окончательного решения проблемы по инициативе и под председательством Освью осенью 663 г. в монастыре Уитби состоялся собор ирландского и римского духовенства, вошедший в историю английской Церкви как «синод в Уитби». Помимо вопроса о дате Пасхи в Уитби обсуждались и другие расхождения догматического и обрядового характера. Северных кельто-ирландских клириков на синоде представляли аббат монастыря Линдисфарн Колмен, епископ Восточной Англии Чедд и аббатисса Уитби Хильда; римско-католическую точку зрения отстаивали Элхфрит, находившийся в то время в Нортумбрии епископ уэссекский Агильберт и дьякон Яков, героически продолжавший проповедь на севере после гибели короля Эдвина⁷⁹. Наиболее горячо, однако, позиции «римской партии» защищал молодой настоятель аббатства Рипон по имени Уилфрид, ставший затем первым епископом Йорка и одним из самых почитаемых англосаксонских святых. Интересно отметить, что сам Уилфрид был монахом аббатства Линдисфарн и, следовательно, воспитывался в ирландской традиции. Но после поездки в Рим он стал ярким сторонником католичества, привлекавшего его возможностью установить более прочные связи Англии с Вселенской Церковью

и приобщить англосаксов к античному наследию, хранителем которого оно, с его точки зрения, являлось⁸⁰.

Беда Почтенный и автор первого жития Уилфрида рисуют живописную картину развернувшейся на синоде полемики. Выступавший первым епископ Колмен апеллировал к авторитету св. Колумбы, а возражавший ему Уилфрид — к практике всех церковных организаций Европы, за исключением северной Англии и Ирландии. Решающим доводом оказались слова аббата Рипона о том, что следует подчиняться установлениям Римского Папы как наследника св. Петра, которому Сам Христос вручил ключи от дверей царствия небесного. Обратившись к Колмену, Освью спросил, действительно ли св. Петр является привратником Бога; епископ Линдисфарна был вынужден подтвердить справедливость сказанного⁸¹. Тогда, как пишет Беда, «слегка улыбнувшись», король Нортумбрии заметил, что, поскольку и он сам когда-нибудь окажется перед этими дверьми, он не хотел бы иметь их привратника в числе своих врагов, а предпочитает подчиняться ему во всем⁸². После этого присутствовавшим ничего не оставалось, как одобрить решение своего повелителя⁸³; «римская партия» победила.

Постановления синода в Уитби, которые ряд английских ученых склонны трактовать как «триумф католичества»⁸⁴, отнюдь не свидетельствовали о полном поражении сторонников кельто-ирландской точки зрения и на самом деле означали лишь первый шаг на пути унификации англосаксонской церкви. Сам ход дебатов, предшествовавших принятию окончательного решения, заслугу которого биограф Уилфрида приписывает исключительно красноречию своего героя, скорее указывает на то, что оно было predetermined, ибо в его основе лежали политические соображения короля Освью, созвавшего синод с целью устранения чрезвычайно опасного противостояния в своем государстве. К тому же синод в Уитби был прежде всего собранием духовенства Нортумбрии, и на нем, к примеру, отсутствовал тогдашний глава Кентербери архиепископ Деусдедит⁸⁵. Поэтому, несмотря на то что Освью подчинил фактически всю Англию, за исключением Кента, постановления сино-

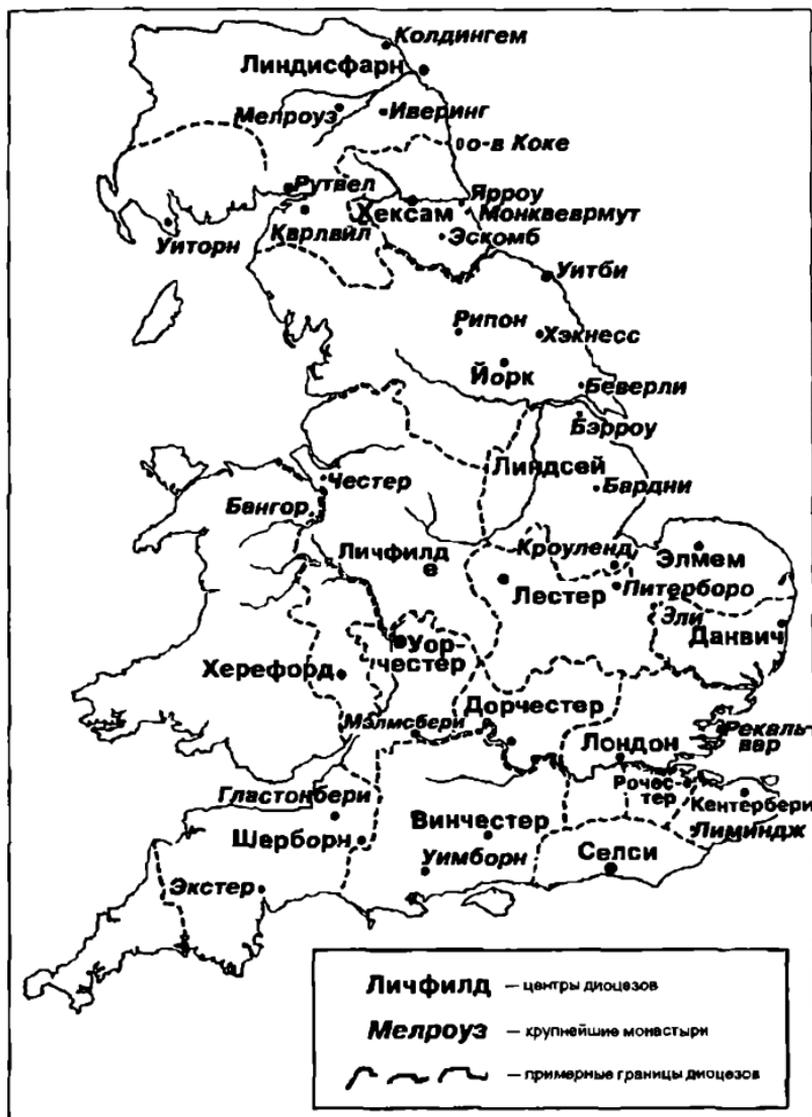
да не могли иметь обязательной силы для всех англосаксонских королевств. Другое дело, и с этим трудно спорить, что решения, принятые в Уитби, показали потенциальные преимущества римско-католической организации и выявили слабости, присущие организации кельто-ирландской. Последняя была как нельзя лучше приспособлена к родоплеменному в своей основе характеру ирландского социума, отличаясь своей простотой и аскетизмом, которые должны были больше импонировать вчерашним варварам. Однако эти ее черты уже не вполне отвечали социально-политическим реалиям древнеанглийского общества второй половины VII столетия, находившегося на ступени развивающихся раннеклассовых отношений и укрепления государственности; к этому времени ему гораздо больше подходили пышные и одновременно жестко иерархичные принципы Рима. Как бы то ни было, со времени Уитби влияние ирландской традиции в англосаксонской Церкви постепенно начинает слабеть, хотя и не прекращается вовсе, продолжая оказывать известное воздействие на ее религиозную, особенно монашескую практику.

Синод в Уитби отчетливо продемонстрировал и другое: без постоянной поддержки папской курии англосаксонское духовенство пока не могло противостоять растущей королевской власти. Такая поддержка была ему оказана в 669 г., когда кафедру архиепископа в Кентербери занял посланец папы Виталиана Теодор из Тарса (669–690 гг.), на чью долю и выпало проведение церковной централизации и соответствующих реформ. Архиепископ Теодор считал необходимым укрепить свою власть по всей Англии и придать Кентербери господствующее положение в англосаксонской Церкви. С этой целью в период его долгого правления был создан целый ряд новых диоцезов в Нортумбрии, Мерсии и Уэссексе, которые до этого управлялись как единое целое. Не считаясь с противодействием королей и желанием местного духовенства, он достаточно часто перемещал епископов из одной епархии в другую исходя из необходимости усиления римско-католического влияния в том или ином регионе⁸⁶. Особой заботы, кроме того, требовали унификация и управление на внутриепархиальном уровне. Сохра-

нение монашеских традиций кельтской Церкви ставило перед новыми епископами задачу подчинить аббатства своей власти, создав единую и стройную систему руководства Церковью. Не меньших усилий стоило и продолжение внесения в умы и души вчерашних язычников христианской веры, которая, особенно в Суссексе, была принята во многом только формально.

Что касается монастырей, то их массовое основание продолжалось и во второй половине VII – начале VIII в. Именно в это время были основаны крупнейшие и наиболее известные английские средневековые аббатства в Питерборо, Эли, Рэмси⁸⁷. Изредка они вырастали из кельи чтимого отшельника, как это было в случае со св. Гутлаком, основавшим монастырь Кроулэнд⁸⁸. Гораздо чаще, однако, епископы, занятые повседневными пастырскими обязанностями, отдавали инициативу основания новых монашеских учреждений вновь обращенным христианам из представителей королевских семейств и светской знати. Внутренняя жизнь в таких общинах регулировалась правилами, которые считались подходящими с точки зрения каждого отдельного аббата, в связи с чем в них существовали серьезные различия как в степени монашеского аскетизма, так и в уровне контактов аббатства с окружающим миром; это вызывало необходимость унификации существующих правил аскезы.

Другим не менее важным направлением в деятельности католической Церкви в Англии к середине VIII в. становится укрепление монашеской и вообще церковной дисциплины. Если синод в Хертфорде в 672 г. еще мог принимать решение о полной самостоятельности монашеских общин, то состоявшийся в 747 г. собор в Клофешо⁸⁹ возложил на епископов обязанность всемерно поддерживать единообразие и строгость монастырской жизни⁹⁰. Подобные требования были тем более необходимы, что, несмотря на все усилия высших церковных иерархов, монастыри продолжали оставаться важнейшим звеном организационного строения Церкви, и зачастую именно они, а не епископские города являлись центрами диоцезов, а также местной администрации.

Церковное устройство Англии около 750 г.

Беда Почтенный описывает период второй половины VII — начала VIII в. как «золотой век» англосаксонской Церкви и упрекает своих современников в отходе от чистоты и благородства священнослужителей этого времени⁹¹. Можно предположить, конечно, что многие проповедники,

епископы и архиепископы, несшие слово Божие язычникам и отдававшие себя ревностному пастырскому служению, действительно были достойными, мужественными и глубоко верующими людьми. Нельзя не признать также, что в рассматриваемый период именно Церковь, и в первую очередь монашество являлось носителем античных традиций, а иногда и элементарной образованности. Достаточно сказать, что из среды англосаксонского духовенства VII–VIII вв. вышли такие выдающиеся деятели раннесредневековой европейской культуры, как Альдхельм, Алкуин и тот же Беда. Но также ясно и то, что под пером автора «Церковной истории народа англвов» англосаксонское духовенство приобрело чересчур благостные, если не героические черты.

В реальной жизни все было значительно сложнее. Сам Почтенный в своем письме архиепископу Йорка Эгберту от 5 ноября 734 г. сетовал на невежество священников и монахов, не знавших даже начатков латыни, на то, что многие аббатства не соблюдают требований устава, а некоторые вообще являются светскими учреждениями, основанными лишь для того, чтобы избежать государственного налогообложения⁹². Решения собора в Клофешо также подтверждают, что положение в Церкви в середине VIII в. было далеко от идеального. В них указывалось, что язычество по-прежнему имеет широкое распространение, что священники нуждаются в изучении элементарных литургических правил и религиозной догматики, а многие из них не знакомы даже с «Отче наш» и «Верую»; епископы гораздо более заняты мирскими делами, нежели душами своей паствы; основные церковные праздники если и соблюдаются, то отнюдь не единообразно и не по канону; короли и другие могущественные люди, завидуя владениям Церкви, нередко предъявляют на них свои претензии⁹³.

Подобного рода нападки, как со стороны самого духовенства, так и со стороны людей светских, продолжались и во второй половине VIII столетия. Тем не менее представление о полном упадке англосаксонской Церкви, о котором пишет в некоторых своих посланиях ее иерархам Алкуин⁹⁴, тоже вряд ли полностью соответствует действительности.

Восьмой век, к примеру, стал временем активной миссионерской деятельности англосаксонских проповедников на континенте, прежде всего во Фризии и в Германии, что исключительно высоко подняло ее престиж во всех частях христианского мира⁹⁵.

Даже если принять во внимание естественное предубеждение монахов — составителей большинства англосаксонских исторических сочинений к викингам, мы должны будем признать, что Церковь пострадала от агрессии норманнов, как ни один другой институт раннесредневекового английского общества. Собственно и сама эта агрессия, как мы уже знаем, началась с нападения норвежских морских разбойников на монастырь в Линдисфарне в 793 г. Однако наибольшие потери церковная организация Англии понесла за двадцать лет, последовавших за вторжением в 865 г. так называемой «Великой армии» викингов, поставившей почти все королевства на грань гибели.

Принесенные скандинавами дохристианские культы оставили существенный след в английской топонимике (в частности, в состав некоторых северо-английских топонимов вошли имена Тора и Одина)⁹⁶, а отдельные христианские памятники VIII–IX столетий сохранили изображение самих викингов (например, каменный крест из Миддлтона, графство Йоркшир)⁹⁷. Однако преданность скандинавов их языческим богам, по-видимому, была не настолько сильна, чтобы возбудить в них активную ненависть к христианству как к таковому. В этом смысле они представляли, несомненно, меньшую угрозу сложившейся в Англии церковной организации, нежели сами англосаксы в V–VI вв. Они, конечно, были способны нанести и действительно нанесли ей тяжелый материальный урон⁹⁸, а также отчасти затруднили религиозную и интеллектуальную жизнь, но в результате их походов ни одна из частей страны не оказалась настолько заражена язычеством, чтобы потребовались новые усилия по ее вторичному обращению.

Влияние норманнов в наибольшей степени сказалось на внутренней организации англосаксонской Церкви в северных и восточных частях острова. Из четырех диоцезов, существовавших в 735 г. в Нортумбрии, к концу IX в.

сохранилось только два⁹⁹. Когда в 866 г. датчане взяли Йорк, второй по значимости религиозный центр Англии после Кентербери, архиепископ был вынужден бежать в Уэссекс, а сам его диоцез был подвергнут жестокому разграблению. На протяжении следующих пятидесяти лет преемственность религиозной власти в Йорке сохранялась, но архиепископство значительно обеднело, потеряв наиболее крупные из своих земельных владений, которые попали в руки скандинавских правителей¹⁰⁰. Страх перед нападениями викингов заставил монахов многих аббатств покинуть свои обители. Так, в 875 г. был оставлен монастырь в Линдисфарне, и святые отцы, прихватив с собой мощи своего покровителя св. Кутберта и прекрасный экземпляр Евангелия, в течение восьми лет скитались по стране, пока не осели недалеко от Честера¹⁰¹. Что касается восточной части Англии, то в наибольшей степени пострадали церковные учреждения в Эссексе, где донорманнские епископства впоследствии уже не восстанавливались¹⁰².

Вообще вторжение и поселение скандинавов в наибольшей степени сказались именно на англосаксонских монастырях. Некоторые историки считают даже, что к началу X столетия в Англии практически не осталось аббатства, которое могло бы похвастать тем, что непрерывно существует с VI–VII вв.¹⁰³ Главный урон понесли монастырские скриптории, и этим фактом, например, объясняется почти полное отсутствие письменных источников по истории Восточной Англии и отчасти Мерсии раннего периода. Неслучайно также замечание Альфреда Великого о том, что в момент его вступления на престол в стране было очень мало представителей духовенства, способных понимать латынь¹⁰⁴.

Лишь в середине X столетия в церковной истории Англии наступает новый этап. Его начало обычно связывается с трудами трех выдающихся религиозно-церковных деятелей, которые были вдохновителями и организаторами того, что в англоязычной литературе, как правило, именуется «монашеским Возрождением»¹⁰⁵ и что действительно являлось новым взлетом англосаксонской Церкви после предшествующего периода некоторого упадка. Ими были

в дальнейшем канонизированные Дунстан (909–988 гг.), Этельвольд (910–984 гг.) и Освальд (920–992 гг.). Результатом их деятельности стали не только реставрация упавшего престижа и влияния церковной организации и религии в обществе, но и восстановление учености, образования, литературы и искусства, которое во многом определило последующее религиозное и культурное развитие Англии. Важно отметить при этом, что возрождение англосаксонской Церкви было составной частью более широкого, по сути, общеевропейского клунийского движения, несомненно повлиявшего на англосаксонских реформаторов. Так, известно, что Дунстан провел два года в прославленном бенедиктинском монастыре Бландиниум в Генте и продолжал поддерживать с ним переписку уже после того, как в 960 г. стал архиепископом Кентерберийским. Один из его предшественников, Ода, датчанин по происхождению, направил своего племянника Освальда изучать новые правила в западно-франкское аббатство Флери, а Этельвольд отряжал специальных посланцев, чтобы изучить тамошние порядки и внедрить их в своем монастыре Абингдон¹⁰⁶.

Традиционно началом церковной реформы в Англии считается 963 год, когда аббат Этельвольд, став епископом Винчестера, изгнал клириков, не пожелавших принять монашеский обет, из Винчестерского монастыря и вселил туда монахов¹⁰⁷. Центральными пунктами «монашеского Возрождения» были замена светских людей монахами в уже существующих общинах и строительство новых обителей, укрепление внутренней дисциплины на основе бенедиктинских уставов и введение полного единообразия в бытовой стороне жизни, а также очищение самих клириков от ненадлежащих привычек и привлечение их к изучению необходимого минимума сведений для отправления церковных служб. В 966 г. на синоде в Винчестере, созванном по инициативе короля Эдгара, эти основные положения были оформлены в специальном документе — *Regularis Concordia*¹⁰⁸, который стал своеобразным общим правилом, обязательным для исполнения в англосаксонских монастырях вплоть до нормандского завоевания. Другим

Церковное устройство Англии в X-XI вв.

важнейшим новшеством *Regularis*, по словам епископа Этельвольда, было уничтожение *secularium prioratus*, т. е. господства мирян над монастырями¹⁰⁹. С этой целью документ строго осуждал и полностью запрещал практику замещения светскими лицами должностей аббатов и передавал исключительное право на осуществление контроля над

монастырями в руки короля. В самом монастыре и его владениях вся власть передавалась в руки аббата, избираемого монахами из своей среды, но подлежащего обязательному утверждению монархом. Никому не разрешалось навязывать братии своего ставленника¹¹⁰.

В какой-то степени принятые в 966 г. «Правила» шли гораздо дальше устава Бенедикта Нурсийского и представляли собой некий идеал, к которому стремились Дунстан, Освальд и Этельвольд. Если в первом фиксировался только минимальный уровень требований, необходимый для правильной аскезы, то в *Regularis* эти требования были расписаны гораздо более детально. Так, согласно «Правилам», каждый монастырь должен был иметь помимо прочих строений церковь, трапезную, спальный корпус, холодные и отопливаемые кельи для занятий монахов, зал для общих собраний и приема гостей, гостиницу, пекарню и кухню. Обращает на себя внимание также то, что составители «Правил» специально подчеркивают необходимость постоянной молитвы за короля и королевскую семью¹¹¹; в ответ король Эдгар пожаловал монастырям освобождение от государственного посмертного побора (*heriot*)¹¹², сумма которого с этого времени стала расходоваться на нужды самих монахов и на дела благотворительности. В таких условиях монахи могли вести вполне комфортную жизнь, довольно резко контрастировавшую с условиями окружающего мира, особенно с повседневной жизнью простолюдинов. Как следствие, монашество становилось привлекательным для людей низкого происхождения, разумеется, в случае, если они были способны приучить себя к связанным с ним ограничениям и трудам.

Зимой монахи поднимались в 2.30 ночи и ложились спать в 18.30, летом вставали в 1.30, а отходили ко сну в 20.15. При этом зимой полагалась одна трапеза в день, летом две. Большая часть «рабочего дня» была посвящена усиленным молитвам, но не менее двух часов (обычно утром) отводилось для физического труда¹¹³. Такой распорядок не каждый, конечно, мог выдержать, вследствие чего многими монастырями «Правила» значительно смягчались.

Чрезвычайно активно усилия реформаторов были поддержаны королем Эдгаром, который впоследствии заслужил даже почетное прозвище «отца монахов». Именно в его правление возрождение и реформа англосаксонских монастырей достигают наибольшего размаха: всего в его царствование было реформировано около 30 аббатств, в то время как за период с 975 по 1066 г. — только 18¹⁴.

Осуществление реформы именно во времена Эдгара вполне понятно: именно тогда сложились благоприятные условия для ее проведения в жизнь. Скандинавские вторжения прекратились, Область датского права была бесповоротно воссоединена с остальной частью королевства, в стране установился продолжительный мир. Окрепшая королевская власть полностью отстранила светских магнатов от управления монастырями, а церковь в целом значительно укрепила свой союз с государством.

Ко второй половине X столетия относится и окончательное инкорпорирование христианского духовенства в состав англосаксонского общества, начатое еще в VII в., и резкое возрастание его влияния на функционирование всех институтов последнего. Были приведены в полное соответствие церковная и светская иерархии, а духовным лицам присвоены все привилегии знати. Тенденция к этому обнаружилась уже в конце IX в.¹⁵, а к XI столетию закрепляется окончательно. Штраф за убийство главы англосаксонской Церкви — архиепископа — становится равным компенсации за жизнь члена королевской семьи — этелинга; епископа — возмещению за убийство королевского служащего-элдормена; англосаксонский священник по рангу приравнивался к представителю служилой знати — тэну¹⁶. Параллельно в законодательстве оформляется достаточно эффективная система защиты домашнего мира и достоинства духовенства. В юридические сборники постоянно вводятся титулы, специально предписывающие всему населению королевства «защищать и почитать» слуг Божьих, уважать служителей алтаря. За любое преступление, совершенное против человека, посвященного в духовный сан, взыскивался особый штраф, в то время как сами клирики за свои правонарушения наказывались гораздо легче, чем

миряне¹¹⁷. Даже будучи привлеченным к ответственности, священнослужитель оказывался в привилегированном положении, поскольку судебная процедура была более благоприятна для клириков, чем для людей светских. Например, священник в любом случае имел право очистить себя от обвинения мессой, причастием или присягой¹¹⁸, в то время как мирянин зачастую такой возможности был лишен¹¹⁹.

За религиозные преступления взыскивались светские штрафы, что, очевидно, было вызвано достаточно сильными пережитками язычества, нежеланием людей нести бремя церковных повинностей. Ни один свод законов этого времени не обходится без предписаний всем «верным» способствовать возвышению христианства, любить и почитать единого Бога, отвергать идолопоклонство во всех его проявлениях¹²⁰. Язычество ставилось в один ряд с такими криминальными деяниями, как колдовство, клятвопреступление и прелюбодейство; под угрозой светского наказания каждый христианин должен был в установленный срок окрестить своего ребенка; в королевские законы включались церковные постановления о необходимости соблюдения христианских праздников и постов¹²¹.

Все это позволяет предположить, что и к концу англосаксонского периода языческие (верования, или их остатки) оставались реальностью, с которой, несмотря на рост авторитета Церкви после «монашеского Возрождения», ей приходилось считаться. И хотя единого мнения о степени живучести язычества в Англии конца X — начала XI столетий у специалистов нет¹²², можно полагать, что и в это время христианство отнюдь не полностью владело умами людей.

Однако ясно и то, что приведенные выше и им подобные установления приучали англосаксов воспринимать высокое положение духовенства как должное и делали для них более понятным и естественным важную роль Церкви и ее служителей в обществе. Несомненно, важнейшими источниками влияния духовенства являлось как обладание Церковью обширными земельными владениями, так и местом англосаксонского клира в структуре государственного управления. Более подробный разговор об этом

вперед¹²³; пока же представляется необходимым заметить, что уже с VII столетия широко распространяется практика королевских земельных пожалований, а также дарений земли со стороны других светских лиц религиозным корпорациям, прежде всего монастырям, в результате чего Церковь превращается в одного из крупнейших землевладельцев в Англии. Одновременно не только высшие иерархи, но и духовенство в целом активно и непосредственно участвуют в государственном управлении. Клирики, аббаты и епископы являются авторитетными лицами при королевских дворах и в королевских советах; наряду со светской знатью они провозглашают и возводят на престол государей, составляют законы и заседают в судебных собраниях, исполняют дипломатические поручения, а нередко и военную службу. Немаловажно и то, что англосаксонский клир был членом единой вселенской католической Церкви и, несмотря на сложные отношения Кентерберри с папской курией¹²⁴, неизменно использовал этот факт для укрепления собственного авторитета среди своей паствы.

Возвращаясь к внутренней жизни англосаксонской Церкви в конце X – начале XI столетий, нельзя не упомянуть еще одну важную заботу ее духовных руководителей. Речь идет о самой массовой категории клириков – приходском духовенстве. Наиболее видные религиозные деятели Англии того времени – аббат монастыря Эйнем Элфрик (955–1020/1025 гг.) и архиепископ Йорка Вульфстан (?–1023 гг.)¹²⁵ – неоднократно обращались к нему с посланиями и проповедями, в которых они обличали наиболее вопиющие его пороки и выдвигали требования, которые им необходимо соблюдать: минимум латинской образованности и знание основных церковных догматов и ритуалов, трезвый образ жизни и строгое выполнение своих основных обязанностей. Епископам предписывалось осуществлять постоянный надзор за приходскими священниками, и имеющиеся данные говорят о том, что такой надзор был довольно жестким. Однако и к концу англосаксонского периода не удалось, например, добиться соблюдения всеми клириками требований целибата. Большин-

ство деревенских священников продолжали вступать в брак и вести жизнь, немногим отличающуюся от жизни своих прихожан¹²⁶.

Возобновившиеся на рубеже X–XI вв. датские вторжения не смогли помешать продолжению реформ в англосаксонской Церкви, хотя духовенство было обеспокоено приходом к власти Кнута Великого и созданием англо-датской державы. Между тем Кнут выказал себя ревностным приверженцем католичества и щедрым на пожалования государем. Более того, по соглашению между англичанами и датчанами, заключенному в 1018 г., христианская Церковь впервые объявлялась государственной, а законы, выпущенные Кнутом, подтвердили суровые наказания за отправление языческих ритуалов и забвение интересов католической Церкви¹²⁷. И хотя к моменту нормандского завоевания эти реформы не были вполне завершены, церковная организация Англии встретила его как целостный, сплоченный и достаточно авторитетный в обществе институт, занимающий, кроме всего прочего, доминирующее положение в духовной сфере.

Глава IV
**«...В СОГЛАСИИ С ПАХАРЕМ...»
ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СТРОЙ АНГЛИИ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

На протяжении всего раннего средневековья Англия оставалась аграрной страной, основным занятием населения которой было сельское хозяйство. Вплоть до X столетия те города, которые существовали на ее территории, за редкими исключениями, не играли сколько-нибудь значительной роли в экономической жизни. В условиях почти полного преобладания натурального хозяйства развивавшиеся внутренняя торговля и денежное обращение занимали подчиненное положение.

Это, пожалуй, все, что можно сказать об экономике англосаксов с абсолютной уверенностью. Если же мы обратимся практически к любому конкретному вопросу ее истории, то вступим в область загадок, противоречий и полемики. Сказанное в особенности относится к аграрной сфере. Нельзя сказать, что сельское хозяйство и агрикультура англосаксов слабо изучены; напротив, число специальных работ, посвященных этим сюжетам, весьма велико и постоянно возрастает¹. Однако главная трудность, подстерегающая любого исследователя англосаксонского периода, дефицит письменных источников в случае с аграрной историей усугубляется двумя обстоятельствами. Первым является сравнительная скудость информации, предоставляемой важнейшими из них — земельными грамотами; вторым — сложность «перевода» этой информации в привычные нам термины и представления. Необходимо также соблюдать известную осторожность, чтобы не принять за всеобщее правило только то, что было характерно для

конкретного региона страны, и, наоборот, разглядеть за общими тенденциями местную специфику.

Что касается данных археологии, то они недостаточно информативны для описания аграрных распорядков V–XI столетий. Несмотря на большой размах раскопок всевозможных объектов раннего английского средневековья, изучение сельских поселений и системы обработки почвы англосаксов пребывает на начальном этапе развития и не дает пока оснований для серьезных выводов².

При всем разнообразии природно-климатических и почвенных условий Англии в целом ее территория благоприятствовала аграрному производству, лежавшему в основе хозяйственного строя англосаксов. В процессе своего первоначального расселения в завоеванной стране они оседали небольшими, возможно, родственными группами в наиболее удобных местах с легкими плодородными почвами вдоль рек, имевших заливные луга. Около 80 процентов самых древних поселений англосаксов концентрируется в приморских районах южной и восточной Англии к юго-востоку от линии, соединяющей Саутгемптон с заливом Уош³. Как правило, германцы не захватывали мест, ранее населенных кельтами или романо-бриттами: и те и другие чаще всего жили на возвышенностях, англосаксы же начали занимать и осваивать прежде всего равнинные территории в долинах рек⁴. На этом основании можно предположить, что в целом между позднеримскими и кельтскими аграрными распорядками, с одной стороны, и англосаксонскими — с другой, не существовало сколько-нибудь значительных элементов преемственности, хотя Г. Финберг и Дж. Линдсей справедливо обратили внимание на сохранение в Кенте и отчасти Мерсии остатков крупного землевладения римского происхождения с соответствующими аграрными системами, а Р. Коллингвуд — на соседство полей германского и кельтского типов в северном Йоркшире⁵. Поэтому тезис об отсутствии существенного континуитета между позднеримскими и ранними англосаксонскими аграрными порядками заслуживает, наверное, дополнительной конкретизации в связи со спецификой развития той или иной области Великобритании.

Поселения англосаксов в зависимости от местных условий могли быть как группового, так и хуторского типа. Хутора получили наибольшее распространение в Кенте, в то время как в Мерсии и Уэссексе преобладали деревни⁶. Как хутора, так и деревни чаще всего представляли собой небольшие анклавы на прогалинах в лесах, которые в раннее средневековье густо покрывали почти всю территорию острова. Расчистки в лесах первоначально были, очевидно, весьма невелики, поскольку требовали исключительно больших трудовых затрат.

Для обозначения сельских поселений англосаксов источники используют несколько терминов. В тех документах, которые составлены на латыни, это *villa, rus* и *vicus*⁷; в источниках на различных диалектах древнеанглийского языка — *ham* и *tun*⁸. Последние термины часто входят в состав названий самих селений, а иногда обозначают и отдельное домохозяйство⁹.

Размеры ранних поселений установить достаточно сложно, поскольку источники не дают вполне определенных указаний по этому поводу. Ясно, однако, что на юго-западе и в центральной части Англии деревни были расположены реже, чем в Кенте, и были крупнее, достигая иногда ста и более дворов¹⁰. Каждый такой двор, как правило, состоял из 2–10 больших домов площадью 40–60 квадратных метров с несколькими массивными столбами, поддерживавшими крышу, и с одной или несколькими внутренними перегородками. Их окружали хозяйственные постройки: сараи, кладовые, стойла для скота, мастерские и т. п. Иногда весь комплекс построек был обнесен оградой¹¹. Эти археологические свидетельства, наряду с данными ранних судебныхников¹², позволяют думать, что в составе поселений уже в конце VII в. существовали усадьбы отдельных малых семей. Именно эти усадьбы и были основными производственными единицами аграрного сектора англосаксонской экономики.

Важнейшими сельскохозяйственными занятиями англосаксов были земледелие и скотоводство, хотя соотношение между ними, видимо, с течением времени менялось. Первоначально скотоводство, скорее всего, превалировало

над культурным земледелием. На это указывают как сообщения Тацита, описывающего еще континентальных германцев¹³, так и англосаксонские грамоты VII–IX вв., фиксирующие большую роль, в частности, свиноводства. К X в. земледелие, несомненно, стало основой хозяйственного строя англосаксов, хотя животноводство кое-где продолжало занимать серьезные позиции¹⁴.

В хозяйственном комплексе любого поселка главное место принадлежало пахотному полю. Количество пахотной земли в англосаксонскую эпоху определялось терминами, суть которых и, главное, оценка в привычных нам единицах измерения довольно сложны. Ими были: гайда (*hida*, *hiwisc*) в центральной и южной Англии и, первоначально, возможно, на севере; сулунг (*sulung*) в Кенте и каруката (*carucate*) в Области датского права¹⁵.

Чисто теоретически гайда представляла собой земельный участок, в котором должно было быть не менее 120 акров (около 49 гектаров) и который, предположительно, считался достаточным для поддержания существования одного крестьянского домохозяйства в течение года. Четверть гайды именовалась виргатой (*virgate*) и была равна 30 акрам¹⁶. С самого начала расселения англосаксов обрабатываемая земля возделывалась в обширных открытых полях, разделенных на отдельные полосы-участки. Предполагалось, что каждая такая полоса составляет в длину ферлонг (около 200 метров), а в ширину — одну десятую ферлонга, чтобы в квадратных единицах образовать один акр, который в течение дня могла обработать одна восьмиволовая упряжка¹⁷. Во всяком случае, в Кенте сулунг делился на четыре четверти, которые назывались «упряжками» (др.-англ. *geoces*)¹⁸, что свидетельствует о применении при обработке земли именно четырех пар быков. Сходным образом в местах поселения скандинавов каруката делилась на восемь боват (*bovates*)¹⁹; это также предполагает восьмиволовую упряжку.

Совершенно очевидно, что на практике реальные размеры гайды должны были сильно варьироваться, поскольку в дарственных грамотах она выступает то в качестве единицы землевладения и хозяйства, то в качестве земельной

меры, то как фискальная единица²⁰. Следует также иметь в виду, что по мере неизбежного дробления земельных участков площадь гайды сокращалась; к концу англосаксонского периода гайда уже не составляла «полного надела», которым она считалась в VII–IX вв.²¹

На первых порах сулунг также, видимо, представлял собой полный надел домохозяйства и определялся как «земля, вспахиваемая одним плугом» (*terra unius carucae, terra unius aratri*)²². В дальнейшем из общеанглийского словаря было заимствовано обозначение *hida*, которым стали называть наделы, уже не составлявшие сулунга. Параллельное существование в Кенте двух терминов специалист-склонны объяснять разложением первоначального надела-сулунга и постепенным превращением *hida* в основную единицу налогообложения²³. Не отрицая важнейшего значения этого фактора, укажем также на исключительную этническую пестроту первоначального германского населения этого англосаксонского королевства; возможно, параллельное употребление в Кенте двух терминов, обозначавших земельный надел, было связано с аграрными и лингвистическими традициями различных групп поселенцев.

Легко заметить, что система земельных мер, которая использовалась на протяжении англосаксонского периода, достаточно сложна и мало соотносится с современными понятиями. Кроме всего прочего она осложнялась бесконечными региональными и местными вариантами. В земельных грамотах, исходящих из Восточной Англии, например, четвертая часть гайды именовалась обычно *tenement* и, судя по всему, несколько отличалась по размерам как от уэссекской виргаты, так и от кентской «упряжки». В Корнуолле же очень долго сохранялась аграрная организация кельтского типа, ориентированная прежде всего на скотоводство, а не на земледелие, отчего и сами термины, обозначающие земельные меры, были весьма специфичны²⁴.

В ранний англосаксонский период наиболее распространенной агросистемой англосаксов была, безусловно, подсечно-огневая, связанная с необходимостью отвоевания земельных площадей у леса. К X столетию основой

сельского хозяйства становится плужное земледелие при использовании двуполья, хотя в наиболее лесистых регионах, несомненно, продолжали использоваться и более примитивные способы обработки почвы, при этом трехполье также было известно²⁵. Расположенные чересполосно в общем поле участки по возможности подвергались многократной вспашке и удобрялись не только выпасом скота по жнивью, но и специально. Так, в наставлении управляющему поместьем (начало XI в.) первой его обязанностью объявляется улучшение способов обработки почвы и указывается, что вспашка должна проводиться трижды в год — весной, летом и зимой²⁶.

Англосаксам было известно два основных типа плугов: первый, более легкий и безколесный плуг средиземноморского типа, употреблялся на бедных песчаных почвах; второй, тяжелый колесный плуг, широко известный на севере Европы, использовался при обработке глинистых почв и для вспашки нови. Обычно считают, что последний был принесен англосаксами с их континентальной прародины²⁷, однако есть основания полагать, что он был знаком населению еще Римской Британии, хотя о масштабах его применения судить трудно²⁸.

Из высеваемых зерновых культур преобладал ячмень, но выращивались также пшеница, овес и рожь. Использовались как озимые, так и яровые культуры: первые вспашка и посев практиковались в октябре-ноябре, а яровые сеялись в феврале, а то и в конце января²⁹. Урожай снимался обычно в августе, но в зависимости от погодных условий его сбор мог продолжаться и до ноября, о чем, в частности, упоминает в своей «Беседе» аббат Элфрик³⁰. Затем колосья обмолачивались, зерно провеивалось, а в начале следующего года молотось в муку — уже с VIII столетия для этого использовались водяные мельницы³¹.

Урожайность зерновых, учитывая низкую техническую вооруженность и капризы климата, была невелика. По некоторым подсчетам средняя урожайность с акра (приблизительно 0,4 гектара) земельной площади не превышала в англосаксонский период шести бушелей (или чуть более 200 литров) ржи³². Овес шел на изготовление овсяной каши

(порридж) и корм лошадям, из ржи делали «черный» повседневный хлеб, а по праздникам выпекали более светлый пшеничный хлеб. Ячмень использовался для варки пива, а частично шел на корм домашнему скоту³³.

Помимо зерновых выращивались бобовые и технические культуры — вика, горох, чечевица, лен, вайда и краппа, получившие широкое распространение, однако лишь в поздний англосаксонский период. В это же время источники упоминают о существовании у англосаксов садов, виноградников и огородов³⁴. Хотя о развитии садоводства, виноградарства и огородничества в раннесредневековой Англии мы знаем очень мало, бесспорно введение англосаксами в культуру яблонь и груш, а, возможно, также вишен и слив. В питании, вне всякого сомнения, немалую роль должны были играть дикорастущие плоды и ягоды.

Одной из наиболее характерных особенностей сельского хозяйства Англии в раннее средневековье, которая, впрочем, просуществовала вплоть до промышленной революции XVIII столетия, была постоянная нехватка травяного корма для скота. Львиная доля обрабатываемых земель отводилась под пашню, лишь незначительная часть которой в летнее время использовалась как пастбище. Естественные луга и выпасы вдоль водных потоков давали недостаточный корм домашним животным, а искусственного его выращивания англосаксы не знали. Недостаток кормов приводил к тому, что скот чаще всего не оставляли на зимнее содержание, массами забивая в ноябре³⁵.

Тем не менее скотоводство составляло важнейшую часть хозяйственных занятий англосаксов. Их ранние юридические памятники демонстрируют подчеркнутое внимание к этой отрасли: уже в конце VII в. торговля домашним скотом специально регулировалась законодательством, а его кража была наиболее распространенным и, возможно, самым прибыльным преступлением³⁶. Судя по костным остаткам, найденным при раскопках поселений англосаксов, они разводили весьма разнообразных домашних животных, причем скот в целом был крупнее, чем в Римской Британии³⁷. Как и везде, крупный рогатый скот давал мясо и молоко; Беда Почтенный, например, упоминает о том,

что в мае коров доили три раза в день³⁸, но значительная часть скота должна была использоваться не в пищу, а для кормления молодняка. Поэтому масло и сыр чаще всего изготавливались из овечьего молока; и вообще овцы, дававшие помимо молока также мясо и шерсть, были у англосаксов, пожалуй, одним из наиболее популярных видов домашнего скота³⁹. Более того, к концу VIII в. торговля английской шерстью и одеждой из нее становится важной статьей английского экспорта в Каролингскую Галлию⁴⁰. Не меньшее значение среди отраслей животноводства имело свиноводство. Большие гурты свиней (до двух тысяч животных в каждом) не знали стойлового содержания и обычно свободно паслись на опушках дубовых лесов и на вырубках⁴¹. Крупный рогатый скот, овцы и свиньи были относительно дешевы: в правление короля Этельстана (924–939 гг.), к примеру, бык стоил 30 пеннигов, корова — 20, свинья — 10, овца — 5 пеннигов⁴².

Одной из развитых отраслей животноводства в ранне-средневековой Англии, несомненно, было разведение лошадей, которые использовались в военном деле как средство передвижения и для спортивных состязаний. Хороший конь стоил дорого: по меньшей мере в четыре раза дороже быка, т. е. 24 шиллинга, или полфунта. Неслучайно, очевидно, и категорическое запрещение вывоза коней за пределы Англии, содержащееся в одном из судебныхников короля Этельстана⁴³. Поэтому в качестве тягловой силы лошадь в англосаксонский период применялась далеко не повсеместно и король Альфред Великий, например, был сильно удивлен, когда норвежский купец и путешественник Ортхере поведал ему о подобном ее использовании у себя на родине⁴⁴.

Домашняя птица в англосаксонский период была представлена главным образом курами, утками и гусями⁴⁵.

Для охраны всей этой живности существовали прирученные, но не домашние собаки: случаи их нападения на людей со смертельным исходом были настолько часты, что составители судебныхников были вынуждены включать в них специальные титулы, карающие владельцев таких собак⁴⁶.

Из аграрных промыслов англосаксов наибольшее хозяйственно-экономическое значение имели, скорее всего, производство спиртного, бортничество и рыболовство. Англосаксы знали весьма разнообразные спиртные напитки: эль, пиво, вино и мед. Наиболее дорогим был мед — любимый напиток англосаксонской знати, упоминания о котором содержатся во всех героических поэмах. Нередки также были случаи уплаты медом податей⁴⁷, не говоря уже о том, что мед являлся единственным заменителем оставшегося неизвестным англосаксам сахара. Соответственно, достаточно высоко было развито бортничество, и законодательство сурово карало похитителей пчелиных семей⁴⁸. Простонародье же довольствовалось сваренным из ячменя пивом или элем, которые тем не менее также могли входить в состав натуральных повинностей⁴⁹. По мере распространения христианства возрастало значение виноделия, развивавшегося в южной Англии⁵⁰.

Прибрежное население страны повсеместно активно занималось рыбной ловлей дельфинов, лососей, сельди, а также добычей омаров, крабов, креветок и других даров моря. Ведение рыболовецкого хозяйства, однако, было занятием достаточно дорогим: суда стоили недешево⁵¹, хотя спрос на морепродукты в связи с многочисленными постами, установленными Церковью, был постоянно велик. Важное пищевое значение имело, безусловно, речное и озерное рыболовство.

По мере развития производительных сил в сельском хозяйстве в X—начале XI столетия аграрные промыслы постепенно выделяются в самостоятельные занятия, во всяком случае в хозяйствах феодализирующейся знати. В грамотах начинают встречаться упоминания пивоварен; как отдельные промыслы существуют сыроварение и маслоделие⁵². Однако и в это время общество англосаксов продолжало оставаться преимущественно земледельческим. В «Беседе» аббата Элфрика изображается спор представителей различных профессиональных занятий, и «мудрец» — школьный учитель, отвечая на вопрос о том, какое из занятий он считает лучшим, называет труд пахаря, заключая свою речь словами: «Пусть каждый помогает

другому своим ремеслом и всегда пребывает в согласии с пахарем, который нас кормит»⁵³.

Это не означает, конечно, что в англосаксонский период на территории Англии вовсе отсутствовали города⁵⁴. Напротив, данные лингвистики свидетельствуют о том, что в древнеанглийском языке существовало по меньшей мере три слова, обозначающих нечто иное, чем поселение сельского типа.

Во-первых, это «бург» (*byrig, burh*), с основным значением «укрепленное место». Первоначально это слово, используемое в качестве суффикса, могло означать также кельтские городища, встретившиеся англосаксам в Британии, или защитные сооружения (вал, ров), отделявшие владения одного лица от земель другого⁵⁵. Законы Альфреда, к примеру, устанавливающие специальные штрафы за нарушение границ этих сооружений, называют такое преступление «вторжением в бург» (*burhbryce*). Из «Правды Альфреда» явствует также, что бург обычно являлся резиденцией короля, епископа или представителей знати⁵⁶. Под 754 г. в «Англосаксонской хронике» бургом названа церковная столица Англии — город Кентербери. В дальнейшем «Хроника» неизменно именует «бургами» те крепостные сооружения, которые строились Альфредом Великим и его преемниками для отражения набегов викингов или борьбы с другими врагами Уэссекса⁵⁷.

Во-вторых, это слово «порт» (*port*), с основным значением «морская гавань», но одновременно обозначавшее такое селение, которое служило рынком и иногда обладало правом чеканки монеты⁵⁸. В связи с этим можно заметить, что англосаксонские города, имеющие в своем названии этот элемент, совсем не обязательно должны были быть расположены на морском побережье: так, в одной из грамот, относящейся к 839 г., «портом» назван Кентербери⁵⁹. Интересно, что примерно к X столетию первое и второе обозначения городского поселения становятся практически эквивалентными, но крепости по-прежнему продолжают называться только «бургами»⁶⁰.

Наконец, из латинского *castra* образовался англосаксонский термин (*ceaster*), обычно использовавшийся как

составная часть названий тех мест, которые были хорошо известны как города еще в римскую эпоху (Глостер, Лестер, Честер и т. д.)⁶¹. Существование этого термина не предполагает, однако, непосредственной преемственности городской жизни в таком месте, равно как и исключительного его применения для обозначения городов, сохранившихся от римской эпохи. В самом деле, многие поселения в северной Англии и юго-восточной Шотландии, имеющие в своем названии этот латинский элемент, не обнаруживают никакой связи с римлянами⁶².

То, что завоеватели-англосаксы в момент появления на Британских островах не были знакомы с городской цивилизацией, вполне очевидно и не требует особых доказательств. С другой стороны, германцы начали расселение в стране, где пульс городской жизни бился достаточно интенсивно уже во II–III вв. Но города Римской Британии, построенные в соответствии с канонами античной архитектуры и планировки, никогда не становились торгово-ремесленными, экономическими центрами, оставаясь в первую очередь военно-стратегическими форпостами и административно-политическими резиденциями. Даже самые процветающие из них в очень большой степени зависели от своей сельскохозяйственной округи в отношении поставок как продовольствия, так и ремесленных изделий⁶³. Англосаксонское завоевание само по себе не привело к полному исчезновению римского города и самих традиций городской жизни, хотя любым археологическим свидетельствам этого, видимо, навсегда суждено оставаться не более чем гипотезами, поскольку они не могут быть поставлены в однозначный контекст с письменными источниками начала V – конца VI столетий, фрагментарными и противоречивыми. В лучшем случае мы можем говорить о продолжении заселения некоторых бывших римских муниципиев и в это время, примером чего является изученный Г. Финбергом Уитингтон⁶⁴. Однако после завоевания позднеримские городские поселения не только сильно сокращаются в размерах и частично аграризируются, но и совершенно теряют даже те свои немногочисленные экономические характеристики, которыми они обладали. За

исключением нескольких наиболее крупных и удобно расположенных на торговых путях типа Лондона и Йорка, они в большинстве своем превращаются в населенные пункты, которые либо вообще ничем не отличались от деревни по своей хозяйственно-экономической сущности, либо сохраняли лишь внешние отличия по сравнению с аграрными поселениями (стены, остатки былой планировки и застройки и т. п.)⁶⁵. Многие из них все же играли заметную роль в политической и духовной жизни, особенно в процессе христианизации. Миссионерская и иная религиозно-церковная деятельность в VII–VIII вв. концентрировалась именно в старых римских городских центрах: Кентербери, Рочестер, Лондон, Винчестер и Йорк имели епископские кафедры уже в VII столетии, а полузаброшенные римские форты на восточном побережье были местами повышенной активности проповедников⁶⁶. Видимо, влияние Церкви, особенно потребность в неких опорных пунктах для организационного оформления ее внутренней структуры, действительно было весьма мощным стимулирующим фактором сохранения урбанистических традиций в ранний англосаксонский период.

Что касается городов как центров ремесленной деятельности и торгового обмена по преимуществу, то их возникновение относится к X – началу XI столетия⁶⁷. Хотя внешний вид этих городских поселений и их топография нам известны еще недостаточно, они, вероятно, были довольно различны. Так, один из немногих к настоящему времени хорошо раскопанных городов – Тетфорд представлял собой вытянутое на полтора километра вдоль дороги шириной до шести метров селение; дома – овальной и прямоугольной формы, изредка двухэтажные, сплошь деревянные – кучно лепились друг к другу, образуя отдельные группы строений. Раскопки же в Лидфорде (графство Девоншир) выявили наличие единого плана застройки, во всяком случае внутри крепостной стены, где одно домохозяйство отделялось от другого ровиками и оградой⁶⁸.

Судить о населенности городов в Англии VI–XI вв. мы можем только по косвенным данным. Единственный

источник, содержащий более или менее полную информацию, — это «Книга Страшного Суда», составленная в 1086 г. В ней помимо прочего содержится перечень облагаемых податями и службами земельных владений каждого английского города, дающий возможность хотя бы приблизительно оценить численность его населения. Используя эти статистические выкладки, исследователи подсчитали, например, что в середине XI столетия население Йорка составляло примерно 8 тысяч человек⁶⁹. Согласно тем же подсчетам, в Винчестере жило в это время от 6 до 8 тысяч человек, и он был третьим по величине городом Англии после Лондона, имевшего по крайней мере 25-тысячное население, и Йорка. Сравнительно с перечисленными остальные городские центры англосаксонской эпохи были невелики: Кентербери — около 2,5 тысяч, Колчестер, Сэндвич и Хантингтон — около или чуть более двух, Кембридж, Саутгемптон, Ипсвич, Шрусбери — от тысячи до полутора. Крупным городом был и Норич, насчитывавший примерно 5 тысяч жителей⁷⁰.

Несмотря на то, что вопрос о хозяйственно-экономической природе англосаксонского города чрезвычайно сложен и однозначного ответа пока, видимо, не имеет, к концу раннего средневековья город, без сомнения, все больше становился центром ремесла, торговли и денежного обращения. И если в VII–IX столетиях главной его производственной функцией был торговый обмен, то к X–XI вв. на это место постепенно выдвигается ремесленная деятельность. Об этом со всей определенностью свидетельствует интереснейший письменный памятник ранней англо-нормандской эпохи — так называемая «Уинтонская Книга Страшного Суда». Она представляет собой своеобразную перепись, осуществленную в царствование Генриха I (1100–1135 гг.) с целью выяснить уровень налогообложения горожан Винчестера во времена правления Эдуарда Исповедника. Упомянутые в этом документе названия улиц — Матросов, Щитников, Оловянщиков, Сапожников, Мясников и даже Золотая — позволяют не только говорить о глубокой специализации ремесел, которыми владели его жители, но и о том, что ремесленное производство уже

вполне выделилось в важнейшую отрасль городской экономики⁷¹.

Высокая степень отделения ремесла от сельского хозяйства была результатом промышленной эволюции предшествующих столетий, когда она происходила главным образом в рамках домашних крестьянских промыслов. Мы уже имели возможность заметить, что общество англосаксов было прежде всего обществом аграрным и потому требовало для своего нормального функционирования многочисленных и разнообразных орудий труда и инструментов, связанных с развитием земледелия и скотоводства. Не следует думать, однако, что в раннюю англосаксонскую эпоху все ремесленные занятия были ориентированы лишь на обслуживание аграрного производства или что они были полностью подчинены интересам натурального хозяйства. Наряду с промыслами, связанными с переработкой сельскохозяйственных продуктов, уже очень рано получают распространение и такие виды ремесла, которые впоследствии сконцентрируются главным образом в городах.

Недра Англии были богаты металлами (медь, железо, свинец, серебро)⁷², и одной из основных отраслей промышленного производства англосаксов, которая, впрочем, развивалась в стране с древнейших времен, являлась добыча полезных ископаемых. К сожалению, состояние источников не позволяет нам сколько-нибудь точно оценить ее масштабы, но ясно, что железо, например, добывалось в значительных количествах еще в римскую эпоху, а в течение раннего средневековья разработка его месторождений продолжала оставаться одним из важнейших видов ремесленного производства. Об использовании свинца в качестве материала для покрытия крыши и стен известно из сообщения Беды Почтенного, и есть основания полагать, что его добыча была весьма значительной уже в первой половине IX в.⁷³ В это же время впервые упоминаются оловянные рудники в графстве Дербишир; добываемое олово использовалось в кровельных работах (в правление короля Уэссекса Этельвульфа (839–858 гг.) английским оловом была покрыта церковь аббатства Феррье в Северной Франции), а также шло на изготовление весовых гирек

и некоторых инструментов. Из оловянной руды получали низкокачественное серебро, частично применявшееся в монетном деле⁷⁴.

Из других горнорудных производств следует отметить добычу строительного камня, широко распространенную уже в начале VII столетия в связи с началом массового церковного строительства, хотя зачастую при возведении христианских храмов активно использовались остатки римских сооружений. Каменные карьеры существовали практически повсеместно, а, например, карьер в Уоттоне (графство Ноттингемшир) специализировался, кроме того, на производстве мельничных жерновов⁷⁵.

Одним из важнейших продуктов, обойтись без которого было попросту невозможно, была соль, добываемая в прибрежных районах методом выпаривания или внутри страны на месторождениях природного галита. Автор «Истории бриттов» Ненний, перечисляя в 825 г. «семь чудес Британии», упоминает в качестве одного из них соляные разработки в Дройтвиче⁷⁶.

Наиболее развитыми видами промышленного производства, которые весьма рано начали превращаться в высокоспециализированные ремесла, в раннесредневековой Англии были металлургия и металлообработка, известные на Британских островах с незапамятных времен. Их центрами стали в первую очередь северные графства — Линкольншир, Йоркшир, Нортгемптоншир — обеспеченные кроме металла значительными запасами древесного угля⁷⁷, а металлургии и кузнечного дела — города Глостер и Херефорд (в Глостере железными изделиями даже уплачивалась часть податей)⁷⁸. Кузнецы вообще были у англосаксов в большом почете: еще в конце VII в. законы уэссекского короля Инэ разрешают каждому нобиллю при переезде в другую местность непременно брать с собой своего кузнеца⁷⁹. А в начале XI столетия один из персонажей уже цитировавшейся «Беседы» аббата Элфрика, кузнец, прямо утверждает, что без его труда земледельцы не имели бы ни плуга, ни лопаты, рыболов — своей снасти, пряжа — своей иглы⁸⁰.

К числу наиболее распространенных ремесленных отраслей относилось и ткачество, которым занимались повсе-

местно как сельские жители, так и ткачи-профессионалы. Англосаксонские шерстяные ткани отличались высоким качеством и находили хороший сбыт не только внутри страны, но и за рубежом. Такие факты, как просьба Карла Великого, обращенная к королю Мерсии Оффе, о торговле во Франкском государстве плащами строго установленного размера и фасона, или популярность англосаксонских вышивок в Риме⁸¹, не только позволяют говорить о высоком уровне этого ремесла, достигнутом в Англии, но и уверенно предполагать наличие внутренней его дифференциации. В центрах шерстяного производства, очевидно, существовали отдельные ремесленные специальности чесальщиков, прядильщиков, собственно ткачей и красильщиков, которые, в свою очередь, разделялись на более мелкие технологические операции⁸².

Самой массовой отраслью ремесла в раннесредневековой Англии было гончарное дело. Практика изготовления керамических изделий в наибольшей степени известна нам по археологическим материалам Восточной Англии, которые дают отчетливое представление о постепенной эволюции, совершавшейся в течение VII столетия, от грубой лепной керамики к типичным образцам посуды, сделанной на гончарном круге. В поздний англосаксонский период наиболее важными центрами ее производства, несколько отличающимися своими местными особенностями, становятся Ипсвич, Стамфорд, Линкольн и Йорк⁸³.

Одним из самых спорных вопросов истории англосаксонского ремесла являются формы его организации. Вполне очевидно, что основная масса ремесленных изделий производилась для собственного потребления в рамках домашних промыслов. Что касается городского ремесла, то никаких свидетельств существования в нем корпораций ремесленников, сходных по типу с позднейшими цехами, источники англосаксонской эпохи не сохранили. В некоторых раннесредневековых английских городах (Кентербери, Дувр, Винчестер, Кембридж) существовали некие объединения жителей, которые назывались гильдиями (*gild*), но они носили весьма неопределенный, и уж во всяком случае не производственный характер. Судя по всему, эти

гильдии представляли собой преимущественно своеобразные «братства взаимопомощи», создававшиеся для защиты своих членов в быстро меняющихся социальных условиях. Их члены давали взаимную клятву оказывать друг другу всемерную помощь и поддержку (вплоть до кровной мести за убитого «брата») и до известной степени гильдии, таким образом, заменяли уже распавшиеся родоплеменные связи и еще не вполне сложившиеся связи феодальные. Костяк «гильдий» составляли представители светской и духовной знати, а также королевские служащие, но отнюдь не ремесленники⁸⁴.

Тем не менее к рубежу X–XI вв. ремесленное производство у англосаксов уже отчетливо выделяется в самостоятельную отрасль хозяйства: сам термин «ремесло» (*craft*) начинает прилагаться к тем занятиям и промыслам, которые отличаются от всех видов сельскохозяйственного производства. Последние по-прежнему именовались просто «работой» (*weorc*)⁸⁵. В «Беседе» Элфрика названо по крайней мере четырнадцать представителей различного рода ремесел и промыслов⁸⁶, причем каждый из них выступает не столько сам по себе, сколько обобщенным образом данного вида ремесленной деятельности, который, в свою очередь, разделяется на ряд отдельных специальностей. Все это свидетельствует о том, что к концу англосаксонского периода ремесло превращается из подсобного занятия при аграрном производстве в самостоятельную и дифференцированную отрасль экономики, имевшую тенденцию к отделению от сельского хозяйства и концентрации в городских поселениях.

Общий натуральный характер хозяйственно-экономического строя англосаксов отнюдь не означал полного отсутствия у них торгового обмена. Но, как и повсюду в раннесредневековой Европе, внутренний рынок в Англии начал складываться позднее, чем появилась внешняя торговля. Его формирование было весьма сложным и длительным процессом, который известен нам только в самых общих чертах, поскольку прямые свидетельства письменных источников о внутренней торговле V–XI столетий немногочисленны и бедны полезной информацией.

При всем том уже ранние англосаксонские «Правды» как Кента, так и Уэссекса дают известное представление о характере существующих обменных операций, их особенностях и основных направлениях развития. Так, в судебнике королей Кента Хлотаря и Эдрика (вторая половина VII в.) содержится целый ряд статей, посвященных правилам торговли и регламентирующих пребывание в этом королевстве «иноземных», т. е. некентских купцов. Эти приезжие купцы, как явствует из контекста титула 15, могли быть странствующими торговцами либо с континента, либо из других англосаксонских государств. На местных жителей, предоставлявших им временное жилище, накладывалась ответственность за их поведение, и в случае совершения ими правонарушений хозяин обязан был доставить их в суд или сам отвечал за них⁸⁷. Видимо, внутренние экономические связи в это время были не слишком развиты, так как приезжие купцы не имели в Кенте постоянного пристанища и их права не были четко определены. В том же судебнике мы находим подробное описание доказательства законности торговой сделки в случае предъявления иска, из которого следует, что наиболее важной статьёй обмена в рассматриваемый период являлся скот (может быть, еще какое-то движимое имущество). Покупка и продажа должны были производиться в строго определенном месте — только в городе, при этом публично и в присутствии королевского должностного лица, следившего за всем ходом процедуры. При предъявлении иска о том, что скот похищен, вступала в действие тщательно разработанная процедура доказательства правильности покупки, в которой детально расписывались юридические действия сторон⁸⁸. Подобная мелочная регламентация, возможно с несколько меньшей детализацией, была характерна и для раннего Уэссекса⁸⁹, что указывает, очевидно, на незначительные еще объемы внутреннего обмена в ранних англосаксонских государствах; если бы дело обстояло иначе, торговые сделки невозможно было бы обставить столь сложными юридическими нормами.

Обращает на себя внимание также требование сборника Хлотаря и Эдрика совершать куплю-продажу в строго

отведенных местах, прежде всего в Лондоне⁹⁰, что позволяет предположить, что уже в VII столетии, во всяком случае для жителей Кента, он играл роль важного рыночного центра. Такое предположение подтверждается указанием Беды Почтенного на то, что в первой трети VIII в. Лондон являлся главным городом восточных саксов и «рынком для многих народов, прибывающих сюда по суше и по морю»⁹¹. Среди этих «прибывающих», надо думать, были не только купцы из Европы, но и жители самой Англии, приезжавшие в Лондон из других англосаксонских королевств. Об этом вполне определенно свидетельствует ряд грамот королей Мерсии и Кента, датируемых 30–40 гг. VIII столетия, которые предоставляют освобождение от пошлин и других королевских податей кораблям (в основном принадлежащим различным монастырям), заходящим в лондонский порт⁹². Это лишний раз говорит не только о значении Лондона как торгового порта и рынка, но и о начале развития внутренней торговли. Кроме Лондона важное торговое значение в ранний англосаксонский период имели такие рыночные города и местечки, как Фордвич (неподалеку от Кентербери), Хэмвич (на южном побережье Англии), Дорчестер в Уэссексе, Дройтвич в Мерсии и др.⁹³

Вторжения скандинавов, продолжавшиеся с перерывами с конца VIII по начало XI в., нанесли сильный удар как по внешней, так и по внутренней торговле Англии, хотя, конечно, не смогли прекратить их развития. Более того, есть основания полагать, что внутренние связи при всех бедствиях и разорениях, чинимых датчанами и норвежцами, и даже захвате ими значительной части английской территории продолжали расти. В правление Альфреда Великого известная стабилизация положения создала благоприятные условия для торгового обмена, о чем, в частности, свидетельствует включенная в его судебник специальная статья, называемая «Установлением о купцах» (*Eac is sирetonnum gereht*)⁹⁴. Видимо, к этому времени прослойка торговцев заняла вполне почетное место в англосаксонском обществе, а сама торговля в какой-то мере уже отделилась от других видов хозяйственной деятельности.

К началу X в. относится широкое распространение в Англии названий городов, в состав которых входил уже упоминавшийся элемент «порт». Как отмечалось, этим термином англосаксы обозначали не только собственно приморские гавани, но и городские поселения внутри страны, которые играли роль рыночных мест. И в это время государственная власть продолжала надзирать за законностью торговых сделок, требуя их совершения в присутствии королевских официальных лиц в строго отведенных местах (обычно таким местом и было поселение, обозначаемое как «порт») ⁹⁵. Ограничение торговли «портом» и утверждение операций купли-продажи королевскими чиновниками, несомненно, имели и фискальное значение. По мере того как внутренние торговые связи приобретали все более постоянный и систематический характер, королевская власть становилась особенно заинтересованной в их четкой регламентации, которая обеспечивала бы регулярный и полный сбор пошлин в ее пользу. Большая распространенность и расширение объемов внутренней торговли в X столетии обусловили, однако, то обстоятельство, что в законодательстве этого времени мы встречаем уже некоторые отступления от прежних жестких правил. Например, так называемым «II законом Этельстана» не только разрешалось продавать товар стоимостью менее 20 пеннигов вне «порта», но и свидетельствование сделки вручалось, помимо королевских чиновников, «другим заслуживающим доверия лицам» ⁹⁶. В связи с этим можно говорить и о некотором изменении самого характера внутренней торговли, в которую, по-видимому, вовлекались предметы бытового обихода, имевшие относительно невысокую ценность. Бесспорно также расширение круга людей, так или иначе связанных с рынком.

В первой же половине XI в. все предшествующие ограничения окончательно уходят в прошлое, что было следствием приспособления законодательства к потребностям экономического развития. Новые возникали рынки вне «портов», и торговля уже явно не вмещалась в узкие рамки, отведенные для нее судебниками. Рыночные отношения, возникновение и рост товарного производства, хотя и

медленно, но все более ощутимо пробивали себе дорогу в англосаксонском обществе. Помимо крупных городских центров в этот период в Англии во множестве возникают небольшие местные рыночные местечки, в которых осуществлялся оживленный обмен товарами повседневного спроса. К этому же времени относятся и первые упоминания о развитии ярмарочной торговли. Ярмарки происходили обычно через значительные промежутки времени (чаще всего раз в год) и привлекали покупателей и продавцов не только из ближайших местностей, но и из отдаленных частей страны, а то и из других стран. Наибольшую известность к концу англосаксонского периода приобретает ярмарка в Стоу близ Линкольна⁹⁷.

Еще одним свидетельством расширения внутренней торговли является повышение значения денег и денежного обращения. В принципе, денежное обращение англосаксов ведет свое происхождение от эпохи римского владычества, хотя, по мнению некоторых ученых, еще до появления римлян в Британии обращалась монета местной чеканки⁹⁸. Завоевав Британию, римляне ввели здесь свою монетную систему, которая первоначально сохраняла значение и в ранний англосаксонский период. Наиболее ходовыми вплоть до начала VII столетия были так называемые триенты и тремиссы⁹⁹, а также чеканенные по их образцам меровингские монеты из северо-восточной Галлии. Поэтому и самый ранний момент собственно англосаксонской чеканки был прямым продолжением позднеимперского и меровингского монетного обращения. Его начало относится ко второй половине VII в., когда в обращение были выпущены так называемые сцетты (*sceattes*)¹⁰⁰. Не вдаваясь в нумизматические подробности, можно сказать, что главное, в чем они отличались от предшествующих образцов, был материал изготовления. Сцетты представляли собой мелкую серебряную монету, что означало переход к принципиально иной денежной системе, основанной не на золоте, а на серебре. Очевидно, это было связано с оживлением внутреннего обмена в англосаксонских королевствах, для чего потребовалось платежное средство менее крупного масштаба, чем золото.

До рубежа VII–VIII столетий монетное дело находилось в руках индивидуальных монетчиков и не считалось королевской прерогативой. Однако, видимо, и в это время англосаксонские короли осуществляли определенный контроль за весом и качеством выпускаемых денег, а также облагали монетчиков известной пошлиной в свою пользу¹⁰¹. Королевская монета раньше всего в Англии появилась в Кенте: в 775–780 гг. монетный двор в Кентербери начал чеканку новой монеты — серебряного пенни (*pennig*). Обычно его появление связывают с денежной реформой короля Мерсии Оффы, хотя имя последнего появляется на кентерберийских пенни не ранее конца 80-х гг. VIII в., когда Кент попал под власть Мерсии. Одновременно Оффой же была пущена в обращение значительно более ценная золотая монета, известная как манкуз (*mancus*), которая использовалась при уплате значительных денежных сумм¹⁰². Так или иначе, но появление новой монетной системы может служить дополнительным указанием на то, что к рубежу VIII–IX столетий значение товарно-денежных отношений в Англии существенно возросло.

В дальнейшем это значение, несомненно, увеличивалось, что заставило преемников Альфреда Великого неоднократно обращать специальное внимание на практику монетного дела, вводя единую монету для всей страны, причем выпускаемую в строго определенных местах, и объявляя ее чеканку своей монополией¹⁰³. Исключительно суровые уголовные наказания вводятся для фальшивомонетчиков и для лиц, распространяющих подложные деньги (вплоть до смертной казни)¹⁰⁴. Это было связано не только со стремлением упорядочить денежное обращение и тем самым обеспечить прочность королевских финансов, но и с постоянной необходимостью выплаты дани норманнам. В то же время введение «датских денег», т. е. прямого денежного налога на население, косвенно опять-таки свидетельствует о значительном развитии в стране товарно-денежных отношений и внутренней торговли.

Глава V
«КЭРЛЫ И ЭРЛЫ»:
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
АНГЛОСАКСОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Большинство исследователей истории раннесредневековой Англии сходятся в том, что накануне завоевания англосаксонскими народностями римской провинции Британия они находились на последней ступени родоплеменного строя¹. Несмотря на некоторые различия в общественном развитии отдельных племен, обусловленные определенным этническим своеобразием англов, саксов, ютов и фризов, в целом англосаксы пока не знали ни глубокой социальной стратификации, ни государственности. Между тем их общество, несомненно, еще на континенте было знакомо с возвышением родовой знати и узурпацией ею некоторых управленческих функций. Подобно всем другим германцам, англосаксам был хорошо известен и институт племенных вождей, избиравшихся из представителей наиболее знатных родов и сосредоточивавших в своих руках немалую власть не только в военное, но и в мирное время. Вождей окружала преданная дружина, получавшая за свою лояльность значительную долю военной добычи и иные богатства. Основная часть населения все же была представлена свободными общинниками, пользовавшимися всеми правами и обязанностями полноправных членов общества. Рабы и полусвободные численно были невелики и подвергались патриархальной эксплуатации в рамках большой семьи. Продолжали существовать и оказывать ограничивающее воздействие на вождей и знать основные органы родоплеменного самоуправления (народные собрания, советы старейшин, судебные организации).

Примерно такую социальную организацию рисует нам героический эпос англосаксов, в частности поэма «Бео-

вульф», отражающая весьма архаические общественные отношения, сложившиеся, по-видимому, к эпохе переселения англосаксов на Британские острова.

Завоевание Англии, продолжавшееся с середины V по начало VII столетие, ускорило, разумеется, их социальное развитие. Однако данные первых англосаксонских судебных и указания некоторых земельных грамот позволяют утверждать, что и в этот период главную роль в их жизни продолжали играть общинные распорядки. Обычно в источниках общинные образования VII–IX вв. обозначаются терминами *villa*, *vicus* или *tus*, которые служат не только для обозначения общины, состоявшей из одной деревни, но и употребляются для описания таких общин, которые состоят из нескольких сельских поселений, объединяемых общей альмендой, чаще всего скрывающейся за стереотипной формулой «*cum omnibus ad se pertinentibus*»². Важнейшее место в комплексе общинных земель, несомненно, принадлежало пахотному полю, отдельные участки которого располагались чересполосно. Ведение на них хозяйства было подчинено обязательным для всех жителей общинным правилам³. Помимо пахоты в состав альменды могли входить лес, пастбища, реки, озера и болота, иногда соляные залежи. Такие земли чаще всего прямо называются «общими»⁴, что ясно указывает на их совместное использование членами общины. Хотя самая сущность общинных распорядков рассматриваемого времени не вполне ясна, ранняя англосаксонская община, скорее всего, первоначально представляла собой достаточно аморфное образование большесемейного, а не соседского типа⁵.

Однако переселения и завоевания нанесли сильный удар как большой семье, так и родовым связям в целом. Уже сам военно-колониционный характер расселения англосаксов на новых землях, сочетавшийся с необходимостью продолжительной борьбы с местным кельтским населением, предполагал серьезное снижение значения родовых и усиления территориальных взаимоотношений между ними. Несомненное существование отдельных хозяйственных усадеб, а также предписания первых кентских и уэссекских «Правд», устанавливающих штрафы за насильственное

вторжение «во двор» и обязывающих человека держать его огороженным зимой и летом⁶, свидетельствуют о постепенной утрате родом и большой семьей ключевого хозяйственного значения, которое столь же постепенно переходит к малым семьям.

Это не означает между тем, что род вовсе уходит в прошлое: вытесняемые из хозяйственной сферы сильные элементы родовой организации сохраняются практически во всех других областях повседневного бытия англосаксов вплоть до нормандского завоевания. Пожалуй, наиболее разительным показателем необыкновенной живучести в англосаксонском обществе пережитков родового строя является чрезвычайно длительное сохранение обычая кровной мести, зафиксированное не только героическим эпосом, но и королевским законодательством, а также многими нарративными источниками.

Если свободного члена англосаксонского общества постигала насильственная смерть, долгом его сородичей была месть убийце и его родственникам или получение соответствующей компенсации⁷. Месть за убийство считалась не просто способом выражения личных эмоций при потере родственника, но естественной обязанностью, которая должна была быть выполнена даже вопреки индивидуальным стремлениям мстителя. Этот долг был в равной степени возложен как на родственников со стороны матери, так и на отцовских родичей убитого, а *файда* распространялась, в свою очередь, на всех сородичей убийцы, если только они не отрекались от него и тем самым не освобождали себя от ответственности. Однако в последнем случае они сами лишались возможности в дальнейшем мстить за него при его насильственной кончине и не могли требовать своей доли *вергельда*. Такую ситуацию юридически закрепляют судебники X — начала XI столетия, фиксирующие право рода отказаться от родства с обвиняемым⁸. После этого всякая попытка со стороны сородичей убитого сводить счеты с семьей убийцы рассматривалась как преступление против короля и сопровождалась лишением виновного «королевского мира» (т. е. ставила вне закона) и конфискацией имущества⁹.

Еще со времен Тацита возмещение за своего погибшего родича среди германцев (в том числе и англосаксов) не считалось бесчестьем, при условии, разумеется, что такое возмещение соответствовало социальному статусу убитого¹⁰. Крепнущая королевская власть всемерно способствовала внедрению этой практики. Все ранние англосаксонские «Правды» настойчиво пытаются заменить кровную месть системой штрафов-вергельдов. Тем не менее даже еще в правление Альфреда Великого для членов семьи убитого существовала правовая альтернатива: либо получить за него компенсацию в денежном или материальном выражении, либо прибегнуть к мести. Одновременно в «Правду Альфреда» были включены титулы, разрешающие кровную месть в тех случаях, когда убийца был не в состоянии выплатить вергельд¹¹. Кровные родственники не только имели право на получение компенсации, но и должны были участвовать в ее уплате, например в тех случаях, когда их родич-преступник находился в бегах¹².

Юридическая компиляция конца X в. (в ней, бесспорно, отразились нормы обычного права более раннего времени) дает представление о тех группах родственников, которые участвовали в выплате и получении вергельдов. Наиболее близкими из них, вероятно, считались три поколения по нисходящей и боковой линиям, т. е. дети, братья и дяди по отцу, а также племянники, дяди и двоюродные братья по материнской линии¹³. Судя по всему, именно этот круг лиц и образовывал англосаксонский «род». В древнеанглийском языке такие родственные группы носили название *maegas* (ед. ч. — *maegth*) и выступали как коллективы сородичей, входивших, возможно, в большие семьи¹⁴. В королевских законах *maegth* наиболее часто осознается как «кровный родственник». «Если кто-нибудь убьет чужестранца, — читаем мы в судебнике уэссекского короля Инэ, — пусть король получит две части вергельда, (а) третью часть — сын или родичи (*maegas*)»¹⁵. Точно такое же значение термин *maegas* имеет и в уже упоминавшемся законодательстве Альфреда Великого¹⁶. Скорее всего, как раз в этом качестве «ближайших родичей» *maegas* и участвовали во всех актах, связанных с кровной местью.

С началом приобщения англосаксов к истинной вере стало неизбежным столкновение христианской и языческой этики в вопросе о допустимости и границах кровной мести. Именно такое столкновение, по-видимому, лежит в основе сообщения Беда Почтенного об убийстве принявшего христианство короля Эссекса Сигеберта (630–633 гг.) двумя его сородичами, которые были разгневаны его обыкновением прощать своих врагов¹⁷. Возможно, убийцы чувствовали, что терпимость Сигеберта мешает тому выполнять свой долг перед членами *maegas*? Как мы уже знаем, в VI–VIII столетиях положение церковной организации, да и христианства вообще в Англии было довольно неустойчивым и они, скорее всего, не могли радикально повлиять на существующие в англосаксонском обществе представления о кровной мести. Тем не менее уже в «Пенитенциалиях» архиепископа кентерберийского Теодора содержалось категорическое требование: «Если кто-нибудь убьет человека из мести за родственника, пусть на него, как на убийцу, будет возложена семи- или десятилетняя епитимья»¹⁸. В дальнейшем Церковь стала одним из наиболее важных общественных институтов, которые активно поддерживали замену *файды* соответствующими компенсациями. В том же направлении развивались и законодательные мероприятия государственной власти по пресечению череды кровавых столкновений, в которые нередко превращалась *вендетта* между влиятельными *maegas*, что само по себе служит ясным свидетельством глубокой укорененности этого обычая в обществе¹⁹. По справедливому мнению некоторых исследователей, отдельные титулы судебныхников последних англосаксонских королей являются прямым отражением влияния церковных проповедей, осуждавших *вендетту* и высказывавшихся в пользу замены ее денежным возмещением²⁰.

Помимо кровной мести англосаксы прибегали к помощи родовой организации во многих других жизненных обстоятельствах. Ближайшие родичи принимали участие в организации браков, и материнская родня замужней женщины следила за тем, чтобы ее интересы не нарушались после свадьбы²¹. С другой стороны, родственники мужа

в случае его смерти при наличии малолетних детей осуществляли опеку над имуществом, а бездетная вдова лишалась имущества опять-таки в пользу мужниной родни²². Сородичи обязаны были следить за тем, чтобы их родственник, обвиненный в каком-либо преступлении, не избегал правосудия; если же он ускользал от него, то становился изгоем (*utlah*), и родичам запрещалось предоставлять ему убежище под страхом суровых штрафов. Члены *taegas* также выступали как соприсяжники в суде²³, что зачастую было сопряжено с дополнительными расходами.

Возникает естественный вопрос: в чем причины столь долгого сохранения кровной мести и других родовых распорядков в социальных отношениях населения раннесредневековой Англии? Было бы, наверное, серьезным упрощением видеть в этом факте только наследие варварских времен. Не исключая этого фактора, который с конца VIII по начало XI в. находил себе постоянную подпитку в непрерывном притоке скандинавских иммигрантов, несших с собой разнообразные элементы родоплеменных отношений, ответ следует, на наш взгляд, искать в уровне и противоречиях социального развития англосаксонского общества.

Два основных компонента этого общества определялись законодательством Альфреда Великого аллитерированной фразой, которая в переводе звучит как «кэрлы и эрлы» (*ge ceorle ge eorle*), т. е. «простолудины и знать»²⁴. В реальности социальная система англосаксов была, разумеется, много сложнее и помимо перечисленных включала в себя разнообразные категории полусвободных и рабов. Кроме того, надо иметь в виду, что известные нам стратификации Кента и Уэссекса демонстрируют хотя и однотипные, но во многом несхожие формы общественного устройства²⁵.

Наиболее ранние кентские законы выделяют в этом королевстве по меньшей мере четыре социальные группировки, различающиеся между собой величиной вергельда. Наибольший вергельд — 300 шиллингов — имели представители возвышающейся знати — эрлы²⁶; жизнь рядовых общинников-кэрлов оценивалась в 100 шиллингов²⁷; так

называемые лэты в зависимости от неизвестных нам обстоятельств ценились в 80, 60 или 40 шиллингов²⁸. Что касается рабов, то они вергельда как такового не имели, и цена их убийства частично зависела от статуса их владельцев, которым, собственно, и доставался штраф, и частично от того, к какой из нескольких прослоек несвободных принадлежал сам раб²⁹. Перед нами, таким образом, предстает социально стратифицированное общество, в котором, очевидно, уже существуют отношения господства—подчинения.

Главную социальную группу кентского общества VII в. составляли, безусловно, свободные общинники-кэрлы. В их личном пользовании находились пахотные наделы (обычно величиной в один сулунг), полосами лежавшие в пределах земель общины. Именно этот надел составлял основу свободного состояния кэрла: без него не могли осуществляться никакие права и обязанности, характерные для свободного члена общества. В состав хозяйства кэрла, кроме того, входили дом с усадьбой (надворные постройки, огород, иногда фруктовый сад или пчельник) и имевшиеся у него права на пользование различными общинными угодьями³⁰. Помимо самого хозяина и членов его семьи в хозяйстве общинника работали рабы и лэты; однозначных свидетельств применения их на полевых работах мы не имеем: источники говорят об их использовании прежде всего в домашнем хозяйстве и в личном услужении³¹.

Важно отметить при этом, что ни в VII, ни в IX столетии земля кентского кэрла еще не приобрела всех черт свободно отчуждаемой собственности. В судебнике Этельберта содержатся косвенные указания на то, что дети кэрла наследовали его имущество равными долями³², но остается совершенно неясным, идет ли речь только о движимом имуществе или также и о земле; не вполне понятно к тому же, какой круг наследников имеется в виду: одни сыновья домохозяина или также и дочери. Скорее всего, при отсутствии у умершего прямых наследников-сыновей преимущественное право на земельную собственность переходило к сородичам, некогда составлявшим большую семью и входившим в состав *maegas*³³. Можно предполо-

жить в связи с этим, что если малая семья кентского кэрла и вела в конце VII столетия самостоятельное хозяйство, то в имущественном и, главное, в поземельном отношении она еще сохраняла тесную связь с прежним большесемейным коллективом родственников. Наиболее явственно такая связь просматривается в институте фолкланда — «народной земли», — который и определял в ранний англосаксонский период наследование и пользование землей, еще не превратившейся в чью-либо частную собственность³⁴.

Вместе с тем невозможно, конечно, даже и для этого времени отрицать факт значительного ослабления кровнородственных связей в кентском обществе, вызванных постепенным обособлением малой семьи и утверждением практики индивидуальной ответственности по многим судебным искам. О развитии данного процесса отчетливо свидетельствуют как уже отмеченные факты, так и зафиксированная судебниками практика частного покровительства кэрлов³⁵. К сожалению, имеющиеся источники не содержат никакой информации о том, распространялся ли патронат на имущество патронируемого или имелась в виду только его личность. Тем не менее не подлежит сомнению, что личное покровительство в раннем Кенте кэрлы осуществляли как над несвободными (лэты, рабы), так и над другими рядовыми свободными³⁶, что не может быть интерпретировано иначе, чем первый признак появления зависимости в среде этой самой важной социальной прослойки общества.

Думается, однако, что в VII–VIII вв., несмотря на всю противоречивость характера общественных связей и имущественных отношений, вытекавших из переходного состояния кентского социума, общинники-кэрлы составляли не только его главную производительную силу, но и костяк социальной структуры. Неслучайно и то, что в анализируемых юридических памятниках именно кэрл выступает важнейшим носителем правовых норм. Большинство титулов судебного Этельберта прежде всего ограждает интересы рядовых свободных: определены штрафы за нанесенные им увечья, убийство, за причиненный материальный и

моральный ущерб, за вторжение в дом и усадьбу. Будучи полноправными членами общества, кэрлы выполняли важнейшие социальные функции, начиная с судебно-полицейских и кончая участием в военном ополчении-фирде³⁷.

Однако права кентского кэрла были неотделимы от обязанностей, в совокупности составлявших своеобразное государственное тягло. Самым важным его элементом была так называемая «фирма» (*feorm*), представлявшая собой способ «кормления» короля, его окружения и должностных лиц и выросшая из продуктовых поставок главе племени. Первоначально процесс сбора фирмы чрезвычайно напоминал древнерусское полюдье: король и его свита перебирались из одной местности королевства в другую, пользуясь «гостеприимством» населения тех пунктов, где они останавливались. Но уже к концу VII столетия создаются специальные центры сбора фирмы во главе с королевскими управляющими, в которые каждое домохозяйство обязано было поставлять определенное количество продуктов. В дополнение к продуктовым поставкам кентские кэрлы привлекались к подводной повинности, эпизодически к обработке королевских земель, должны были содержать находящихся при исполнении обязанностей государственных служащих³⁸.

Наряду с кэрлами в раннем кентском обществе, как мы видели, существовала и знать. Для обозначения этой категории свободных ранние кентские источники обычно используют термин «эрл», который, по единодушному мнению исследователей, применялся по отношению к представителям родоплеменной верхушки — знати по рождению³⁹. Следует заметить, что сведений о месте и роли эрлов в кентском обществе VII–IX столетий сохранилось немного, ибо, как уже указывалось, составители судебных книг в наибольшей степени были озабочены фиксацией прав и обязанностей основной общественной прослойки — кэрлов. «Правда Этельберта», например, связывая «средний вергельд» (в 100 шиллингов) с вергельдом рядового свободного⁴⁰, о вире эрла вообще умалчивает. Тем не менее штрафы по некоторым искам эрлов вдвое превышали соответствующие компенсации в пользу простых общинников, а

установленный законами Хлотаря и Эдрика в конце VII в. вергельд эрла был втрое больше вергельда кэрла⁴¹. Можно предположить на этом основании, что привилегии эрлов выражались как минимум в более широком использовании принадлежавших всем свободных прав.

Кроме того, уже в VII в. деление на высших (эрлы) и низших (кэрлы) свободных не исчерпывало всех градаций свободного населения Кента. Королевские законы конца этого столетия содержат прямые указания на существование по меньшей мере еще двух групп слоя высших свободных — королевских тэнов и неких «людей родом из гезитов» (*gesithcundmon*)⁴². К сожалению, это единственные упоминания в кентском законодательстве терминов «тэн» и «гезит», которые, как мы увидим ниже, столь часты в синхронном с ним сборнике уэссекского короля Инэ. Однако контекст приведенных титулов законов Уитреда наводит на мысль о том, что в раннем Кенте и гезиты, и тэны являлись королевскими дружинниками и как таковые занимали более высокое положение в обществе по сравнению с простыми кэрлами. Это заключение носит, разумеется, гипотетический характер, но оно может быть косвенно подтверждено данными тех титулов законов Этельберта, которые устанавливают штрафы за нарушение покровительства, оказываемого вдовам. Судебник перечисляет знатных вдов из рода эрлов (*eorlcund*) и вдов второго, третьего и четвертого разрядов, назначая соответственно 50, 20, 12 и 6 шиллингов штрафа за упомянутое правонарушение⁴³. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что сумма штрафа прямо связывается не только с социальным статусом патронируемого, но и со статусом патрона, особенно когда речь идет о королевском покровительстве. Исходя из того что сборник Этельберта одновременно карает нарушение королевского патроната пятидесятью шиллингами, а нарушение патроната кэрла — шестью⁴⁴, можно предположить, что взыскания в 20 и 12 шиллингов имеют в виду вдов иных категорий высших свободных, возможно, гезитов и тэнов.

К сожалению, кентские источники обходят молчанием связь различных разрядов свободных с землевладением и

позволяют говорить только об их имущественной дифференциации⁴⁵. Составить же представление о складывающейся практике глафурдата, т. е. частного покровительства в среде свободных, крайне сложно. Но сам факт их достаточно глубокого социального расслоения вряд ли подlezит сомнению.

Надо иметь в виду, что многие вопросы терминологии и интерпретации социальной структуры англосаксов VII–IX вв. остаются не до конца ясными и дискуссионными. В частности, учеными весьма неоднозначно трактуется проблема возникновения, сущности и основных этапов развития ранней служилой знати. Широкое распространение в англо-американской историографии имеет старая, идущая еще от Ф. Сибомы⁴⁶, идея ее государственного происхождения. Историки, придерживающиеся теории о «государстве знати» в германском обществе, в своих спекулятивных предпосылках и конкретных наблюдениях исходят из того, что служилое сословие является детищем королевской власти и прямым следствием ее целенаправленной политики⁴⁷. Но в западной медиевистике существует и иное понимание истоков англосаксонской знати, которое исходит из возможности формирования министералитета как за счет родовой аристократии, так и из числа возвысившихся свободных общинников, вне зависимости от воздействия государственной власти⁴⁸. Впрочем, представители и той и другой точки зрения вольно или невольно игнорируют взаимосвязь социально-экономических и политических сфер, что приводит к дроблению единого исторического процесса на социальную и политическую составляющие жизни англосаксонского общества и выдвигению последней на передний план. В результате существовавших в этом обществе изменений, приведших к формированию служилой знати, остается не вполне раскрытым⁴⁹.

В отечественной — как дореволюционной, так и современной исследовательской литературе — также высказывались различные гипотезы по указанной проблеме. Весьма близко к теориям государственного происхождения англосаксонского министералитета подходили в свое время

взгляды Д. М. Петрушевского, который почти не касался социальных сдвигов, но концентрировался на описании политики королевской власти⁵⁰. В отечественной медиевистике советского периода прочно укрепился марксистский подход к изучению формирования слоя служилой знати в раннесредневековой Англии. В работах А. Я. Гуревича, А. Р. Корсунского, М. Н. Соколовой, К. Ф. Савело были вскрыты не только государственно-политические, но и социально-экономические факторы появления этого сословия, включая становление классов раннефеодального общества⁵¹. Их исследования показали тесную связь возникновения служилой знати с процессами феодализации в англосаксонском обществе и подтвердили предположения о том, что она рекрутировалась не только из представителей родовой аристократии, но и свободных общинников-кэрлов, а иногда и зависимых категорий населения. Однако по ряду частных, но важных аспектов точки зрения советских ученых не совпадали. Если А. Я. Гуревич делал упор на политику государственной власти в ходе формирования служилого слоя феодалов, то М. Н. Соколова и К. Ф. Савело были более осторожны в этом отношении, предпочитая говорить о спонтанности этого формирования, лишь закрепленного впоследствии королевскими пожалованиями⁵².

Как бы то ни было, очевидно, что в раннем кентском обществе главный социальный водораздел проходил не между аристократами-землевладельцами и зависимыми крестьянами, а между свободными полноправными людьми независимо от степени их знатности, и различными категориями несвободных и полусвободных как из завоеванных кельтов, так и из числа самих англосаксов. Прямых указаний на какую-либо форму эксплуатации одних свободных другими кентские судебники не содержат, а изредка встречающиеся в них термины «покровитель» или «господин» (*hlaford, dryhten*) относятся преимущественно к королю⁵³. Скорее всего, главную группу зависимого населения Кента первоначально составляли покоренные германцами бритты, которые, подобно свободным англосаксам, делились на ряд категорий в зависимости от своего

статуса. Источники называют среди них лэтов (*laet*), эсны (*esne*) и рабов (*theow*), фиксируя при этом и более дробные градации в рамках каждой из категорий, отличающиеся своим вергельдом или ценой⁵⁴.

Лэты представляли собой своеобразный промежуточный слой кентского общества VII–IX столетий. Упоминание в кентских законах лэтов отдельно от рабов и деление их на три категории с вергельдом в 80, 60 и 40 шиллингов⁵⁵ дают возможность думать, что они были весьма многочисленны. По мнению большинства исследователей, они определенно являлись иноплеменниками по отношению к англосаксам⁵⁶. Реальный же социальный статус лэтов продолжает оставаться спорным. Высказывалось предположение, что градации среди лэтов были связаны с их имущественным положением, а значит, и статус их в целом зависел от величины их земельного надела⁵⁷. Что касается имущественной дифференциации в среде лэтов, то она не вызывает сомнений; сложнее обстоит дело с вопросом о связи их места в раннем кентском обществе с землевладением. В «Правдах» VII столетия гораздо четче выясняется сопряженность положения этой категории зависимых с положением их господина и выполняемой ими службой. Так, за изнасилование «королевской девушки» определялось взыскание в 50 шиллингов, служанки эрла — 12 шиллингов, служанки кэрла — 6 шиллингов. Однако если речь идет о служанке, занятой на помоле зерна, то штраф уменьшается вдвое⁵⁸. Очевидно, что лэты не были зависимыми людьми из числа самих англосаксов, — видимо, законодатель применял термин *laet*, принятый у германцев для обозначения полусвободных, к местному кельтскому населению. От свободных англосаксонских кэрлов они отличались более низким вергельдом и обязанностью платить постоянный оброк своим завоевателям и как-то обслуживать их. Большого имеющиеся в нашем распоряжении источники сказать не позволяют.

Что касается эснов и рабов, то они чаще всего упоминаются в кентских «Правдах» в одной связи, что породило представление о том, что эсны и были рабами, и только недифференцированность правовой терминологии этой

ранней эпохи заставляла составителей судебныхников именовать их различными понятиями. Говорилось и о том, что уже в VII в. эсны были крепостными крестьянами⁵⁹. Ни та ни другая точки зрения не кажутся вполне убедительными. Уже было замечено⁶⁰, что для эснов действительно характерна некоторая противоречивость юридического статуса: с одной стороны, в их положении существовал ряд признаков, сближающих эсне и раба; с другой — изучаемые законы ясно говорят о том, что эсне все же не раб, ибо зачастую на него распространяются некоторые права свободных кентцев⁶¹. Например, цена эсне, хотя это и не вергельд, названа в одном из сборников «ценой человека» (*manwyrð*), в то время как раб приравнивается к движимому имуществу⁶². Эсне несет ответственность за совершенные им правонарушения; но в отличие от раба он не подвергается телесному наказанию, а платит штраф. Права и достоинство эсне до известной степени признаются и охраняются законом: он, к примеру, имеет право обвинить под присягой человека одного с ним состояния или оправдаться, если его господином является епископ или король. Рабы таких возможностей лишены полностью⁶³. Несмотря на то, что статьи кентских законов, посвященные хозяйственному положению эснов, весьма немногочисленны, они также подтверждают, что эсны и рабы — не одна и та же социальная группа. Судя по ним, эсны использовались для различных работ в хозяйствах свободных-общинников кэрлов, а также знати, но жили своими домами и имели небольшие надель земли⁶⁴. Кроме того, для обозначения раба в кентских «Правдах» обычно используется специальный термин *theow*; люди, попавшие в рабство за неплату каких-либо платежей или штрафов, называются *witetheow*⁶⁵. Все это позволяет сделать вывод, что эсны не были ни рабами, ни крепостными; по-видимому, их можно отождествить с континентальными литами и, значит, они представляли собой прослойку полусвободных в кентском обществе VII–IX вв.

Термином *theow*, как уже указывалось, в Кенте именовались лица рабского статуса, находящиеся в услужении у кого-либо. Это бесправное население, в свою очередь,

разбивалось по различным признакам на подгруппы. Наименование «раб» могло прилагаться и к тем, кто стоял по своему общественному положению выше, чем рабы в полном смысле слова. Такое слияние обычно происходило при сопоставлении прослойки *theow* с эснами, обедневшими настолько, что они были вынуждены исполнять работу, поручаемую рабам (*theoweorc*). Такое смыкание приводило к тому, что законодательство нередко вообще объединяло обе категории единым понятием *theowesne*. Постепенно в эту прослойку бесправного населения могли, видимо, проникать и те из свободных кентцев, кто был осужден на включение в состав «рабов» в качестве наказания за то или иное преступление⁶⁶.

Относительно вольноотпущенников в раннем обществе Кента сведения содержатся лишь в одном из титулов судебногоника Уитреда, хотя, несомненно, практика отпуска на волю существовала у англосаксов, так же как и у других германских племен, еще на континенте. Человек, освобожденный в Церкви перед алтарем, становится полноправным свободным (*se sy folcfrý*): он имеет вергельд, распоряжается своим имуществом, имеет мундиум над своей семьей и право свободного передвижения в пределах Кента. Но до того момента, пока *folcfrý* не обзаведется кругом свободных сородичей, его вергельд и наследство остаются под контролем бывшего господина в тех случаях, когда вольноотпущенник покидает территорию Кента⁶⁷. Должно быть, вольноотпущенниками становились люди различного положения: от рабов до бывших свободных, попавших в личную зависимость; соответственно, существовало, вероятно, несколько категорий вольноотпущенников, различавшихся формами освобождения⁶⁸.

Примерно ту же социальную стратификацию мы видим и в другом англосаксонском королевстве VII–IX вв. — Уэссексе. Как и в Кенте, наиболее значимый социальный слой населения здесь также образовывали кэрлы, имевшие в личном пользовании земельные наделы (в среднем 1–2 гайды) и обладавшие всеми правами свободных: они участвовали в народных сотенных собраниях, выступали в суде, несли воинскую повинность, имели рабов и других

зависимых и могли по своему усмотрению покидать участки земли и переходить на другое место. Ранние уэссекские законы пестрят титулами, посвященными охране жизни, чести, безопасности и имущества кэрлов. Сходны были и обязанности кентских и уэссекских кэрлов⁶⁹.

Прослойку высших свободных раннего уэссекского общества также составляли эрлы, гезиты и тэны, входившие в королевское окружение и дружину и защищенные более высокими вергельдами, нежели простые общинники⁷⁰. Место кентских лэтов занимали в уэссекском обществе так называемые уили, которые делились на три категории с соответствующей вирой, определяемой размером земельного надела⁷¹. Не имеющие земли приравнивались к рабам со всеми вытекающими последствиями⁷².

Но если в Кенте общественные структуры сохраняли в VII–IX вв. многие архаические черты, обусловленные исключительно медленным разложением родоплеменного строя, то в Уэссексе социальная дистанция, разделявшая знать и остальные страты общества, была значительно большей. Начать с того что даже вергельды свободных — кэрлов и нобилей — уэссекского общества весьма существенно отличались от соответствующих компенсаций в Кенте. Вергельды кэрла и эрла, как мы видели, здесь находились в соотношении 1:3 (100 и 300 шиллингов), в то время как в Уэссексе вергельд кэрла был по законам Инэ в шесть раз меньше виры знатного человека (соответственно, 200 и 1200 шиллингов)⁷³. Правда, более поздние юридические компиляции, составленные на основе уэссекских правовых материалов VII–VIII столетий, упоминают о возможности повышения социального статуса кэрла: владеющий пятью и более гайдами земли получает больший вергельд — 1200 шиллингов — и тем самым приравнивается к тэну. Тэном мог стать также купец, «трижды плававший за море»⁷⁴.

Вообще, социальная мобильность и внутреннее расслоение (даже в группе высших свободных) в Уэссексе были значительно выше, чем в Кенте. Обращает на себя внимание и четко выраженная в уэссекском обществе взаимосвязь землевладения и социально-правового статуса

человека. Лица, имеющие наиболее высокий вергельд в 1200 шиллингов (*twelfhynde*), и в законах Инэ, и в «Правде Альфреда» идентифицируются с дружинниками-землевладельцами⁷⁵. Если даже рядовой кэрл являлся в фирд в полном вооружении, но не имел необходимого количества земли, он не мог рассчитывать на повышенный вергельд. Только в том случае, если он сам и его потомки сохраняли, служа королю, пять гайд земли в течение трех поколений, они получали право на компенсацию, положенную *twelfhynde*. При этом потеря земли автоматически вела к потере высокого вергельда; детям такого кэрла путь в ряды высшей знати закрывался⁷⁶. Промежуточное положение между рядовыми свободными и служилой знатью с вергельдом в 1200 шиллингов занимала в Уэссексе еще одна привилегированная группа населения. Она имела вергельд в 600 шиллингов и называлась *siexhynde*, или «безземельными гезитами»⁷⁷. Если такой гезит приобретал за службу надел в три гайды, он переходил в разряд *twelfhynde*⁷⁸.

Более быстрые темпы общественного развития Уэссекса приводят к тому, что в эпоху правления Альфреда Великого противопоставление между гезитами и тэнами, а также между ними и эрлами постепенно уходит в прошлое. Сборник Альфреда не называет больше ни гезитов-землевладельцев, ни тэнов, а упоминает лишь категории высших свободных с вергельдом 1200 и 600 шиллингов⁷⁹; эти вергельды служат показателем того, является ли данный человек владельцем достаточного количества земли для исполнения королевской службы. Характерно и то, что в это же время термин «эрл» теряет свое значение «представитель родовой знати» и начинает обозначать новую служилую аристократию, в которую могли вливаться не только эрлы, гезиты и тэны, но и кэрлы и даже зависимые люди⁸⁰.

Однако гораздо существеннее другое. Совершенно ясно, что самым важным в Уэссексе все больше становился процесс постепенной утраты кэрлами своей независимости и их социального принижения. Уже с VII в. в этом англосаксонском королевстве получает развитие практика патроната знати и личной коммендации простых общинников, практически неизвестная по кентским материалам; во

всяком случае, судебник Инэ рассматривает эти институты как вполне сложившиеся. Так, часть компенсации за ущерб, нанесенный кэрлу, выплачивалась его покровителю-глафорду, причем предполагалось, что последний несет ответственность за своего патронируемого по искам других свободных и за несение им государственного тягла. Ушедший без позволения своего глафорда в другую местность кэрл не только принудительно возвращался на прежнее место жительства, но и уплачивал 60 шиллингов возмещения господину⁸¹. По-видимому, более быстро, чем в Кенте, слабеющие родоплеменные связи уэссекского общества оказывались уже не способны защитить кэрла, попавшего в тяжелые обстоятельства, что открывало перед знатными широкие возможности поставить его под свою власть. Судя по всему, такая подвластность не сводилась только к личному покровительству типа глафордата. Возможно, патронируемые получали от господина земельный надел и попадали, таким образом, не только в личную, но и в поземельную зависимость. Титул 67 судебного Инэ гласит: «Если кто договорится о виргате земли или более при условии фиксированной платы продуктами и вспашет ее, а глафорд потребует увеличения (платы) отработками, тот не должен ее (т. е. землю — А. Г.) брать, если глафорд не даст ему жилища; при этом он лишится урожая»⁸². Приведенная статья явно свидетельствует о существовании некоей разновидности продуктовой аренды, которая, кроме того, могла дополняться отработочными повинностями, а потому ставила некогда свободного человека в более прочную зависимость от господина. Такого же рода подчинение, очевидно, возникало и в результате прямого самозакабаления обедневших кэрлов. Материальная необеспеченность, невозможность выплатить долг или штраф за совершенное преступление зачастую толкали их, по выражению источника, «в руки» к могущественному лицу⁸³.

Таким образом, по сравнению с Кентом социальная дифференциация в среде свободных в Уэссексе VII–IX вв. зашла значительно дальше и предполагала различные формы зависимости и эксплуатации одних свободных другими. Это не означало, конечно, окончательного вычленения

категории зависимого крестьянства в качестве особого общественного слоя. Правовые документы не только этого, но и более позднего (X столетия) времени продолжали разделять население на «эрлов и кэрлов», противопоставляя обе группы различным прослойкам несвободных⁸⁴. Но решающий социальный сдвиг, видимо, уже произошел: англосаксонское общество начало раскалываться на противостоящие социальные группы и приобретать раннеклассовые черты, под которыми мы разумеем прежде всего ярко выраженную многоукладность всех общественных структур при наличии эксплуататоров и эксплуатируемых.

В основе этого сдвига, наряду с уже отмеченными факторами, лежали глубокие изменения в формах земельной собственности, распространенной у англосаксов. Мы уже упоминали о том влиянии, которое оказало на них завоевание и расселение на новых территориях. Главным в этом смысле было медленное, но необратимое становление понятия личной земельной собственности, равно как и земельной собственности вообще. Континентальные англосаксы, подобно другим варварам, скорее всего, еще не видели в земле того предмета, который может быть объектом свободного распоряжения, а тем более отчуждения. Слишком еще велика была их связь с землей, которую они обрабатывали: она рассматривалась как достояние и естественное продолжение многих поколений одной и той же семьи⁸⁵.

После оседания англосаксов в захваченных регионах Британии восстановление семейных общин не представлялось возможным и все большее значение стали приобретать общины территориального типа, к VII столетию уже, несомненно, состоявшие из малых семей⁸⁶. Находившаяся в руках этих общин «народная земля» помимо пахотных наделов включала также выпасы, водопой и другие угодья, сохранявшиеся в общем пользовании. Однако уже судебники конца VII столетия фиксируют существование отдельных участков фолкленда, перешедших в личное пользование. Такие участки, как мы видели, еще нельзя было свободно отчуждать, поэтому формирование аллодиальной собственности внутри общинных структур англо-

саксов происходило крайне медленно. По мере развития раннеклассовых отношений возможности распоряжения землей фолкланда постепенно повышались, хотя и в IX в. ее нельзя было завещать, а тем более передавать посторонним общине лицам⁸⁷.

Более быстро возникновение частной собственности на землю происходило в сфере королевского землевладения, хотя и здесь оно было отягощено многими остатками родоплеменных связей. Никаких прямых свидетельств существования верховной собственности королей на землю в ранний англосаксонский период не сохранилось⁸⁸. Однако некие права распоряжения земельными участками, на которых происходило расселение племенных групп завоевателей, образывавших первые королевства, были, видимо, известны англосаксонским конунгам уже с момента появления в Британии. Первоначально эти права реализовывались в системе податей, напоминающих кормления, которые характерны для всех обществ с неразвитой социальной дифференциацией. Тем не менее очень скоро кормления у англосаксов (*gafol, feorm, foster*) приобрели характер обязательных поставок продуктов населением⁸⁹. Вряд ли можно видеть в этих поставках земельный налог⁹⁰ в полном смысле слова — они были скорее выражением политического верховенства короля.

Но уже в VII столетии часть земельного фонда любого англосаксонского государства находилась, судя по всему, в личном владении королей, что позволяло им пользоваться определениями типа «моя земля» (*terra mea*)⁹¹ для обозначения таких владений. Очевидно также и то, что король имел определенные права и на земли фолкланда, которые в грамотах обычно обозначаются как «земля моего суда» или «земля моего управления» (*terra juris mei, terra regni mei*)⁹². Именно с этих земель, по-видимому, королю и следовали натуральные поставки с подвластного населения; на них он осуществлял судебные-административные и военные функции. Однако замедленность формирования представлений о свободном отчуждении земли препятствовала превращению этих участков в полную частную собственность короля и возникновению образований вотчинного

типа. Иначе говоря, англосаксонские кэрлы VII–IX вв. платили натуральные подати королю или его агенту не в качестве частнозависимых людей, а как подданные формирующегося государства.

С начала VII столетия у англосаксов получает распространение практика пожалования королем части подвластной ему земли в управление-кормление членам своего рода, а также представителям родовой и складывающейся служилой знати. Такая земля получила название «бокленд» (от древнеангл. *boc* — «грамота»).

Следует заметить, что вопрос о социальной сущности пожалований в бокленд вызывал и продолжает вызывать оживленную полемику как в отечественной, так и в зарубежной медиевистике. Если П. Г. Виноградов, Ф. Мэйтланд, Б. Лайон и М. Н. Соколова рассматривали бокленд как своеобразную форму английского аллода, то А. Я. Гуревич, К. Ф. Савело, Ф. Стентон, Г. Лойн, Э. Джон и Д. Хук высказывали оправданные сомнения относительно свободы распоряжения боклендом⁹³.

Противоречивость интерпретаций, по нашему мнению, вызывается прежде всего внутренней противоречивостью самого рассматриваемого института. С одной стороны, пожалование на праве бокленда по букве формуляра грамоты давало его владельцу право полной и ничем не ограниченной частной собственности на землю с возможностью передачи ее по наследству⁹⁴. Однако на самом деле все обстояло гораздо сложнее. Во-первых, формулы первых грамот, заимствованные в позднееримском праве⁹⁵, фиксировали не столько пожалование земли как таковой, сколько тех продуктовых поставок-кормлений, которые с нее причитались, а также осуществление новым глафордом политико-юридических прерогатив, которые ранее принадлежали самому королю. Во-вторых, условия предоставления бокленда и объем прав его владельца были чрезвычайно разнообразны — от пожалования широких иммунитетных льгот до требования неперемennого несения службы и других королевских повинностей. Необходимо также иметь в виду, что накопление привилегий владельца бокленда происходило постепенно. В VII–VIII вв. объектом пожалований являлся

преимущественно податной иммунитет, т. е. право сбора продуктовых поставок. Только начиная с середины IX столетия в грамотах появляются упоминания о наделении владельца бокленда правами частной юрисдикции, которые, однако, становятся нормой лишь в X в. Тогда же законодательно закрепляется право глафорда судить и эксплуатировать население бокленда⁹⁶.

Не прост и вопрос о том, являлся ли бокленд VII–IX столетий реальной частной собственностью или распоряжение им было ограничено. По-видимому, с самого начала бокленд можно было наследовать, поскольку в этом были заинтересованы церковные корпорации — главные получатели земель по грамоте⁹⁷. Но только в законах Альфреда Великого право передачи земель бокленда по наследству получило юридическую санкцию⁹⁸. Церковь же с VIII в., пользуясь предоставленным ей правом «распоряжаться землей по своему усмотрению», жалует ее на определенных условиях светским лицам⁹⁹. Но, судя по всему, до рубежа X–XI веков абсолютно свободного отчуждения бокленда англосаксонское общество все-таки не знало. Смысл же римской формулы, используемой в грамотах, заключался, по-видимому, не в закреплении частновладельческого его характера, а в том, чтобы утвердить нерушимость самого королевского пожалования, которое никто не смел оспаривать и присваивать.

Тем не менее появление бокленда потенциально давало возможность его владельцам установить свою власть над общинниками-кэрлами, распространив на них те порядки, которые имели место в их собственных хозяйствах, основанных на труде рабов и полусвободных. По мере увеличения земельного фонда, так или иначе находившегося в распоряжении светской и духовной аристократии, ее возможности феодального подчинения не только несвободных, но и кэрлов, несомненно, увеличивались. Но в рассматриваемый период феодализация развивалась еще достаточно медленно, причиной чего были не только живучесть уже описанных нами традиций родоплеменных отношений, но и наличие у англосаксонской знати иных источников доходов. В частности, следует еще раз обратить внимание на

чрезвычайную распространенность в это время рабства. Противопоставление «свободный — раб» вплоть до начала X в. остается основной общественной оппозицией.

Неоднозначность реальных связей, складывавшихся между владельцем бокленда и его населением (а жаловались преимущественно населенные земли), свидетельствует о том, что в рассматриваемое время раннефеодальный строй только начинает зарождаться; при этом между свободными и несвободными членами общества преобладают отношения господства — подчинения. Все сказанное дает основания вновь подчеркнуть многоукладность социальной структуры англосаксонского общества VII–IX вв., недавно вышедшего из первобытности и носившего, повторим, раннеклассовый характер.

Грань IX–X столетий оказалась переломным моментом в социальном развитии англосаксонского общества. В период правления Альфреда Великого и его ближайших преемников эволюция их общественных отношений претерпевает решающие изменения, главный смысл которых состоял в ускорении процессов феодализации. В основе этого ускорения лежали как внутренние, так и внешние факторы. Наиболее важным внутренним фактором превращения феодального уклада в ведущий были серьезные перемены в отношении англосаксов к земле, а также изменение самих форм землевладения и тех социальных структур, которые в связи с этим складывались. Самым действенным внешним фактором оказалась непрерывная скандинавская агрессия, угрожавшая англосаксонским королевствам на протяжении всего рассматриваемого времени и заставившая пойти на радикальную реорганизацию военных сил. Стоит напомнить, что эта реорганизация заключалась в массовом строительстве укреплений-бургов, защищавших население от вторжений викингов, создании мощного флота и, самое главное, в постепенном переходе к профессиональному войску взамен ополчения-фирда. Для содержания этого войска были необходимы немалые материальные ресурсы, которые обеспечивало податное население: с каждых пяти гайд земли выставлялся один тяжеловооруженный воин, снабженный всем необходимым. Наряду

с практикой предоставления боклендов, получившей распространение еще в предшествующий период, военные реформы Альфреда и последующих англосаксонских королей способствовали «оседанию» светской и церковной знати на землю и созданию частновладельческих хозяйств вотчинного типа. Появляется английский вариант вотчины — так называемый манор¹⁰⁰.

Англосаксонское законодательство X–XI вв. позволяет думать, что к этому времени вотчинное хозяйство получает достаточно широкое распространение. Предполагается, во всяком случае, что страна разделена на крупные вотчины — «земли» тэнов, которые именуются «господами земли» (*landhlaford*). Судебники этого времени довольно детально описывают порядки внутри этих хозяйств, а также отношения между их владельцами и государством. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что владельцы поместий начинают осуществлять политические функции и получают право частной юрисдикции над населением вотчин¹⁰¹. Переезд из одного населенного пункта в другой был равнозначен, в глазах законодателя, переезду с территории одного господина на территорию другого¹⁰². Деревенская община, которая в предшествующий период была в значительной степени основой социального строя, изображается в некоторых правовых документах X–XI вв. как институт, практически полностью подчиненный крупным землевладельцам¹⁰³. Seriously меняется и сама община, равно как и формы общинного землевладения. Сохранение фолкленда продолжало оказывать сдерживающее воздействие на развитие института индивидуальной собственности на земельные наделы общинников, но очевидно, что к X в. такая собственность уже существует. В это время пахотная земля начала передаваться по наследству (правда, пока только по мужской линии), продаваться и достаточно свободно отчуждаться иным образом, что способствовало ускорению имущественного расслоения кэрлов¹⁰⁴.

По мере становления феодальной земельной собственности возрастает и степень эксплуатации свободных общинников со стороны крупных землевладельцев, а также

тенденция их прикрепления к земле. Уже в «Правде Альфреда» фиксировалось ограничение на право изменения местожительства кэрла, а последующие судебники еще больше ужесточают практику переселения из одного графства в другое или смену господина¹⁰⁵. Вообще, в поздний англосаксонский период люди, не имеющие господ, уже составляют явное меньшинство. Так, законодательство короля Этельстана прямо приписывает каждому человеку иметь «покровителя»; тот же, кто такого покровителя не имеет, рассматривается как возможный нарушитель порядка — его можно даже убить «как вора»¹⁰⁶. Пути втягивания свободных общинников в орбиту феодального подчинения, так же как и формы их зависимости, были чрезвычайно разнообразны и включали денежные поборы, продуктовые оброки, дополнявшиеся различными видами отработочных повинностей. Наиболее подробную информацию о положении феодально-зависимого населения X–середины XI в. дают четыре документа, описывающие ситуацию в различных вотчинах этого периода.

Самую детализированную характеристику положения зависимого крестьянства можно найти в двух трактатах начала XI столетия, первый из которых — «Об обязанностях различных лиц» (*Rectitudines singularum personarum*)¹⁰⁷ — описывает повинности различных категорий земледельцев, а второй — «Герефа» (*Be Gesceadwisan Gerefan*)¹⁰⁸ — перечисляет обязанности управляющего поместья. Судя по этим документам, под властью владельца вотчины, полученной на правах бокленда, находилось несколько категорий зависимых крестьян.

Первой из них были гениты (*geneatas*). Хотя об их повинностях источники сообщают наиболее скупо, очевидно, что они были обязаны платить поземельную денежную ренту (*landgafol*), продуктовый оброк (свиную тушу раз в год), а также выполнять определенные отработочные повинности в форме обработки пахотной земли глафорда, выпаса скота, изготовления и починки изгородей. Кроме того, на них лежала обязанность кормить людей, останавливающихся в деревне на постой, исполнять конную службу, нести охрану и платить церковные подати¹⁰⁹.

Некоторые обязанности, в частности конная служба и полицейские функции, возложенные на генитов, позволяют предположить, что они, видимо, являются бывшими кэрлами и поэтому сохраняют некоторые черты свободных. Но одновременно совершенно очевидно, что они уже принадлежат к категории зависимого населения, несущего барщину и уплачивающего оброки. Степень личной свободы генитов не вполне ясна, но то, что она постепенно сокращается, заменяясь подчинением земельному собственнику, не подлежит никакому сомнению.

Другой слой зависимого крестьянства в поместье составляли гебуры (*geburas*). Они выполняли более тяжелые отработочные повинности, нежели гениты; более суровым было и их обложение оброками. Земельный надел, рабочий инвентарь и скот гебур получал от лорда¹¹⁰, что позволяет предположить их сильную личную зависимость вплоть до происхождения от бывших рабов. Гебуры, по видимому, составляли главную рабочую силу манора, а их наделы служили главным средством обеспечения феодальной эксплуатации. Кроме всего прочего, в отличие от повинностей генитов, обязанности этой категории крестьянства не были четко определены. Более того, и в «Обязанностях», и в «Герефе» содержится указание на то, что размер и характер этих обязанностей определяются либо владельцем манора, либо «народным обычаем»¹¹¹.

Наконец, в вотчине имелась и такая категория крестьян, как котсетлы (*kotsetlan*). По всей видимости, положение котсетлов также было нелегким: надел земли и инвентарь им, как и гебурам, выдавал лорд, но если обычной нормой участка последнего была виргата (четверть гайды), то котсетлы получали вполовину меньше (всего 5 акров), а иногда довольствовались только приусадебной землей. Котсетлы подвергались жесткой эксплуатации, выполняя барщину (источник говорит о трех днях в неделю во время жатвы и о каждом понедельник) и другие ручные отработки. Зато оброков котсетлы не платили и, «как всякие свободные люди», вносили пенни с очага перед Пасхой и являлись в ополчение¹¹². Таким образом, положение котсетлов, как и генитов, противоречиво: с одной стороны,

они отягощены барщиной, но с другой, безусловно, лично свободны. Возможно, котсетлы, как и гениты, — это потомки бывших общинников-кэрлов. Но если вторые еще сохранили свои наделы, то первые их уже лишены, что еще раз указывает на усиление имущественной дифференциации в среде непосредственных сельских производителей к концу англосаксонского периода.

Кроме зависимых крестьян в маноре, описанном в *Rectitudines*, трудились рабы и полусвободные-эсне. По распоряжению глафурда они выполняли самые разнообразные работы: были слугами, сторожами, свинопасами, пастухами, пчеловодами¹¹³.

Может возникнуть вопрос: а где же кэрлы, и в это время неоднократно упоминаемые королевским законодательством? На него позволяет отчасти ответить одна из немногих сохранившихся поместных описей. Опись поместья Херстборн в графстве Хэмпшир¹¹⁴ указывает на то, что долгое время кэрлы, жившие в этой местности, вообще не несли никаких повинностей в пользу глафурда. Только после перехода земли в руки Винчестерского аббатства они оказались обязаны монахам денежным оброком в 40 пенсов с каждой гайды земли, продуктовой рентой, выплачивавшейся хлебом и пивом, а также выполнением ряда работ на господина, включавших вспашку, уборку урожая, стрижку господских овец и рубку дров¹¹⁵. Как видно из этой описи, кэрлы были уже обременены не только денежной податью, что составляло неотъемлемую характеристику лично свободных людей, но и продуктовой и отработочной рентой, — что ранее являлось повинностью только несвободных слоев населения. Видимо, это свидетельствует о том, что кэрлы Херстборна лишь недавно оказались под властью феодального собственника-монастыря, и в их положении сочетаются как старые черты свободных общинников, так и новые характеристики феодально-зависимых крестьян.

Опись другой вотчины — Тидденхэм в графстве Глостершир¹¹⁶ — зависимых кэрлов не называет, но зато дает возможность сравнить гебуров и генитов этого манора с аналогичными крестьянами из «Обязанностей различных

лиц». Гениты Тидденхема были в меньшей степени обременены повинностями: они ограничивались извозом и пастбой господского стада, оброков же не платили. Гебуры из Глостершира также отягощены значительно легче: помимо менее продолжительной барщины (еженедельно пол-акра господской земли в сравнении с двух-, трехдневной барщиной своих собратьев из трактата) они платят и меньшие продуктовые и денежные оброки¹¹⁷. Можно предположить, конечно, что составитель трактата несколько преувеличивает размеры крестьянских повинностей и перечисляет максимум того, что с них можно получить¹¹⁸. Однако более вероятной представляется мысль о том, что в каждом отдельном маноре порядка складывались весьма различные, характерные только для того или иного края. Формирующаяся феодальная система, судя по всему, была в это время еще не настолько сильна, чтобы сколько-нибудь серьезно нивелировать существовавшие веками местные традиции и обычаи.

Таким образом, к концу англосаксонского периода значительная часть некогда свободных и полноправных общинников-кэрлов втягивается в орбиту феодальной эксплуатации. Не утрачивая полностью своей хозяйственной самостоятельности и личного свободного статуса, они все больше попадают в подчинение к крупным земельным собственникам, продолжая уплачивать налоги государству и Церкви и выполнять некоторые государственные повинности. Ясно и то, что к середине XI в. различия между отдельными категориями непосредственных сельских производителей должны были стираться, последние постепенно сливались в единую массу феодально-зависимого крестьянства. На другом социальном полюсе постепенно формируется господствующий класс феодалов, основу которого наряду с королем и членами королевского рода составили представители бывшей родовой аристократии — эрлы, увеличивавшаяся в численности и значении служилая знать — гезиты, а затем тэны, а также духовенство. Королевские пожалования в бокленд, покупка земли, захват общинных угодий и насильственное подчинение кэрлов делают их к XI в. крупными земельными собственниками, владеющими

зачастую сотнями гайд земли, разбросанных на большой территории.

Но вместе с тем не следует думать, что тенденция феодализации смогла к 1066 г. полностью себя реализовать. Об этом свидетельствуют уже упоминавшаяся устойчивость кровной мести, широкое применение и в это время труда рабов и других категорий несвободных, а также значительное отставание в смысле феодального развития северо-востока и, частично, северо-запада Англии, подвергшихся наибольшему скандинавскому влиянию.

Что касается кровной мести и других остатков родового строя, то к концу англосаксонского периода они уже выглядят явными пережитками, существование которых, однако, определяется не только сохранением традиций варварского прошлого, но и спецификой социального развития X–XI вв.¹¹⁹

К этому моменту феодализирующаяся верхушка англосаксонского общества начинает явно тяготиться сохраняющимися связями со своими родичами из более низких социальных групп. Неслучайно архиепископ кентерберийский Вульфстан в своей известной проповеди «*Sermo Lupi ad anglos*», бичуя пороки современников, ставшие основанием Божьего гнева и вызвавшие новое вторжение датчан, среди самых отвратительных называет разрушение родственных уз. «Теперь слишком часто, — пишет он, — родич не поддерживает родича, относясь к нему как к чужестранцу; отец отступился от сына, сын — от отца, брат — от брата...»¹²⁰. В такой ситуации, казалось бы, случаи кровной мести должны были, по меньшей мере, пойти на убыль...

Однако, с другой стороны, один из юридических сборников короля Этельстана, жившего почти на сто лет раньше Вульфстана, однозначно фиксирует растущую силу знатных кланов, которые препятствуют нормальному осуществлению правосудия, укрывая своих членов от преследования со стороны закона¹²¹. Это нарушало вековые традиции ответственности рода за поведение и моральный облик своего сородича и свидетельствовало о том, что многие могущественные аристократические дома (не обязательно состоявшие только из кровных родичей) превра-

щаются в автономную от государства силу. Именно представители этой раннефеодальной аристократии чаще всего и демонстрировали открытое пренебрежение к требованиям королевских судебныхников и христианских пастырей ограничить кровную месть. Необходимо также иметь в виду, что вендетта в раннесредневековой Англии, как, впрочем, всегда и везде, была делом достаточно дорогостоящим и в связи с этим доступным только весьма состоятельным людям.

Не менее часто под влиянием усиливающихся процессов феодализации из системы родственных отношений выпадали и лица противоположного социального статуса¹²². Причиной отказа от родства могло стать тяжкое преступление (убийство, воровство) сородича и нежелание делить с ним ответственность за содеянное. Это, в свою очередь, могло привести провинившегося в зависимое (вплоть до рабства) состояние, что не только снимало с него всякие обязательства по отношению к родственникам, но и самого его лишало возможности претендовать на защиту с их стороны¹²³. Среди англосаксов во множестве появляются люди, которые не то что не хотят, а просто не в состоянии платить судебные штрафы или участвовать в выплате вергельдов, и никакое законодательство, сколь бы жестким оно ни было, ничего не могло с этим поделать. Поэтому всегда присутствовавшая в аналогичных случаях проблема — что делать с убийцей, а также его родственниками, которые не могут материально компенсировать свое преступление, — в поздний англосаксонский период могла значительно обостриться, заставляя прибегать не к властям, а к самосуду и кровной мести. На наш взгляд, это обстоятельство также потенциально было способно законсервировать традиции вендетты в англосаксонском обществе.

Таким образом, тенденции раннефеодального развития, побеждавшие на рубеже X–XI вв., привели к настойчивым попыткам крепнущих государственных институтов, и прежде всего королевской власти и церковной организации, к ограничению былого всевластия родовых распорядков в защите членов англосаксонского социума от кровопролитных и дорогостоящих способов защиты чести и досто-

инства своей семьи. Королевское законодательство и представители католического клира последовательно настаивали на замене этих способов, непроизводительно тративших человеческие жизни и материальные ресурсы, строго отработанной системой возмещений-вергельдов, учитывавшей все обстоятельства совершения преступления, а также личность самого преступника и его жертвы. Но все усилия государства не смогли привести к полному замещению вендетты денежными компенсациями, что, конечно, было показателем огромного значения, которую продолжала играть родовая организация в различных сферах личной, семейной и общественной жизни англосаксов.

Касаясь темы рабства, заметим, что, несмотря на учащение в X–XI вв. случаев отпуска рабов на волю (правовые документы этого времени специально оговаривают процедуру предоставления свободы)¹²⁴, большинство из вольноотпущенников, получая небольшие земельные наделы и сельскохозяйственный инвентарь от своих бывших господ, фактически сохраняли полную зависимость от них¹²⁵. Можно, разумеется, спорить о том, насколько старый термин «раб» (*theow*), применяемый для обозначения различных категорий лично-зависимых людей, соответствовал реальному их статусу. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что сохранение самого этого понятия было не только данью консерватизму терминологии, как считают некоторые исследователи¹²⁶, но и хотя бы отчасти отражало определенные стороны социальной действительности изучаемого периода. Это подтверждается анализом тех же судебных и других документов, который показывает, что личная зависимость вольноотпущенников не была фикцией, а составляла неотъемлемую черту их правового и социального положения¹²⁷. Законодательство и особенно завещания нередко прямо приравнивают несвободных и вольноотпущенников к рабочему скоту, перечисляя их подряд: «...13 мужчин, способных к труду, и 5 женщин, и 8 юношей, и 16 волов...»¹²⁸. Статьи многих поздних сборников королевских законов вообще напоминают об ужасах античного рабства. Так, согласно одному из кодексов Этельстана, беглый раб, будучи пойман, подлежал побитию

каменьями до смерти. При короле Эдмунде в случае совершения рабами кражи зачинщика предписывалось убить, а остальных трижды высечь, скальпировать и отрубить у каждого мизинец. Король Этельред Нерешительный постановлял, что если раб будет уличен посредством ордалии в любом (!) преступлении, то в первый раз он должен быть заклеямен; вторичное нарушение закона каралось отсечением головы¹²⁹.

Характерно и то, что доля рабского труда была чрезвычайно велика как раз в тех англосаксонских манорах, которые являлись таковыми только по названию. Этот тип вотчин, весьма распространенный в донормандской Англии, складывался не как феодальная сеньория (за счет подчинения свободных общинников), а скорее как продолжение германских традиций эксплуатации несвободных. Основу его хозяйства составляли люди именно рабского статуса, которые частично были испомещены на землю, а частично находились на положении господской челяди¹³⁰.

Заметная устойчивость рабства в поздний англосаксонский период имела своим следствием очевидную замедленность феодального подчинения крупными землевладельцами свободного общинного крестьянства. Последнее особенно явно проявило себя в Области датского права и в некоторой степени в северо-западной Англии, где датские и норвежские поселенцы, поделившие здесь между собой земли, сохраняли личную свободу и хозяйственную самостоятельность, лишь номинально признавая над собой власть своих собственных предводителей, а затем англосаксонских королей. Это не могло не способствовать консервации в этих районах Англии многих дофеодальных социальных институтов, включая мощное общинное землевладение и иные традиции варварской эпохи. Кроме того, в Восточной Англии от предшествующего времени сохранялся довольно большой слой свободных общинников-англосаксов, которые под названием сокменов фиксируются еще и в «Книге Страшного Суда»¹³¹.

Подведем итоги. Несмотря на все успехи феодализации в X–XI столетиях, к моменту Нормандского завоевания англосаксонская феодальная система еще не сложилась

полностью. Процесс личного, имущественного и юридического принижения основной социальной группы англосаксонского общества — свободных общинников-кэрлов, активно развивавшийся в это время, был далек от завершения, а традиционное деление на свободных и рабов продолжало оставаться важнейшим элементом социальной стратификации. Общественные структуры сохраняли многие черты многоукладности, начиная от элементов родоплеменного строя и кончая значительной ролью рабства и труда полусвободных. В целом, как представляется, общественный строй англосаксов достиг уровня, характерного для стадии раннего феодализма. Лишь Нормандское завоевание и его ближайшие последствия окончательно утвердили в Англии феодализм, приблизив его к тому типу общественных отношений, который существовал в регионах континентальной Европы.

Глава VI
ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АНГЛОСАКСОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Становление и развитие государственности у англосаксов является одним из наиболее сложных и спорных вопросов истории раннесредневековой Англии. Проблемы времени формирования и характера ранних англосаксонских королевств, их германских или позднеримских истоков, роли королевской власти и знати в процессе оформления государственности и ее отдельных структурных элементов, а также влияния Церкви в этом процессе как в отечественной, так и в англо-американской историографии продолжают оживленно обсуждаться и нередко решаются с диаметрально противоположных позиций. Даже хронологические рамки возникновения государства у англосаксов остаются предметом дискуссий. Если А. Я. Гуревич и К. Ф. Савело относят их переход к государственности к рубежу VI–VII вв.¹, то А. Р. Корсунский — лишь к концу VII столетия². В зарубежной историографии высказывались предположения как о том, что государство у англосаксов существовало уже в V–VI вв.³, так и о том, что чуть ли не до X в. англосаксонские королевства представляли собой племенные политические объединения⁴.

Среди выделенных тем центральное место занимают вопросы о возникновении и сущности королевской власти у англосаксов, о тех этапах, которые она прошла в ходе своей эволюции, о ее месте в складывании сначала раннеклассовой, а затем и раннефеодальной государственности⁵.

Характер наиболее ранних форм королевской власти у англосаксов, по всей видимости, навсегда останется для нас загадкой в силу состояния источников. Первое упомин-

вание о королях германцев содержится, как известно, у Тацита, который рассматривает существующую у них королевскую власть скорее как исключение, нежели правило. С другой стороны, его сообщения заставляют предположить, что уже в I в. н. э. у отдельных германских народов существовали некие протогосударственные образования в главе с королями⁶. Поэтому вряд ли есть основания сомневаться в том, что англосаксы были знакомы с институтом королевской власти еще в период их пребывания на исторической прародине. Даже много столетий спустя после завоевания Британии они продолжали сохранять память о королях, правивших ими на континенте, в частности о короле Оффе, жившем за двенадцать поколений до своего знаменитого мерсийского потомка и тезки⁷. Вообще же большинство королевских династий англосаксов возводили свое происхождение к языческим богам, чаще всего к Одину, и вполне возможно, что в самые архаические времена их короли выполняли жреческие функции⁸.

Завоевательно-колониционный характер появления англосаксонских племен на Британских островах неизбежно должен был привести к резкому усилению власти тех военных предводителей, которые возглавляли переселенцев, хотя они не обязательно были королями по титулу. В «Англосаксонской хронике», в частности, упоминается о том, что вождь (в источнике употреблен термин *ealdorman*) западных саксов Кердик, под руководством которого началось завоевание Уэссекса, принял его почти 25 лет спустя⁹. Еще на континенте королевская власть у англосаксов стала наследственной, но первоначально речь шла отнюдь не о прямом наследовании престола. Претендентом на него мог стать любой из сыновей предыдущего короля, а также его брат или племянник (даже при наличии сыновей)¹⁰. Очевидно, что в этот период королевская власть еще рассматривалась не как прерогатива одного лица, а рода в целом. При этом с разрастанием рода количество таких претендентов могло естественно увеличиваться. Судя по сохранившимся королевским генеалогиям, королем мог оказаться любой знатный англосакс, который был в состоянии подтвердить свое происхождение от царственных

предков хотя бы в седьмом поколении, — таким королем, например, был правитель Мерсии Кенвульф (796–821 гг.)¹¹. Кроме того, следует иметь в виду, что возможность назначения своего преемника, теоретически признававшаяся за правящим конунгом, во многом ограничивалась тем, пользовался ли этот преемник поддержкой родоплеменной знати. Более того, в источниках изредка встречается фраза «был избран королем» (*ceosan to cyninge*)¹², заставляющая предположить, что одобрение существующего претендента на королевский титул нобилиями не было простой фикцией. Таким образом, воцарение раннего англосаксонского короля может быть охарактеризовано как нечто среднее между избранием и наследственным правом. Вплоть до X в. описанный порядок наследования престола был причиной бесчисленных кровавых столкновений внутри ранних англосаксонских государств.

На наш взгляд, переход от племенных объединений к ранней государственности у англосаксов завершается к началу VII в., одним из показателей чего может служить появление в 601–604 гг. их первого, дошедшего до нас писаного законодательства — законов кентского короля Этельберта. Их анализ показывает, что положение и общественные функции носителя королевского титула существенно отличались от положения любого другого свободного человека. Несмотря на то, что в соответствии с существовавшими нормами король, действия которого наносили государству вред, мог быть изгнан или убит¹³, его личность специально выделялась составителями судебного кодекса. Так, в «Правде» Этельберта устанавливалось двойное возмещение за драку в присутствии короля, за вторжение в его резиденцию и разбой, за нарушение королевского покровительства, за кражу его имущества (девятикратный штраф)¹⁴.

Правда, в начале VII столетия формы защиты имущества, мира и достоинства короля пока не выходили за рамки обычного права, поскольку аналогичные возмещения в пониженном, разумеется, размере были установлены и для других свободных людей¹⁵. Но по королевским искам взыскиваются уже не просто повышенные, а наивысшие

штрафы¹⁶, что свидетельствует об определенном повышении его статуса. По юридической компиляции конца X–начала XI в. «Законы северных людей» (*Northleoda laga*), вергельд за убийство короля, равный вергельду эрла, выплачивался его роду и такая же сумма — «народу» (*leodum*) для оплаты «королевского достоинства» (*cynedomas*)¹⁷. О том, что практика и ранее была такова, свидетельствует «Англо-саксонская хроника», где под 694 г. упомянуто о выплате жителями Кента 30 тысяч пенсов королю Уэссекса Инэ за сожжение его родственника Мула, члена королевской семьи¹⁸. Дополнительная оплата «королевского достоинства» может быть понята лишь как особый статус короля, возвышающегося не только над родоплеменными структурами, но и над знатью.

В течение VII–IX столетий король постепенно начинает занимать в социально-политической иерархии англосаксов место, несопоставимое с положением любого другого представителя аристократии. Еще в конце VII в. в кентских законах Уитреда появляется норма, по которой королю, как и епископу, не требуются свидетели или принесение присяги в суде¹⁹. Нарушение мира в жилище короля, на территории его бурга и даже просто в его присутствии карается все большими штрафами. За королем закрепляется право применения карательных функций почти ко всему населению государства.

К рубежу VII–VIII вв. в англосаксонском обществе начинает формироваться представление о короле как носителе верховной государственной власти, который вправе распорядиться свободой и даже жизнью подвластных ему людей. Возможно именно такое осмысление своего положения как положения государя, вольного приказывать и требовать исполнения своих приказаний, позволило уэссекскому королю Инэ употреблять в прологе своих законов такие формулировки, как «мой народ» (*ure folk*), «мои элдормены» (*ure ealdormen*) и, что весьма показательно, термин «подданные» (*undergetheodendra*) по отношению ко всем западным саксам²⁰. Сами же короли, очевидно, уже видели в себе защитников и покровителей всех свободных своего государства и даже чужеземцев²¹. Как государь

король, согласно ряду титулов судебника Инэ, получал судебные штрафы по искам свободных, а также требовал от них несения воинской службы и натуральных поставок (фирма, гафоль)²².

В период правления Альфреда Великого происходит значительное укрепление ранней англосаксонской государственности. Радикальному изменению подвергается прежде всего понимание самого статуса короля. Речь идет не только о том, что увеличивается разница в штрафах, взимаемых за преступления против короля и проступки, затрагивающие даже высших свободных²³, хотя это и важно само по себе. По судебнику Альфреда впервые в законодательной практике англосаксов была введена смертная казнь за «злоумышление против жизни короля» и предоставление убежища объявленным вне закона²⁴. Судя по всему, это установление является расширенной редакцией 30-го титула законов Инэ²⁵, но к концу IX в. существенно меняется содержание понятия «преступление против короля». Если во времена Инэ «укрытие человека, лишеного мира», расценивалось как обычное уголовное правонарушение, то у Альфреда аналогичное преступление квалифицируется уже как государственная измена (точнее, как измена главе государства) и влечет за собой смертную казнь с конфискацией имущества. При этом подобная кара ожидала не только уже совершившего преступление человека, но и того, кто только «замыслил вред королю». Сходный характер носит титул 7, где говорится, что «на милость королю» отдается человек, который «сражается в доме короля» или даже только «обнажит оружие»²⁶. Очевидно, что в эпоху Альфреда особа королевского ранга рассматривается уже не просто как лицо, возвышающееся над обществом, а как персона высшего статуса, лицо практически неприкосновенное.

Одновременно с ростом престижа монарха расширяется и область его компетенции. «Правда Альфреда» отчетливо демонстрирует вмешательство королевской власти в сферу отношений, складывающихся в процессе коммендации, и в сферу судопроизводства. При этом король стал уже не только силой, определяющей характер судебной процедуры,

как это было раньше, но и лицом, которое непосредственно или через своих агентов осуществляет правосудие²⁷.

В это же время англосаксонские короли начинают получать мощную поддержку католической Церкви. Вообще вопрос о роли Церкви и христианской политико-правовой доктрины в становлении и развитии королевской власти у англосаксов является одним из самых спорных. В зарубежной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что главным фактором изменений в правовых представлениях о личности короля было принятие христианства²⁸. Не отрицая того, что знакомство с христианской юридической догматикой могло способствовать переменам в этом отношении, вряд ли, однако, можно говорить о сколько-нибудь существенном влиянии христианства на формирование самого института королевской власти. Как мы уже знаем, в VII столетии положение Церкви в англосаксонских государствах было достаточно сложным и она, скорее, сама искала поддержки укрепляющихся государственных структур, нежели была способна радикально изменить понятия о ней, существующие в обществе. Корректнее, видимо, говорить о том, что принятие христианства и наиболее раннего судебника Этельберта является чисто хронологическим совпадением²⁹. Несколько укрепив к IX в. свое положение, Церковь становится важным элементом государственности. Несомненно также влияние на англосаксонское законодательство эпохи Альфреда проповедуемой духовенством идеи о божественной природе королевской власти, которая коренным образом отличалась от осмысления сакрального характера власти конунга у англосаксов-язычников. По языческим понятиям, происхождение от божественных предков еще не давало конунгам права на гражданское управление³⁰. Церковь же внедряла в сознание народа формулу «король милостью Божьей» и религиозную церемонию «помазания на царство» как необходимых элементов королевского авторитета. Хотя для времени VII–IX вв. приведенные формулы почти неизвестны³¹, а описание церемонии помазания содержится в источнике, относящемся лишь к 973 г.³², восприятие этих религиозно-церковных установлений, несомненно, способ-

ствовало как усилению англосаксонской государственности, так и укреплению представлений о короле-суверене, короле — помазаннике Божьем.

Существенное значение к рубежу IX–X вв. англосаксонские короли начинают играть и в социально-экономическом развитии своих государств. Центральным в этом смысле стала развивающаяся практика предоставления боклендов, имеющих тенденцию постепенного превращения в раннефеодальные сеньории, о чем достаточно подробно уже говорилось выше.

По мере развития процессов феодализации англосаксонская знать, сосредоточивая в своих руках обширные земельные владения, иммунитетные привилегии и административные права на местах, стала проявлять независимость от королевской власти, а иногда и вступать с ней в открытую борьбу, которой заполнен последний период англосаксонской истории. Она осложнялась для королевской власти непрекращающимся внешним давлением со стороны скандинавов. Тем не менее ее возросший авторитет и фактическое объединение страны во второй половине IX в. под властью уэссекской династии позволили королям этого времени осуществлять достаточно эффективный контроль над аристократией, пресекая своеволие «могущественных домов».

В связи с этим характерно, что уже в эпоху Альфреда преступления против короля и антигосударственные преступления начинают отождествляться, что, видимо, свидетельствует о формировании в англосаксонском обществе представлений о публично-правовом характере власти короля, который является центральным элементом государственного механизма. В X – начале XI столетия такое отношение к покушениям на особу королевского ранга и ее права, как государя, находит все большее закрепление в законодательстве; расширяется и количество тех преступлений, которые рассматриваются как «антигосударственные». За посягательство на жизнь, домашний мир и достоинство короля, безусловно, следует смертная казнь. По законам Этельреда Нерешительного, тот, «кто злоумышляет против [жизни] короля» (*gyf hwa ymb cyninges feorth*

surwe), должен «ответить своей жизнью». В том случае, если бы преступник пожелал очистить себя от обвинения, он должен был это сделать «в соответствии с вергельдом короля» (он по-прежнему равнялся 15 тысячам тримс. — А. Г.) или подвергнуться тройной ордалии³³, т. е. в случае с испытанием раскаленным железом, например, вес его увеличивался с одного до трех фунтов. Подобное же установление за покушение на жизнь короля встречается и в «Светских законах» англо-датского короля Кнута Великого³⁴. Положение короля как главы государства становится несоизмеримым по сравнению с положением любого представителя знати, как духовной, так и светской. Смертной казнью с конфискацией имущества наказывали за драку и воровство в королевском бурге, либо в присутствии короля, тогда как даже этелинги — члены королевской семьи — довольствовались за аналогичное преступление штрафом в 150 шиллингов, а элдормены — в 100 шиллингов³⁵. Компенсацией в 5 фунтов возмещалось нарушение королевского покровительства, а за убийство его человека королю следовало 3 марки, т. е. полтора фунта, в то время как соответствующие возмещения этелингам составляли 3 фунта и 1 марку³⁶.

Английские государи X—начала XI столетий и сами были не прочь выдвинуть претензии на обладание особыми правами в соответствии со своим уникальным положением в обществе и государстве. Король Эдгар, например, предписывал, чтобы в каждой местности монарх беспрепятственно реализовывал свои «королевские права» (*cynescipes gerihte*), а его должностные лица свободно исполняли свои функции и пользовались привилегиями, соответствующими их статусу (*heora scipe*)³⁷. Аналогичным образом поступал Этельред II, законы которого устанавливали, что любая ордалия, равно как и любое поручительство, должны были происходить только в бурге короля и в присутствии «королевского соприсяжника» (*ancyningaede*); никто не смел осуществлять юрисдикцию по отношению к королевскому тэну помимо самого короля³⁸. Расширяя свою компетенцию в сфере гражданского управления, королевская власть в поздний англосаксонский

период начинает однозначно закреплять за собой законодательную инициативу, рассматривая издание новых кодексов как свою важнейшую прерогативу главы государственной администрации. При этом отказ выполнять королевские постановления влек за собой суровые наказания. Тот же Этельред, а за ним Кнут Великий предписывали, что открыто отказавшийся выполнять законы короля должен поплатиться своим вергельдом. За двукратное нарушение величина штрафа возрастала до двойного вергельда; тот же, кто преступал закон в третий раз, терял все свое имущество³⁹. Если нарушитель королевских законов сопротивлялся должностным лицам государя и был ими убит, это убийство не искупалось по светскому праву⁴⁰.

Немаловажно то, что в течение исследуемого периода расширяются не только законодательно-юридические права короны, но и сфера действия королевского судопроизводства. Казалось бы, этому утверждению противоречат королевские постановления, которые прямо запрещают обращение к монарху по какому-либо делу, кроме тех случаев, когда невозможно добиться правосудия на месте⁴¹. Проведение подобной меры, однако, не означало реального ограничения королевских прав или предоставления королю свободы действий в разбирательстве сравнительно небольшого круга криминальных поступков. Напротив, именно в это время за англосаксонскими монархами окончательно закрепляются исключительные прерогативы наложения наказаний за самые тяжкие и в то же время наиболее часто совершаемые преступления. Таковыми были дела о краже собственности у свободных, об укрывательстве вора, о посягательстве на мир и имущество церковнослужителей, а также дела о мщении за наказанного преступника⁴². При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что перечисленные права король осуществляет как глава государства по отношению ко всем свободным, независимо от их положения в обществе, а законодательство карает нарушителей этих прав именно как людей, посягающих на государственные институты. Начиная с правления Этельстана, их наказание неизменно связывается с решением короля — носителя высшей власти⁴³.

Вместе с тем не следует считать, что к концу англосаксонского периода статус англосаксонского короля полностью приобретает публично-правовые черты, характерные для государей нового времени. Мы уже видели, за королем, как и за любым другим свободным, продолжает закрепляться свой вергельд, хотя и чрезвычайно высокий. Помимо уже упоминавшихся «Законов северных людей» можно сослаться в этом смысле на аналогичную компиляцию, действовавшую, видимо, в Мерсии, по которой так называемый «простой» вергельд короля равнялся вергельду шести тэнов, что составляло 120 фунтов⁴⁴. Законодательство и в этот период не делает четкого разграничения между повиновением королю как руководителю государственного аппарата и частнопроводным подчинением ему. Покушения на жизнь и короля, и глафорда подчас рассматриваются как преступления однотипные и равно влекут за собой смертную казнь⁴⁵, а сами отношения господства-подчинения во многом моделируются по образцу личных связей и скрепляются клятвой верности. Согласно предписанию короля Эдмунда, каждый свободный человек должен был присягнуть ему в верности так, как будто он присягал своему глафорду⁴⁶. Иногда и сам король именуется в источниках «нашим глафордом»⁴⁷.

Думается, однако, что эти правовые нормы были скорее данью традиции, нежели воспроизведением в законодательстве реального положения короля в позднем англосаксонском обществе. Представления о государственном характере королевской власти и праве королей на осуществление общего руководства всем населением, которое является их подданными, получившие распространение еще в предшествующую эпоху, окончательно закрепляются в сознании общества⁴⁸. Идея повиновения королю как носителю высшей власти, суверену, который вправе приказывать и требовать выполнения своих повелений, становится общим местом всех сборников законов рассматриваемого периода.⁴⁹ Более того, в X – начале XI в. изменяется сама терминология законодательных источников, трактующая статус носителей королевского титула. В документах предшествующего времени мы вообще не встречаем формулы,

в которой было бы заключено требование повиновения монарху как главе государственной власти. К концу же англосаксонского периода король «приказывает» (*we bebeodath*), «изъявляет желание» (*ic wille*); любое его постановление является «приказом» (*geraedness*)⁵⁰. Со времени царствования Этельстана в хартиях, оформлявших земельные пожалования, появляются так называемые «имперские титулы», применяемые к англосаксонским монархам, — *monarchus totius Britanniae, imperator totius Albionis*⁵¹ (государь всей Британии, император всего Альбиона), совершенно неизвестные ранее.

В поздний англосаксонский период значительно изменяются и взаимоотношения королевской власти и Церкви в Англии. Если в VII–IX столетиях положение церковной организации, да и христианства вообще, в англосаксонском обществе было довольно неустойчивым, то к рубежу X–XI вв. ситуация становится существенно иной, в том числе и в плане воздействия развиваемых церковью политико-правовых доктрин на практику королевского законодательства.

Наиболее важной в этом отношении, видимо, была проповедуемая духовенством идея божественного происхождения власти короля и формула «король милостью Божьей» (*gratia Dei, providentia Dei*). В XI в. она закрепляется юридически: в VIII кодексе Этельреда Нерешительного было впервые открыто декларировано, что король является наместником Бога в своем королевстве⁵². На этом основании клирики провозглашают неизбежность власти государей. Так, аббат Элфрик в одной из своих проповедей подчеркивал, что «по Божьему соизволению» люди могут сами выбрать себе правителя, «но после того как он посвящен в королевский сан, пусть имеет власть над всеми людьми, и они не могут сбросить его ярмо со своих вый»⁵³. В связи с этим преданность и повиновение носителю королевского звания объявляются богоугодным делом; пренебрежение же влечет за собой Божью кару. Архиепископ Кентерберийский Вульфстан в проповеди «*Sermo Lupi ad Anglos*» бичевал тех, кто предаёт своих господ и злоумышляет против короля: «Худшим из всех предательств в мире

является то, когда человек предаёт душу своего лорда; и другое великое предательство в мире (состоит в том), что человек устраивает заговор против жизни своего короля или изгоняет его... и оба эти (преступления) были совершенны в этой стране»⁵⁴.

Привнесение Церковью новых элементов в восприятие статуса короля и его власти (король — помазанник Божий, король — земной наместник Господа) способствовало изживанию еще сохранявшихся архаичных представлений о короле, и наоборот, укреплению тех правовых интерпретаций его личности и функций, которые были связаны с идеей монарха-суверена. Неслучайно в праве исследуемого времени прослеживается стремление законодателей увязать необходимость почитания единого Бога с требованием повиноваться одному королю и указания на то, что нарушения этих установлений являются самыми тяжкими преступлениями⁵⁵.

Таким образом, к середине XI столетия за англосаксонскими королями не только фиксируется повышенный, даже по сравнению с высшей знатью, статус, но и закрепляется королевский суверенитет. В целом происходит дальнейшее укрепление государственности у англосаксов, осуществлявшееся по тем направлениям, которые наметились в предшествующий период.

Являясь центром складывающейся государственной администрации, англосаксонский король располагал для целей управления двумя основными учреждениями. Первым из них был его собственный двор, в котором сосредоточивались все отрасли управления; вторым — представители светской и духовной знати, периодически собиравшиеся на советы уитанов (от древнеангл. *witan* — «мудрый»). При этом предполагалось, что королевский двор занимался прежде всего повседневной управленческой рутинной, в то время как собрание уитанов играло совещательную роль при выработке правительственной политики⁵⁶.

Со времени появления у англосаксов самого института королевской власти вполне очевидно существование у них хотя бы некоего зачатка королевского двора. Вряд ли стоит сомневаться и в том, что в ранний период англосаксон-

ский королевский двор не слишком сильно отличался от окружения германского конунга I в. н. э., описанного Тацитом⁵⁷, как своим составом, так и социальным поведением. Главным достоинством членов *comitatus*'а по-прежнему оставалась верность (вплоть до самопожертвования) своему предводителю, от которого, в свою очередь, они ожидали наград в виде части военной добычи и достойного их лояльности содержания. Во всяком случае, именно такие отношения внутри нортумбрийского двора в середине VII в. рисует в своей «Церковной истории» Беда Почтенный, рассказывая о жизни короля Освина (644–651 гг.)⁵⁸. Сходные описания мы находим в «Англосаксонской хронике» под 786 г. (история убийства короля Уэссекса Кюневульфа)⁵⁹ и в некоторых образцах героической поэзии, относящихся к концу X в. («Битва при Мэлдоне»)⁶⁰. Все это говорит о том, что англосаксонский королевский двор очень долгое время продолжал сохранять дружинные черты воинского сообщества, спаянного личной преданностью и долгом.

Говоря о становлении королевского двора как органа государственного управления, следует обратить внимание еще на одну его особенность в раннюю англосаксонскую эпоху. Короли этого времени проводили большую часть своей жизни в разъездах по подвластной им территории, собирая дань, отправляя суд и участвуя в собраниях местной знати. Вместе с королем, естественно, передвигалось и его ближайшее окружение, составлявшее его двор⁶¹. Сказанное не означает, что короли не имели своих более или менее постоянных резиденций, куда они многократно и регулярно возвращались. Такой резиденцией для королей Нортумбрии, к примеру, уже в середине VI в. был Бамбург на северо-восточном побережье нынешней Шотландии⁶², а для королей Уэссекса — Винчестер, Дорчестер и Саутгемптон⁶³.

Кроме того, подобно почти всем королевским дворам раннесредневековой Европы, англосаксонский королевский двор вырос как продолжение личного хозяйства короля⁶⁴. Еще в варварский период короли, несомненно, нуждались в людях, следивших за их оружием и одеждой,

прислуживавших на пирах и ездивших с поручениями; после принятия христианства появляются королевские духовники и хранители почитаемых реликвий. С самого раннего времени, очевидно, при королевском дворе хранилась казна, а значит, должны были существовать и ответственные за нее лица.

Однако конкретная организация центральной администрации в англосаксонских королевствах до начала правления Альфреда Великого известна нам исключительно плохо. Только в биографии Альфреда, составленной в 80-е гг. IX в. одним из его ближайших сподвижников епископом Ассером, появляются первые более или менее четкие указания на внутреннее устройство королевского двора и его участие в государственном управлении. По сообщению Ассера, Альфред не только приглашал к себе ученых людей со всей Англии и из-за рубежа, привлекая их, помимо образовательной, к государственной деятельности, но и впервые сделал службу при дворе постоянной обязанностью знати. С этой целью он разделил своих приближенных на три группы, каждая из которых должна была неотлучно находиться на службе в течение месяца, два последующих отдыхая дома. Судя по тому же источнику, исключительно большую роль при дворе Альфреда играли священнослужители, которых Ассер называет «капелланами» (*capellani*)⁶⁵. В дополнение к религиозным, они выполняли обязанности писцов, в задачу которых входило оформление королевских распоряжений, грамот, прокламаций, а также другой документации, необходимой для правительственных нужд. Несомненно также, что представители духовенства с самого начала принимали активное участие в кодифицировании англосаксонского законодательства.

На основании этих фактов вполне можно говорить о том, что уже к началу X столетия при короле существовал некий аналог его канцелярии, хотя сам термин в англосаксонский период не употреблялся. С течением времени главной функцией этого учреждения все больше становилось оформление и рассылка на места так называемых королевских предписаний (*writs*), которые в англосаксонской Англии были важнейшим инструментом управления⁶⁶.

Предписание представляло собой небольшое по объему послание, в котором указывался отправитель, чаще всего король, и получатель, обычно правительственный чиновник в той или иной местности, а также в достаточно формализованной манере излагалось существо королевского распоряжения. Чтобы удостовериться его подлинность, к нему прикладывалась королевская печать, известная англосаксам по крайней мере с конца VIII в.⁶⁷

По свидетельству Ассера, еще одним мероприятием Альфреда в области государственного управления была реорганизация королевских финансов. Все доходы королевского двора были разделены на две части, одна из которых шла на нужды Церкви, а вторая, в свою очередь, делилась на три части. Первая из них выделялась для содержания тех, кто находится на дворцовой службе, вторая шла на оплату слуг, третья предназначалась для подарков прибывающих ко двору иноземцев⁶⁸. Это разделение показывает, что уже в это время доходы короля рассматривались как нечто единое; можно предположить также, что при дворе должен был существовать специальный орган, занимавшийся королевскими финансами. Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует и необходимость сбора и уплаты дани скандинавам в IX–XI вв.

Источники королевских доходов в англосаксонский период были весьма разнообразны. Наиболее важным их элементом была уже упоминавшаяся фирма (*feorm*), первоначально представлявшая собой натуральные поставки, которые, однако, уже очень рано могли заменяться денежным эквивалентом. В дополнение короли получали дань от подвластных правителей, судебные штрафы, таможенные пошлины и пошлины от торговли, а также доходы с собственных земель. Многие англосаксонские короли были людьми весьма состоятельными, тем более что никакого различия между личными королевскими и государственными финансами еще не существовало. Так, в середине X в. король Эадред, желая избавить своих подданных от очередной уплаты «датских денег», выделил в своем завещании на эти цели баснословную сумму в 1600 фунтов, что составляло лишь часть его богатств⁶⁹.

Рассматривая становление системы центральной администрации в англосаксонский период, следует иметь в виду, что выделение специализированных органов государственного управления внутри королевского двора происходило исключительно медленно. Долгое время и «канцелярия», и «казначейство», и другие дворцовые ведомства оставались скорее личными королевскими, нежели правительственными учреждениями и их функционирование во многом зависело от личности монарха. Вплоть до конца IX столетия не существовало и сколько-нибудь разветвленной и дифференцированной чиновничьей системы, которая свидетельствовала бы о силе центрального правительства. Только в завещании Альфреда Великого содержатся некоторые намеки на различия между должностными лицами его двора, однако их соподчиненность совершенно не ясна⁷⁰. Более информативно в этом плане уже упоминавшееся завещание его внука Эадреда. Сделав распоряжения относительно даров архиепископу, епископам и элдорменам, Эадред оставляет некоторые суммы денег сенешалям, постельничим и кравчим, а также священникам, которые отвечали за его реликварий, и другим должностным лицам своего двора⁷¹. Однако и в этом случае мы лишены возможности однозначно определить их реальные функции в складывающейся системе центральной администрации.

Вторым важнейшим ее институтом был, как уже указывалось, королевский совет знати, или уитенагемот⁷². Сам этот термин (*witenagemot*) впервые встречается в англосаксонских источниках не ранее XI столетия, но нет никакого сомнения в том, что нечто, хотя бы отдаленно напоминающее собрание королевских советников, имело место в каждом из англосаксонских государств уже в VII в. Первоначально такие собрания, вероятнее всего, представляли собой не что иное, как совещания должностных лиц королевского двора, занимавшихся возникающими государственными делами. Беда Почтенный, например, отмечает, что король Кента Этельберт издал свое законодательство по совету своих уитанов (*cum consilio sapientium*)⁷³. Кодекс Уитреда, датируемый 695 г., открывается прологом, содержание которого указывает на то, что уже в это время

основной функцией королевского совета было участие в разработке и утверждении судебныхников⁷⁴, хотя с течением времени, как мы видели, воля царствующего монарха в этом отношении начинала превалировать. Эта функция оставалась наиболее важной задачей уитенагемота на протяжении всего англосаксонского периода: в конце X – начале XI в. подобным образом — т. е. на собраниях светской и духовной аристократии — принимались три кодекса Этельреда Нерешительного и судебники Кнута Великого⁷⁵.

Помимо законодательной деятельности, члены уитенагемота утверждали или, в случае необходимости, избирали короля⁷⁶ и принимали решения о войне и мире. По мере же эволюции социально-экономических структур англосаксов в сторону феодализма все большее значение стало приобретать свидетельство уитенагемотом крупных земельных пожалований и других операций с землей. Дело в том, что одной из характерных черт менталитета англосаксов, как, впрочем, и всех европейцев эпохи раннего средневековья, было представление о том, что только сделка, заключенная публично, с привлечением должного количества свидетелей является вполне законной и нерушимой⁷⁷. В связи с этим и земельные сделки, и пожалования, тем более те, в которых речь шла о десятках, а иногда и сотнях гайд, оформлялись в собрании. Даже в конце IX–XI вв., когда короли все чаще прибегали к практике единоличной раздачи земель, обычай скреплять дарственную грамоту подписями свидетелей-уитанов сохраняется: они должны были подтвердить законный характер пожалования и обеспечить получателю грамоты необходимые гарантии его неприкосновенности в будущем.

Вопрос о структуре и персональном составе англосаксонских уитенагемотов сложен и однозначного решения в настоящее время не имеет. Сохранившиеся документы (главным образом грамоты) позволяют определить, что членами советов были короли, члены королевского дома-этелинги, духовенство и светская знать. При свидетельствовании грамоты члены собрания ставят свои подписи в определенном порядке, утвердившемся согласно традиции и законодательству: сначала король, затем архиепископ и

члены королевской семьи, епископы, элдромены, аббаты, тэны и лица без титула⁷⁸. Но установить, действительно ли имел место в уитенагемоте элемент субординации, не представляется возможным: все его участники (помимо короля) одинаково именуются уитанами или соответствующими латинскими эквивалентами (*sapiens, optimas, senior, senator*)⁷⁹.

Состав совета знати, как показывает анализ источников, не оставался неизменным. В течение VII–X вв. растет его численность: если на уитенагемоте в Клофешо в 742 г. присутствовало 27 человек, то в собраниях X столетия участвовало иногда до 100 человек. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что в ранних уитенагемотах преобладало духовенство: из 27 участников собрания в Клофешо 19 лиц имели духовное звание⁸⁰. Преобладание духовенства в это время, видимо, закономерно: оно вытекало как из укоренившейся практики церковных синодов, которые зачастую были и съездами знати, так и из укрепления положения англосаксонской Церкви, получавшей растущую поддержку королевской власти. Между тем к началу IX в. в составе уитенагемотов прочно утверждается прослойка служилой аристократии — тэнов, а также растет число светской знати вообще⁸¹. Однако на протяжении англосаксонского периода своеобразное ядро уитенагемотов оставалось неизменным; видимо, в него входили приближенные короля, связанные с ним лично, члены королевской семьи и служащие королевского двора, которых всегда было легко созвать в случае необходимости⁸².

На первый взгляд полномочия королевских советов были весьма широки: от составления законов до избрания и смещения короля. Однако возникает непростая проблема действительности уитенагемотов, а также степени ограничения ими королевской власти. Пока однозначный ответ на вопрос, какова была реальная роль уитенагемотов при рассмотрении конкретных дел, судя по всему, невозможен. В отдельные периоды англосаксонской истории его роль, очевидно, менялась, но при этом он сохранял свое значение как важный государственно-политический орган, активно влиявший на основные направления государственной политики⁸³.

Рост значения королевской власти и центральной администрации составлял одну из важнейших сторон государственно-политического развития англосаксонского периода. Другой не менее важной стороной этого развития было формирование и укрепление органов публичной власти на местном уровне, связанных с появлением территориальных властных структур и должностных лиц местной администрации, к которым по мере развития раннеклассовых отношений у англосаксов переходят функции родоплеменного самоуправления.

Основные принципы системы местного управления, сложившиеся в англосаксонских государствах, наиболее отчетливо проявляют себя не ранее второй половины IX столетия. Именно в это время в Уэссексе создается сеть территориальных округов — шайров, во главе с королевскими чиновниками; шайры, в свою очередь, делились на более мелкие административные единицы — сотни⁸⁴. Впервые само понятие «шайр» (от древнеангл. *scir*) зафиксировано в законодательстве Инэ, где содержится титул, устанавливающий в качестве одного из наказаний для элдормена, преступившего закон, потерю им своего шайра⁸⁵. Этот титул мог бы быть использован как подтверждение того, что уже в конце VII столетия по крайней мере Уэссекс был поделен на некие административные единицы. Но дело в том, что в древнеанглийском языке слово *scir* нередко употребляется в значении «должность», «пост», — к примеру, «должность» аббата, епископа или управляющего⁸⁶. С этой точки зрения, категорически утверждать, что в судебнике Инэ речь идет именно о шайре в политико-административном смысле, невозможно. Видимо, только применительно ко второй половине IX в. можно предположительно говорить о том, что шайры становятся региональными единицами управления. Так, в 802 г. жители будущего графства Уилтшир определялись в «Англосаксонской хронике» еще как «люди, живущие на реке Уайл», а в 870 г. уже как «жители шайра Уилтон».⁸⁷

Основным органом местного управления являлся совет шайра, который должен был собираться не реже двух раз в год, решая вопросы налогообложения, военной

службы и рассматривая судебные дела и тяжбы, выходящие за пределы низшей судебной инстанции — собрания сотни⁸⁸. В этом последнем принимали участие (которое, как уже отмечалось, считалось правом-обязанностью всех свободных англосаксов) представители общин, входящих в сотню, католического клира, местной аристократии, а затем и специальные должностные лица короля⁸⁹. Серьезное влияние на деятельность местных собраний оказывало духовенство. Приходские священники в собрании сотни, епископы и аббаты в шайре не только следили за соблюдением мирянами «церковных законов» и контролировали сбор церковных податей, но и активно вмешивались в решение наиболее важных светских вопросов⁹⁰. Первоначально под руководством выборного «сотенного» (*hundred ealdor*), а впоследствии королевского чиновника собрание сотни занималось широким кругом местных проблем — судопроизводством, вопросами местного управления, обеспечением мира на своей территории, гражданскими тяжбами⁹¹.

Точно так же, как и в случае с центральной администрацией, управленческие функции собраний сотен и шайров были весьма расплывчаты и не расчленены по отраслям. Вместе с тем не вызывает сомнения то, что по мере укрепления королевской власти она, в лице короля или его агентов, должна была осуществлять все более действенный контроль за состоянием дел на местах. Более того, изучая законодательные памятники X в., нельзя не прийти к выводу, что корона в это время в известной мере покровительствовала сотенным собраниям и предпринимала меры, направленные на активизацию их деятельности⁹². Так, в середине этого столетия появляется первый специальный сборник законоположений о сотне, изданный королем Эдгаром, в которых сотня выступает прежде всего как полицейская организация, обращенная на борьбу с посягательствами на чужую собственность⁹³. Сходный характер носят и некоторые титулы законодательства Кнута Великого, которые развивают и отчасти ужесточают существующие положения о сотенных собраниях. Согласно предписаниям второго сборника Кнута, все совершеннолетние свободные

должны были быть зачислены в сотню (*hundred*) или в десяток (*teothunge*), если, как говорит источник, «они хотя бы имеют возможность очищать себя присягой и иметь право на вергельд»; человек, не вступивший в сотню, фактически лишался прав свободного. Все члены сотни обязаны были посещать ее судебные собрания под угрозой выплаты штрафа королю в случае неповиновения⁹⁴. Одновременно один из судебных Этельстана фиксирует «своеволие могущественных домов», которые препятствуют нормальному осуществлению правосудия, укрывая своих членов от преследования со стороны закона. Более поздние юридические памятники также отмечают нарушения аристократией порядка судебной процедуры, что заставляет законодателей включать в кодексы предписания против самоуправства знати в сотенных собраниях⁹⁵. Подобное отношение королевской власти к региональным органам управления и судопроизводства объясняется, по-видимому, не только ее стремлением полнее использовать их как орудие политического подчинения кэрлов, но и попытками создать определенный противовес растущим амбициям феодализирующейся верхушки общества и сгладить конфликты, возникающие вследствие злоупотреблений аристократии в местных собраниях.

Следующим важным моментом местной административной истории Англии в X–XI вв. было постепенное распространение принятой в Уэссексе системы шайров на остальную территорию страны. К моменту вступления на престол Кнута Великого вся Англия, за исключением некоторых регионов Восточной Англии, Кента и Эссекса, была поделена на шайры, которые, в свою очередь, делились на более мелкие структурные элементы — уже упоминавшиеся сотни и так называемые «округа» (*wapentac*), получившие распространение главным образом в бывшей Области датского права⁹⁶.

Вполне возможно, что уже с самого начала возникновения региональной административной системы королевской власти понадобились свои представители на местах. В раннесредневековой Англии имелось два типа королевских служащих, осуществлявших власть на этом уровне, —

уже неоднократно упоминавшийся элдормен (*ealdorman*) и герефа (*gerefa*).

По единодушному мнению исследователей, элдорменом чаще всего был представитель высшего слоя знати⁹⁷, зачастую член королевской фамилии, хотя иногда им мог оказаться и выходец из низов. В «Англосаксонской хронике» под 851 г. упоминается, например, элдормен Девоншира по имени Кэрл⁹⁸, что может служить указанием на его происхождение из среды простых общинников. Законодательство защищало элдорменов чрезвычайно большим вергельдом, который был в четыре раза выше, чем вергельд тэна, причем половину возмещения составляла сумма, относящаяся, по-видимому, к должности⁹⁹. Несмотря на то, что пост элдормена не был наследственным, многие знатные дома сохраняли его за собой в течение нескольких поколений, — по крайней мере в XI столетии семьи Годвина и Леофрика предъявляли наследственные претензии на должности, соответственно, элдорменов Уэссекса и Мерсии. Обычно под началом элдормена находился один шайр, но к концу X в. распространяется практика объединения, позволившая вручать в управление одному элдормену огромные территории, например целиком Нортумбрию или Восточную Англию¹⁰⁰. Уже в VII–IX столетиях элдормены обладали широким кругом должностных обязанностей на местном уровне. Они были предводителями вооруженных сил своего шайра, обладали полицейской властью (должны были содействовать поимке вора), осуществляли надзор за передвижением населения из одной области в другую и были наделены судебными полномочиями (перед ним можно было ходатайствовать за обвиняемого). Возглавляя совет шайра, элдормен имел возможность влиять на принятие решений, касающихся важнейших вопросов его внутренней жизни¹⁰¹. Сохранившиеся сведения источников не позволяют вполне определенно говорить о том, каким образом совершилось превращение представителей старой родовой аристократии в королевских чиновников-элдорменов. Более очевиден другой процесс, давший о себе знать к концу англосаксонского периода. К середине X в. термин «элдормен» начинает все чаще уступать место в

документах скандинавскому титулу «эрл» (*eorl*), обозначающему уже не столько королевского служащего, сколько могущественного земельного магната, нередко находящегося в конфронтации с центром¹⁰².

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом о роли другой фигуры местного управления — герефы. Являлся ли он выборным представителем местного населения или королевским агентом, каков был объем его полномочий и социальный статус — все эти проблемы вызывают противоречивые суждения в специальной литературе¹⁰³. Сведения о герефах, встречающиеся в ранних источниках, действительно предельно скупы, но первоначально, по всей видимости, они представляли собой выходцев из королевских министерялов, управлявших королевскими землями. В пользу такого предположения свидетельствует параллельное употребление в документах терминов «герефа» и «министерял» (*minister*), а также упоминания об управляющих в числе лиц, получивших пожалование в бокленд, которое, возможно, было вознаграждением за службу¹⁰⁴. Но уже в IX в. они принадлежали к среднему слою местной знати — тэнам — и защищались равным с ними вергельдом¹⁰⁵, да и сама их должность претерпела известную эволюцию, связанную прежде всего с резким расширением их государственно-административных прерогатив. Основной их властной функцией в пределах сотни с этого времени вплоть до конца англосаксонской эпохи становится осуществление контроля за соблюдением порядка и закона на вверенной ему территории. В одном из постановлений короля Этельстана, в частности, эта задача гереф (наряду с епископами, элдорменами и тэнами) подчеркивается специально, причем, если эти обязанности нерадиво исполняли элдормен или тэн, они выплачивали штраф, а герефа к тому же лишался и своей должности¹⁰⁶. Полицейские функции герефы, осуществлявшиеся им в сотенном собрании, были разнообразны: он надзирал за преступником, заключенным в тюрьму в королевском бурге, возглавлял местное население при задержании подозреваемого в краже и разыскании похищенного имущества. Он имел и значительные судебные полномочия, причем круг исков, ему

подконтрольных, постоянно расширялся, включая даже земельные тяжбы¹⁰⁷. Начиная с VII в., королевская власть возлагает на герефу надзор за законностью торговли и деятельностью купцов¹⁰⁸, а в X столетии появляются герефы, управляющие всей торгово-ремесленной деятельностью в городах (*portgerefa*, *wicgerefa*). Они не только свидетельствуют куплю-продажу и следят за соблюдением правил торговли, но и отвечают за своевременное поступление королю таможенных пошлин и сборов, судебных штрафов и даже церковной десятины¹⁰⁹. Примерно в это же время с развитием института шайров и укрупнением административных единиц, находящихся в подчинении элдорменов, герефы становятся его представителями в отдельных графствах — шайргерефами или шерифами, что сильно укрепляет их властные полномочия¹¹⁰.

Вместе с тем с развитием процессов феодализации права региональной администрации постепенно начинают ущемляться и поглощаться складывающейся системой вотчинного управления. Одновременно феодализирующаяся знать оказывает все более существенное воздействие на местные органы власти, захватывая в них ключевые позиции, что не могло не способствовать развитию тенденций сепаратизма. В своих попытках противодействовать этому англосаксонские короли X–XI вв., как мы видели, стремились опереться на местные органы власти, оказывая им, особенно судебным, всяческое содействие. Эта борьба за влияние на региональную администрацию между королевской властью и возвышающимся слоем феодалов продолжалась вплоть до Нормандского завоевания, после которого наступил новый этап в эволюции системы местного управления Англии.

Еще одним важным элементом государственно-политических институтов англосаксонского периода были законодательство и развитая судебная система, выросшие из обычно-правовых установлений варварской эпохи, которые были модифицированы и формализованы воздействием христианской правовой доктрины. Более того, некоторые исследователи полагают, что само писаное право англосаксов обязано своим возникновением христианскому

влиянию, которое отчетливо проявило себя уже в судебнике Этельберта, оформленном в начале VII столетия¹¹¹. Мы уже имели возможность заметить, что эта точка зрения не вполне адекватно отражает реальное положение дел с первоначальной кодификацией кентского обычного права, хотя появление в законах Этельберта титулов, направленных на защиту материальных интересов Церкви¹¹², может свидетельствовать об определенном изменении традиционных юридических представлений англосаксов.

Последующие англосаксонские короли, от Уитреда и Альфреда Великого до Кнута и Эдуарда Исповедника, издавали собственные законодательные сборники, которые либо дополняли, либо модернизировали кодекс Этельберта. И все же, несмотря на то что до нас дошел весьма значительный корпус писаного англосаксонского законодательства, он не составляет единого целого. Кроме того, следует иметь в виду, что огромный массив обычно-правовых норм продолжал передаваться устно и при этом сильно различался в отдельных частях Англии. По крайней мере нормандские легисты, предпринявшие в XII столетии попытку его кодификации, выделили три обычно-правовые традиции, характерные, соответственно, для Уэссекса, Мерсии и Области датского права¹¹³; но и они не охватывали всего разнообразия местных юридических обычаев, которые могли существенно расходиться с «общенациональным» законодательством. Таким образом, правовые установления англосаксов были весьма противоречивы и, по сути дела, не образовывали стройной системы, представляя собой достаточно аморфное сочетание королевских судебныхников, частных юридических актов и прочно укоренившегося в сознании населения традиционного обычая.

На протяжении всего раннего средневековья основным судебным органом англосаксов оставалось то собрание, которое источники несколько неотчетливо именуют «фолксмотом» (*folcgetot, folcmoot*) и которое вплоть до X столетия не имело над собой никакой более высокой инстанции: тяжбы, не решенные в фолксмоте, передавались на рассмотрение непосредственно королю¹¹⁴. В X в., по-видимому в результате административной реорганизации, пред-

принятой королями уэссекской династии, такими органами стали собрания сотен, собиравшиеся на судебные заседания не реже раза в месяц¹¹⁵. Судя по одному из законов Кнута, который запрещает самосуд, пока человеку трижды не отказано «в справедливости» в сотенном собрании и один раз в собрании шайра¹¹⁶, его фолксмот считался следующей судебной инстанцией и заседал по крайней мере два раза в год¹¹⁷. В середине того же X в. в законодательстве встречается упоминание о судебных собраниях в городах, которые заседали три раза в год¹¹⁸. И те, и другие, и третьи, как мы уже знаем, помимо судебных выполняли и другие государственно-административные функции, но главным в их деятельности, скорее всего, было все же отправление правосудия.

Процесс судебного разбирательства и судопроизводства у англосаксов был чрезвычайно формализован и подчинялся строгому ритуалу: малейшее отступление от него могло сделать недействительным всю судебную процедуру и, самое главное, приговор. Истец обязан был сам призвать ответчика к суду¹¹⁹; если последний не появлялся в заседании после оговоренного законом числа вызовов, подтвержденных должным количеством свидетелей, он проигрывал дело. После этого он оказывался вне закона (буквально — «носил волчью голову») и мог быть безнаказанно убит любым законопослушным человеком. Прощение «волчьей голове» имел право даровать только король¹²⁰. Слушание дела начиналось с принесения сторонами очистительной присяги. Истец клялся в том, что он действует не под влиянием ненависти и злобы, а лишь хочет добиться правосудия. Ответчик, в свою очередь, имел возможность поклясться в своей невинности, выставив соответствующее тяжести обвинения количество соприсяжников, причем ему предоставлялась тридцатидневная отсрочка для их сбора.¹²¹ От соприсяжников не требовалось быть свидетелями защиты — их функция заключалась только в том, чтобы подтвердить истинность клятвы ответчика. Если подозреваемый был в состоянии представить необходимое число соприсяжников, подтверждавших его невинность, дело считалось законченным, а обвиняемый — чистым перед

законом, поскольку англосаксонская юриспруденция исходила из принципа, что «отрицание всегда сильнее обвинения»¹²². Правда, нередко были случаи, когда ответчику не разрешалось воспользоваться очистительной присягой; так поступали с человеком, захваченным на месте преступления, а также с тем, кого неоднократно обвиняли в том или ином правонарушении¹²³. В таких ситуациях клятва, данная истцом и его соприсяжниками, рассматривалась как истинная и он выигрывал дело.

Если ответчик имел возможность, но в силу каких-то обстоятельств не смог поклясться в своей невиновности, он обычно подвергался ордалии, или «Божьему суду», который организовывался Церковью. Ордалии предшествовал трехдневный пост и церковная служба, во время которой обвиняемый имел возможность исповедаться в своем преступлении.¹²⁴ У англосаксов бытовало три основных вида «Божьего суда», причем право выбора конкретной ордалии для обвиняемого принадлежало истцу¹²⁵. В случае ордалии холодной водой обвиняемому давали выпить «святой» воды, а затем бросали в водоем, поскольку считалось, что Господь позволит невиновному начать тонуть, а виновного вытолкнет из воды¹²⁶. Таким образом, те, кто умел плавать, заведомо проигрывали! Другие формы «Божьего суда» имели место внутри храмов, и пока шли приготовления, каждая из тяжущихся сторон была представлена равным количеством людей, с тем чтобы избежать какой-либо подтасовки. В ходе ордалии железом обвиняемый должен был пронести раскаленный железный брусок на расстояние в 9 футов (около 3 метров), а в случае испытания котелком достать из кипящей воды лежащий там камень. Затем рука предполагаемого преступника завязывалась, и если через три дня она заживала, он считался очищенным от обвинения¹²⁷. При выдвижении наиболее тяжелых исков человек должен был пройти так называемую «тройную ордалию», т. е. вес раскаленного железа увеличивался с одного до трех фунтов или руку следовало засунуть в котелок не по запястье, а по локоть¹²⁸.

Наиболее распространенным видом правонарушений у англосаксов, по-видимому, было воровство, особенно

кража скота. Во всяком случае, такое впечатление создается при знакомстве с любым судебником англосаксонского периода, скрупулезно перечисляющим санкции за кражу крупного, мелкого рогатого скота и птицы. Кодексы также четко оговаривают процедуру купли-продажи скота, с тем чтобы затруднить сбыт похищенного и, напротив, способствовать возвращению украденного имущества законному владельцу¹²⁹. Борьба с кражами скота особенно активно велась в царствование короля Этельстана¹³⁰, что позволило его преемнику Эдмунду гордо заявить: «Я благодарю Господа и всех тех, кто помог мне избавить страну от воров»¹³¹.

Вместе с тем некоторые составы преступлений, такие как вторжение в жилище, явное воровство, преднамеренное убийство, предательство своего господина, по англосаксонскому законодательству не могли быть выкуплены компенсацией и обычно карались смертью и конфискацией имущества. В большинстве же остальных случаев приговоренный к смертной казни имел возможность избежать ее уплатой суммы денег, равной собственному вергельду¹³². Вообще денежные выплаты (компенсации потерпевшей стороне, штрафы в пользу короля) были, наверное, самой распространенной формой правовой ответственности англосаксов. Все суммы штрафов и компенсаций увеличивались, если преступление было совершено в Великий пост, в храме, в доме короля или в военном походе¹³³; более сурово карались также нападения на участников собраний шайров и сотен и нарушение королевского мира¹³⁴.

К рубежу раннего и зрелого средневековья англосаксонская государственность прошла весьма длительный и достаточно противоречивый путь развития. Как и в случае с эволюцией социальной структуры, эти замедленность и противоречивость, как представляется, вытекали из чрезвычайной многоукладности сформировавшегося в Англии раннеклассового общества, в котором тенденции феодализации к середине XI столетия еще не победили окончательно. С одной стороны, к концу англосаксонского периода происходит значительное укрепление статуса и основных административных прерогатив королевской власти,

а также важнейших государственных институтов, включая центральные и местные органы власти; складывается разветвленная и действенная судебная система, направленная на защиту формирующегося феодального слоя. Однако, с другой стороны, незавершенность процессов складывания феодального землевладения и основных социальных страт феодального общества привела к тому, что оформляющаяся раннефеодальная государственность также имела некоторые черты незавершенности. К важнейшим из них, видимо, следует отнести известную консервацию непосредственной связи основной массы населения с королевской властью, которая, несмотря на отдельные попытки раннефеодальной знати продемонстрировать свои политические возможности, до конца англосаксонского периода продолжала концентрировать в своих руках основные нити государственного управления. В этом же ряду стоит и ее политика в отношении региональных органов власти, объективно приведшая к сохранению значения собраний сотен и шайров как важных политических органов, до известной степени служивших балансом растущим притязаниям новой земельной аристократии. Только с Нормандским завоеванием в государственно-политическом развитии Англии наступает новый этап, связанный с постепенным ее превращением в феодальную монархию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За шестьсот лет, прошедших с момента высадки ютов Хенгеста и Хорсы на побережье будущего Кента до битвы при Гастингсе, в облике страны произошли радикальные изменения, превратившие римскую провинцию Британия в королевство Англия.

Пожалуй, наиболее впечатляющим переменам подверглась окружающая человека природная среда. Несмотря на градостроительную активность и разветвленную дорожную сеть, ландшафт римской Британии, даже на самом романизованном юге острова, определяли обширные леса, пустоши и болота. Широкое наступление, предпринятое на них англосаксами, привело к тому, что к середине XI столетия площадь обрабатываемых земель была лишь немногим меньше, чем в начале XX в. Хотя по современным меркам многие регионы Англии оставались малонаселенными, редко кто из ее обитателей жил дальше, чем в полудне пешего пути от своих соседей. В хозяйственно-экономическом смысле страна стала достаточно освоенной и богатой, что подтверждают огромные и все возрастающие суммы, выплачивавшиеся скандинавским викингам, а также ее способность выдерживать тяжесть регулярного налогообложения¹. Один из биографов Вильгельма Завоевателя поражался богатству Англии, подчеркивая, что, если бы греки или сарацины сказочно роскошного Востока видели ее сокровища (среди них он называл исключительное плодородие земель и обилие драгоценных металлов), они были бы изумлены и восхищены не меньше его самого².

Подобного рода свидетельства тем более удивительны, если мы примем во внимание, что раннесредневековой

Англии досталось значительно более скудное римское наследство, нежели континентальной Европе. Если вестготы или франки, например, расселяясь в бывших провинциях Западной Римской империи, могли широко заимствовать многие важные черты античных традиций, то англосаксы такой возможностью не обладали. Позднеримские элементы в ранний англосаксонский период, видимо, были более слабы, чем влияние архаических элементов местного кельтского общества и варварских обычаев самих германцев. Это не означает, конечно, что мы должны полностью исключать какое бы то ни было воздействие римских социально-экономических, политических и идеологических институтов на формирование общественного строя Англии V–XI вв., но что оно было существенно слабее, чем во всех других раннесредневековых королевствах, возникших на развалинах Рима, вряд ли подлежит сомнению.

Так называемое «англосаксонское завоевание» представляло собой одну из многочисленных волн Великого переселения народов и по своему характеру принципиально не отличалось от аналогичных военно-колониционных миграций других германских народностей. Англосаксы прибывали в Британию в течение III–VI столетий, частью в качестве федератов, приглашенных имперской администрацией, частью с целью грабежа, частью в поисках лучших земель для поселения и ведения хозяйства. Несмотря на определенные племенные различия между отдельными группами первопоселенцев, между ними было немало общего. Учитывая диалектные особенности, они говорили на одном языке; их материальная культура в целом была единой; они верили в одних и тех же богов, возводя к Одину основателей своих королевских династий. Наконец, их политические учреждения и социальная организация, насколько мы в состоянии судить, также были однотипны и находились на последней ступени развития родоплеменных отношений.

Переселение в Британию и ее последующая колонизация, несомненно, способствовали значительному ускорению общественного прогресса англосаксов. На смену большому числу сравнительно мелких протогосударств

периода переселения в VII столетии приходят раннеклассовые королевства эпохи гептархии, самыми сильными из которых в конце концов оказались Нортумбрия, Мерсия и Уэссекс. К этому же времени большинство англосаксов, пусть и формально, приняли крещение, хотя сохраняющиеся остатки прежних языческих культов и противоречия с бритто-ирландской ветвью христианства осложняли положение складывающейся религиозно-церковной организации. Тем не менее еще до того, как она полностью сформировалась, англосаксонские миссионеры активно включились в евангелизацию своих континентальных сородичей; многие из этих миссионеров внесли серьезный вклад в становление основных компонентов раннесредневековой европейской культуры и образованности.

Характерной особенностью общественного строя англосаксов VII–VIII вв., независимо от различий между социальными структурами отдельных королевств, была необыкновенная пестрота формально-правовых градаций населения, отнюдь не исчерпывавшаяся традиционным для германцев делением на знать, рядовых свободных, полузависимых и рабов. Каждая из них, в свою очередь, подразделялась на свои внутренние категории и ранги, связанные с тем местом, которое они занимали в формирующемся социуме, вышедшем из первобытности и находящемся в переходном состоянии. Исключительная многоукладность этого социума, содержащая элементы разлагающихся родоплеменных и зарождающихся раннефеодальных отношений, осложнялась наличием широкой прослойки людей несвободного статуса, возникшей не только как следствие англосаксонского завоевания Британии, но и как продолжение традиций варварского прошлого. Уже в это время англосаксы, несомненно, были хорошо знакомы с далеко зашедшей социальной стратификацией и отношениями господства и подчинения, которые все больше и больше размывали былое общественное равенство. Основными формами эксплуатации зависимых категорий населения в это время были кормления и данничество, во многом напоминавшие аналогичные способы присвоения прибавочного продукта в других примитивных обществах. Однако в

среде англосаксов уже наметилась и получила развитие внутренняя дифференциация свободных, отдельные ряды которых занимали весьма различное положение в складывающихся классовых отношениях.

Главной же составляющей англосаксонского общества в первый период раннего средневековья являлись полноправные общинники-кэрлы, которые не только были важнейшей производительной силой общества, но и играли серьезную роль в его социально-политической жизни. Родовая и выделившаяся служилая знать еще не сумели сколько-нибудь полно подчинить их своему контролю; если и можно говорить об их реальной подвластности кому бы то ни было, то только королевской власти. Аристократия еще не превратилась в земельных магнатов, а непосредственные производители разнообразных разрядов — в феодально-зависимых крестьян. Безусловно, имевшие место различия внутри массы свободных выражались прежде всего в наиболее интенсивном использовании знатью тех прав, которые по-прежнему принадлежали всем не находящимся в зависимости членам общества. В целом вплоть до IX столетия ни один из трех выделенных социально-экономических укладов еще не одержал решающих успехов: англосаксы находились, очевидно, на стадии сложившегося раннеклассового общества.

Отчетливой гранью в общественно-политическом развитии англосаксов стал IX в., к концу которого определилась победа тенденций феодализации в ближайшем будущем. Тому было несколько причин. В середине этого столетия произошло более или менее прочное объединение отдельных англосаксонских государств под скипетром уэссекской династии. Необходимость отпора скандинавской экспансии привела к существенному укреплению позиций королевской власти, все больше приобретающей публично-государственный характер. Отдельные ведомства королевского двора наделяются административными функциями, растет значение должностных лиц короны. Существенным звеном системы управления как в центре, так и на местах становится англосаксонская Церковь, превратившаяся в крепкий социально-идеологический институт,

оказывающий решающее воздействие на духовную жизнь общества. Королевская власть начинает осуществлять действенный контроль над социально-экономическим и политическим развитием государства, в состав которого к XI в. окончательно инкорпорируются те его регионы, которые прежде находились в руках скандинавов. Возникает само понятие «Англия».

Одновременно значительно ускоряется трансформация господствующего слоя предшествующего периода в феодалов-землевладельцев. Важнейшую роль в этом смысле, судя по всему, сыграла известная еще с VII в., но укрепившаяся именно в это время практика предоставления светской и духовной аристократии королевских пожалований в бокленд. Создавая потенциальную возможность феодального освоения полученной земли и подчинения сидевшего на ней населения независимо от его формально-юридического статуса, указанная практика к X столетию привела к началу формированию англосаксонского варианта ранне-средневековой вотчины — манора. К концу англосаксонского периода значительная часть некогда свободных и полноправных общинников-кэрлов втягивается в орбиту феодальной эксплуатации. Немаловажно и то, что к середине XI в. различия между отдельными группами непосредственных сельских производителей постепенно стираются. Начинается формирование единой по своей социально-экономической сущности массы феодально-зависимого крестьянства.

Развивающаяся тенденция феодализации, однако, к концу англосаксонской эпохи не смогла полностью и окончательно перестроить общественные структуры. Вплоть до Нормандского завоевания основной социально-юридической оппозицией англосаксонского социума продолжало оставаться противопоставление «свободный — раб», а не размежевание на феодалов и эксплуатируемых ими зависимых крестьян. Общественные отношения продолжали содержать в себе многие черты переходности. Широкое применение труда полусвободных и значительная роль рабства, сохранение чрезвычайно устойчивых элементов родоплеменного строя свидетельствовали об определенной

незавершенности феодальной системы на английской почве. Думается, что к середине XI столетия общественный строй англосаксов достиг уровня, типичного для этапа раннего феодализма.

...В 1042 г., после воцарения Эдуарда Исповедника, вряд ли кто из его подданных, будь то англосаксы или датчане, способен был поверить в то, что через каких-нибудь двадцать пять лет Англия будет завоевана герцогом Нормандии. Четырнадцатого октября 1066 г., однако, в ее исторических судьбах наступила новая, англо-нормандская эпоха, в течение которой общественно-политическое развитие «туманного Альбиона» быстро приблизилось к тому типу социальных отношений, который доминировал в остальных регионах Западной Европы.

**АНГЛОСАКСОНСКИЕ ВЛАСТИТЕЛИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(СЕРЕДИНА V — СЕРЕДИНА XI В.)**

Нижеследующие росписи англосаксонских властителей представляют собой первую в отечественной литературе попытку составить основную последовательность правителей всех известных англосаксонских территориально-политических структур периода раннего средневековья (V – середина XI в.). Эта попытка, разумеется, носит ограниченный характер как в силу самого формата имеющихся генеалогических материалов, так и в связи с их невысокой хронологической надежностью и сложностью точной интерпретации¹. Правители семи главных англосаксонских королевств (т. н. «гептархия») представлены отдельными списками; властители более мелких образований (частей королевств) или отдельных племенных групп помещены в тех разделах этих списков, которые хронологически и институционально с ними связаны. Так, в рамках «ютского» королевства Кент выделены правители западного и восточного Кента; в королевстве Нортумбрия — владыки ее составных частей — Берниции и Дейры; за списком королей Мерсии следует перечень властителей тех некогда самостоятельных племенных групп, которые затем вошли в ее состав; список королей Уэссекса продолжается перечнями правителей «королевства англосаксов» и королей единого английского государства. В целом росписи составлены таким образом, чтобы не только дать российскому читателю представление о последовательности трансляции королевской власти у англосаксов, но и, хотя бы схематично, обозначить ключевые линии их политического развития в раннее средневековье.

Давая возможность установить некоторые важные моменты общеполитической истории, росписи англосаксонских правителей, одновременно, вполне наглядно демонстрируют особенности «региональных королевств». Очевидно, например, что в каждом из них действовали во многом несхожие системы политической организации общества и, в связи с этим, существовали весьма различные принципы престолонаследия². Некоторые из перечисленных властителей время от времени усиливались настолько, что распространяли свою власть далеко за пределы собственного государства и устанавливали господство над другими королевствами или племенными группами. Но при этом характер этого господства, так же как и в случае с отдельными королевствами, сильно различался в зависимости от конкретной региональной ситуации³. Немалую роль в динамике взаимоотношений правителей англосаксов сыграли династические браки и иные формы межличных связей (заложничество, отдача на воспитание, квазирелигиозное родство)⁴, которые зачастую определяли или кардинальным образом меняли сложившиеся традиции наследования трона.

Основная тенденция политической эволюции англосаксонских королевств, однако, оставалась неизменной: от разрозненных, племенных еще в своей основе объединений VI–VII столетий к формированию к середине X в. единого государства англосаксов. Одним из движущих стимулов этой тенденции, несомненно, было стремление целого ряда англосаксонских властителей наполнить реальным политическим содержанием то культурно-религиозное единство «английского народа» (*Gens Anglorum*), которое было впервые зафиксировано Бедой Почтенным в 30-х гг. VIII в.⁵ Более того, можно предполагать, что на формирование такого единства серьезное влияние должно было оказать еще более древнее, идущее от римских времен представление о целостности всей Британии, как политического организма, обнимающего все население острова и нашедшего выражение в титуле «бретвальда» (*bretwalda, bretenwaelda*), время от времени присваивавшемся наиболее удачливым англосаксонским правителям.

Заканчивая в 731 г. свою «Церковную историю народа англов», Беда Почтенный утверждал, что королевские дома большинства англосаксонских королевств ведут свое происхождение от скандинавского бога Одина⁶. Восходящие к нему генеалогии англосаксонских властителей сохранились для королевских родов Дейры, Берниции, Мерсии, Линдсея, Кента, Восточной Англии и Уэссекса; бог-эпоним саксов, Сакснот, стал источником династии правителей Эссекса. Следует иметь в виду, что жанр королевских генеалогий у англосаксов, истоки которого обнаруживаются в несохранившихся норумбрийских и мерсийских хрониках начала VIII в., никогда не имел своей целью «фактической» фиксации исторической памяти. Он, скорее, представлял собой основательно мифологизированное отражение этой памяти, направленное на утверждение легитимности царствующего короля и его рода, что, принимая во внимание известную неопределенность существовавших в это время принципов престолонаследия, иногда могло сыграть решающую роль в обосновании прав на трон. Отсюда — частые манипуляции с родословиями, которые изменялись с изменением политической конъюнктуры. Так, в конце VII, или в самом начале VIII столетия, на генеалогическое древо правителей Уэссекса были привиты верхние уровни родословной конунгов северного королевства Берниция; одновременно с этим место Сакснота занял английский Один. Тщательное сравнение различных списков относящихся к концу IX в. генеалогий уэссекской династии демонстрирует их искусное приспособление к требованиям текущего политического момента. Тем не менее генеалогии являются самым ценным источником для восстановления порядка престолонаследия в англосаксонских королевствах⁷.

Не менее важную роль при составлении росписей сыграли перечни королей (*regnal lists*), в которых закреплена традиционная последовательность смены королей с одновременной фиксацией лет соответствующего правления. Такие перечни сохранились для Мерсии, Нортумбрии и Уэссекса⁸. В отдельных случаях для уточнения хронологических рамок правлений приходилось обращаться к актовому материалу⁹, а также к данным нумизматики¹⁰.

В заключение составитель считает своей приятной обязанностью высказать искреннюю признательность А. П. Черныху, чьи советы, замечания, консультации и практическая помощь способствовали появлению этой публикации.

I. КЕНТ

«Кентцы и обитатели острова Уайт происходят от ютов»¹¹.

Хенгест (<i>Hengest</i>) ¹²	— 455–488
Эск (<i>Aesc, alias Oeric, Oisc</i>), сын Хенгеста	— 488–512
Окта (<i>Octa</i>), сын Хенгеста	— 512–540
Эорменрик (<i>Eormenric</i>), сын Окты	— 540–560
Этельберт I (<i>Æpelberht</i>), ¹³ сын Эорменрика	— 560–616
Эадбальд (<i>Eadbald</i>), сын Этельберта	— 616–640
Эаценберт (<i>Earconberht</i>), племянник Эадбальда	— 640–664
Эгберт I (<i>Ecgberht</i>)	— 664–673
Хлотарь (<i>Hlothhere</i>)	— 673–685
Эдрик (<i>Eadric</i>), племянник Хлотаря	— 685–686

После смерти Эдрика в августе 686 г. на Кент, по сообщению Беды Почтенного, обрушились «неисчислимые бедствия»: его территорию разорjali иноземцы, а на его престол один за другим претендовали узурпаторы и правители других англосаксонских королевств¹⁴. Среди них источники упоминают Кэadwalлу и Мула из Уэссекса¹⁵, узурпатора Освина (*Oswine*)¹⁶, а также Свефхарда (*Swæfheard*)¹⁷ и Свеберта (*Sweaberth*)¹⁸ из Эссекса.

Уитред (*Wihtræd*), брат Освина — 690–725

После смерти Уитреда в 725 г.¹⁹ Кент, очевидно, был разделен на две части. Старший сын Уитреда, Этельберт, стал королем Восточного Кента (с центром в Кентербери), второй сын, Эадберт — королем Западного Кента (с центром в Рочестере).

Восточный Кент

Этельберт II (<i>Æpelberht</i>), сын Уитреда	— 725–762 ²⁰
Эадберт II (<i>Eadberht</i>)	— 762–764
Эанмунд (<i>Eanmund</i>)	— 764–765
Хеаберт (<i>Heahberht</i>)	— 765–?

Западный Кент

Эадберт I (<i>Eadberht</i>), сын Уитреда	— 725–748 ²¹
Эардвильф (<i>Eardwulf</i>)	— 748–762
Сигеред (<i>Sigered</i>)	— 762–764
Эгберт II (<i>Ecgbert</i>)	— 764–765

Во второй четверти VIII столетия король мерсийцев Этельвальд (716–757) сумел расширить сферу своего влияния на Кент. Еще более укрепились здесь позиции Мерсии в середине 760-х гг., когда в начале правления короля Оффы (757–796), властители Кента оказались на положении вице-королей (*subregulus*). Лишь в 776 г., после битвы при Отфорде, кентцы восстановили свою независимость и вновь объединили королевство²².

Эгберт II (<i>Ecgbert</i>)	— 776–779
Эалмунд (<i>Ealhmund</i>)	— 779–784

В 784 г. король Оффа вновь установил прямой контроль Мерсии над Кентом²³, сохранявшийся вплоть до его смерти.

Эадберт II (<i>Eadberht Præn</i>)	— 796–798
--	-----------

В 798 г. король мерсийцев Кенвильф (796–821) в очередной раз присоединил Кент к Мерсии и посадил на престол своего брата Кутреда²⁴.

Кутред (<i>Cuthred</i>)	— 798–807
----------------------------------	-----------

В 807–821 гг. Кент вновь находился под непосредственным управлением короля Мерсии Кенвильфа.

Бальдред (*Baldred*), сын Кутреда — 821–825

В 825 г. король Уэссекса Эгберт (802–839) изгнал Бальдред²⁵. С тех пор Кент находился под властью правителей западных саксов и делами там распоряжались уэссекские вице-короли, которыми были сыновья или братья правящего короля Уэссекса.

Этельвульф (*Æthelwulf*), сын Эгберта — 825–839

Этельстан (*Æthelstan*), сын Этельвульфа — 839–851

Этельберт (*Æthelberht*), сын Этельвульфа — 851–860

В 860 г. Кент окончательно был инкорпорирован состав Уэссекса, а затем и Англии.

Эрлы Кента

Годвин (*Godwin*) — 1020–1053

Леофвин (*Leofwin Godwinson*),
сын эрла Кента и Уэссекса Годвина — 1053–1066

II. НОРТУМБРИЯ

Изначально нортумбрийцы были поделены между двумя королевствами: Дейрой, охватывавшей территорию от реки Хамбер на юге до реки Тайн на севере (с политическим центром в Йорке), и Берницией, простиравшейся от Тайна на юге до реки Твид и далее на севере (с центром в Бамбурге)²⁶. Объединение этих государственно-политических образований впервые произошло в начале VII в.²⁷

Дейра

Элла (*Ælle*) — 560–588/590

Этельрик (*Æþelric*)²⁸ — 588–593

Этельфрит (*Æþelfrið*, из Берниции)²⁹ — 593–616

Эдвин (*Eadwine*)³⁰, сын Эллы — 616–633

Осрик (*Osríc*) — 633–634

Берниция

Ида (<i>Ida</i>)	— 547–559
Глаппа (<i>Glappa</i>), сын Иды	— 559–560
Адда (<i>Adda</i>), сын Иды	— 560–568
Этельрик (<i>Æpelric</i>), сын Иды	— 568–572
Теодрик (<i>Theodric</i>), сын Иды	— 572–579
Фритувельд (<i>Frithuweald</i>), сын Иды	— 579–585
Хусса (<i>Hussa</i>), внук Иды	— 585–593
Этельфрит (<i>Aethelfrið</i>) ³¹ , сын Этельрика	— 593–616
Эанфрит (<i>Eanfrið</i>), сын Этельфрита	— 633–634

В 633–634 гг. оба нортумбрийских королевства находились под фактическим контролем Кадваллона (*Cadvallon*), короля бриттского королевства Гвинедд (625–634). По этой причине, по сообщению Беды Почтенного, «те, кто вычисляет годы правления королей, решили стереть память об этих королях-предателях³² и приписать время их правления преемнику — Освальду», который вновь на время объединил оба государства³³.

Освальд (*Oswald*, из Берниции)³⁴,
сын Этельфрита — 634–642

После смерти Освальда Дейра на десятилетие снова отделилась³⁵, но затем, оставаясь формально самостоятельным королевством, имела своими правителями братьев и сыновей королей Берниции.

Дейра

Освин (<i>Oswine</i>) ³⁶	— 642–651
Этельвельд (<i>Ethelweald</i>), сын Освальда	— 651–655
Эалфрит (<i>Ealhfrid</i>), сын Освью	— 656–664
Эгфрит (<i>Ecgfrið</i>), сын Освью	— 664–670
Элфвин (<i>Elfwine</i>), сын Освью	— 670–679

Берниция

Освью (*Oswiu*)³⁷, сын Этельфрита — 642–670

После смерти Освью в 670 г. произошло окончательное объединение Нортумбрии под властью правителей Берниции³⁸.

Эгфрит (<i>Ecgfrið</i>), сын Освью ³⁹	— 670—685
Олдфрит (<i>Ealdfrið</i>) ⁴⁰ , сын Освью	— 685—705
Эадвulf I (<i>Eadwulf</i>) ⁴¹	— 705—706
Осред I (<i>Osred</i>), сын Олдфрита	— 705—716
Кенред (<i>Cænred</i>), линия Огга (<i>Ocg</i>), сына Иды ⁴²	— 716—718
Осрик (<i>Osric</i>) ⁴³ , сын Олдфрита	— 718—729
Келвulf (<i>Cælwulf</i>) ⁴⁴ , брат Кенреда	— 729—737
Эадберт (<i>Eadbærht</i>) ⁴⁵ , двоюродный брат Келвulfа	— 737—758
Освulf (<i>Oswulf</i>) ⁴⁶ , сын Эадберта	— 758—759
Этельвольд Молл (<i>Æthelweald Moll</i>) ⁴⁷	— 759—765
Элхред (<i>Ealhred</i>) ⁴⁸ , зять Освulfа	— 765—774
Этельред I (<i>Æthelred</i>) ⁴⁹ , сын Этельвольда Молла	— 774—779
Эльфвольд I (<i>Ælfwold</i>), сын Освulfа	— 779—788
Осред II (<i>Osred</i>) ⁵⁰ , сын Элхреда	— 788—790
Этельред I (<i>Æthelred</i>) ⁵¹ , сын Этельвольда Молла	— 790—796
Осбальд (<i>Osbald</i>) ⁵²	— 796
Эардвulf (<i>Eardwulf</i>) ⁵³	— 796—806
Эльфвольд II (<i>Ælfwold</i>)	— 806—808
Эардвulf (<i>Eardwulf</i>) ⁵⁴	— 808—810
Эанред (<i>Eanred</i>) ⁵⁵ , сын Эардвulfа	— 810—841
Этельред II (<i>Æthelred</i>), сын Эанреда	— 841—844
Редвulf (<i>Redwulf</i>) ⁵⁶	— 844
Этельред II (<i>Æthelred</i>), сын Эанреда ⁵⁷	— 844—848
Осберт (<i>Osbeorht</i>) ⁵⁸	— 848—863
Элла II (<i>Ælle</i>)	— 863—867
Осберт (<i>Osbeorht</i>) ⁵⁹	— 867

23 марта 867 г. в битве под стенами Йорка с норманнами пали и Элла, и Осберт, а Нортумбрия была разорена вплоть до устья Тайна. На престол Берниции была посажена

марионетка скандинавов с титулом вице-короля, а Дейра, попала под их непосредственное управление⁶⁰.

Скандинавские короли Йорка

Хальфдан I (<i>Halfdan Ragnarson</i>), — 878–883 сын викинга Рагнара Лотброка	
Гутфрит I (<i>Guthfrið Hardicnutson</i>) — 883–895	
Сигфрит (<i>Sigfrið</i>) — 895–900	
Кнут (<i>Cnut</i>) — 900–902	
Этельвольд (<i>Ethelweald</i>) ⁶¹ — 902	
Хальфдан II (<i>Halfdan</i>) — 902–910 (совместно с Эовилом)	
Эовил (<i>Eowils Ragnarson</i>) — 902–910 (совместно с Хальфданом II)	
Рагнальд I (<i>Ragnald Ivarrson</i>) — 910–920	
Сигтрюгг (<i>Sigtrygg Ivarrson</i>), брат Рагнальда I — 920–927	
Олаф I Куаран (Сандал) — 927 (<i>Olaf Cuarán</i>), сын Сигтрюгга	
Гутфрит II (<i>Guthfrið Ivarrson</i>), — 927 брат Рагнальда I	

Вице-короли Берниции

Эгберт I (<i>Ecgberht</i>) ⁶² — 867–872	
Риксиг (<i>Ricsige</i>) — 873–876	
Эгберт II (<i>Ecgberht</i>) — 876–878	
Эадвulf II (<i>Eadwulf</i>) — 878–913	
Элдред (<i>Aldred</i>) — 913–927	

В 927 г. вся Нортумбрия была подчинена уэссекским королем Этельстаном (924–939)⁶³.

Этельстан (*Æthelstan*) — 927–939

После смерти Этельстана скандинавы на некоторое время вновь овладели северной Нортумбрией, сохранив за собой и Йорк.

Олаф II (*Olaf Guthfrithsson*), сын Гутфрита II — 939–941

Олаф I Куаран (Сандал) (*Olaf Cuaràn*), — 941–943
сын Сигтрюгга⁶⁴

Рагнальд II (*Ragnald Guthfrithsson*), — 943–944
сын Гутфрита II

В 944–947 гг. Йорк находился под непосредственным управлением королей Уэссекса, затем вновь оказался в руках у скандинавов, а в 948–950 гг. опять попал под скипетр Уэссекса.

Эдмунд (*Eadmund*) — 944–946

Эадред (*Eadred*) — 946–947

Эрик Кровавая Секира (*Eriñ*) — 947–948

Эадред (*Eadred*) — 948–950

Олаф I Куаран (Сандал) (*Olaf Cuaràn*), — 950–952
сын Сигтрюгга⁶⁵

Эрик Кровавая Секира (*Eric*)⁶⁶ — 952–954

В 954 г. скандинавское королевство с центром в Йорке окончательно вошло в состав Уэссекса, а в 959 г. — Англии.

Эрлы Нортумбрии

Освульф (*Oswulf*) — 954–?

Ослак (*Oslac*) — ?

Эалдульф I (*Ealdwulf*) — ?

Утред (*Uhtred*) — 1006–1016

Йорк

Эрик (*Eric*) — 1016–1031

Карл (*Carl*) — 1031–1039

Бамбург

Эалдульф II (<i>Ealdulf</i>), сын Эалдульфа I	— 1016-1019
Эалдред (<i>Ealdred</i>)	— 1031-1038
Сивард (<i>Siward</i>)	1039-1055
Тостиг (<i>Tostig Godwinson</i>), сын эрла Кента Годвина	— 1055-1065
Моркар (<i>Morcar Alfgarson</i>), сын эрла Мерсии Эльфгара	— 1065-1066

III. МЕРСИЯ

Коренные земли мерсийцев первоначально располагались вокруг верхнего течения реки Трент⁶⁷, однако уже к началу VIII столетия их короли смогли распространить свою власть на другие территориально-племенные образования англов, включая такие крупные, как Хвикке, Мэгонсеттан и Линдсей, поставив под свой контроль всю Среднюю Англию. Политическим центром мерсийского королевства стал Тамфорд, а религиозным — Личфилд (графство Стаффордшир). Сохранившийся список королей Мерсии, который содержит их имена, начиная с конца VI в., был составлен в начале X в.⁶⁸

Креода (<i>Creoda</i>), сын Исела	— ум. 593
Пибба (<i>Pybba</i>), сын Креоды	— 593-606
Кэрл (<i>Cearl</i>) ⁶⁹ , родич (<i>maegas</i>) Креоды	— 606-626
Пенда (<i>Penda</i>) ⁷⁰ , сын Пиббы	— 626-655

После смерти Пенды королевством мерсийцев в течение трех лет правил король Нортумбрии Освью. Часть территории южной Мерсии находилась под контролем сына Пенды, Пеады, с титулом вице-короля⁷¹.

Освью (<i>Oswiu</i>), сын Этельфрита	— 655-658
Пеада (<i>Peada</i>), сын Пенды	— 655-658

В 658 г. сын Пенды, Вульфхере, изгнал наместников Освю и стал править всей Мерсией самостоятельно⁷².

Вульфхере (<i>Wulfhere</i>) ⁷³ , сын Пенды	– 658–674
Этельред I (<i>Æthelred</i>) ⁷⁴ , сын Пенды	– 674–704
Кенред (<i>Cænred</i>) ⁷⁵ , сын Вульфхере	– 704–709
Келред (<i>Cælrred</i>), сын Этельреда I	– 709–716
Келвальд (<i>Cælweald</i>), сын Этельреда I	– 716
Этельбальд (<i>Æthelbald</i>) ⁷⁶ , правнук Пенды	– 716–757
Беорнред (<i>Beornred</i>), линия короля Уэссекса	– 757
Кенваллы	
Оффа (<i>Offa</i>), сын Тингфрита, из рода Креоды	– 757–796
Эгфрит (<i>Ecgfrið</i>) ⁷⁷ , сын Оффы	– 796
Кенвульф (<i>Cænwulf</i>), линия Кенваллы из Уэссекса	– 796–821
Келвульф I (<i>Cælwulf</i>) ⁷⁸ , брат Кенвульфа	– 821–823
Беривульф (<i>Bærnwulf</i>) ⁷⁹	– 823–825
Людекка (<i>Ludecan</i>) ⁸⁰	– 825–827
Виглаф (<i>Wiglaf</i>), свекор дочери Келвульфа I	– 827–829

В 829 г. Мерсия находилась под непосредственным управлением короля Уэссекса Эгберта⁸¹. Затем, при неизвестных обстоятельствах, Мерсия восстановила свою независимость.

Виглаф (<i>Wiglaf</i>) ⁸²	– 830–840
Бертвульф (<i>Bærhtwulf</i>), линия Бернвульфа	– 840–852
Бургред (<i>Burghred</i>)	– 852–874

В 874 г. в результате военного натиска скандинавов Бургред отрекся от престола и отправился в Рим, где принял постриг в одном из монастырей. В соответствии с уже апробированной в Нортумбрии практикой норманны посадили на мерсийский престол своего ставленника Келвульфа II (874–879). В августе 877 г. они взяли под полный контроль восточную Мерсию, оставив Келвульфа, на время,

править западной. После его смерти в 879 г. западная Мерсия на время перешла к вождям разрозненных отрядов норманнов⁸³.

Келвульф II (*Cælwulf*), линия Келвульфа I — 874–879

Примерно в 880 г. западная Мерсия была включена в состав Уэссекса, но правили ею полунезависимые правители-элдормены из числа родственников короля Альфреда Великого (871–899). Восточную Мерсию, распавшуюся на несколько самостоятельных образований, контролировали предводители отдельных скандинавских отрядов⁸⁴.

Этельред II (*Æthelred*), зять Альфреда Великого — 880–911

Этельфлед (*Æthelflaed*), дочь Альфреда Великого — 911–918

Элфвин (*Ælfwynn*), дочь Этельреда II и Этельфлед — 918–919

Окончательно Мерсия, включая и восточную ее часть, была присоединена к Уэссексу в 917–919 гг.⁸⁵

Эрлы Мерсии

Леофрик I (<i>Leofric</i>)	— ?
Леофрик II (<i>Leofric</i>)	— ?–1001
Эдульф (<i>Eduulf</i>)	— 1001–?
Леофвин (<i>Leofwine</i>)	— ?–1028
Леофрик III (<i>Leofric</i>)	— 1028–1057
Эльфгар (<i>Ælfgar</i>)	— 1057–1059
Эдвин (<i>Edwin</i>)	— 1059–1066

III. ВЛАСТИТЕЛИ АНГЛСКИХ КОРОЛЕВСТВ, ПОГЛОЩЕННЫХ МЕРСИЕЙ

Хвикке

Территория королевства Хвикке почти целиком совпала с территорией диоцеза епископов Вустера. Его конунги, начиная со второй половины VII столетия были, судя

по всему, полунезависимыми правителями, подчинявшимися верховной власти королей Мерсии; в источниках упоминаются обычно с титулами *regulus* или *subregulus*⁸⁶.

Эанфрит (<i>Eanfrið</i>)	— 660-е гг.
Эанхере (<i>Eanhere</i>) ⁸⁷	— 660-е гг.
Осрик (<i>Osríc</i>)	— 675–685 (совместно с Осхере)
Осхере (<i>Oshere</i>) ⁸⁸	— 679–693 (совместно с Осриком)
Этельверд (<i>Æthelweard</i>), сын Осхере	— ?–706 (совместно с Этельхардом и Этельриком ?)
Этельхард (<i>Æthelheard</i>) сын Осхере	— ?–709 (совместно с Этельвердом и Этельриком ?)
Этельрик (<i>Æþelric</i>), сын Этельверда ⁸⁹	— ?–736 (совместно с Этельхардом и Этельвердом ?)
Эанберт (<i>Eanberht</i>)	— 759–?
Утред (<i>Uhtred</i>), брат Эанберта	— 759–?
Эалдред (<i>Ealdred</i>), брат Эанберта ⁹⁰	— 759–778

В начале 780-х гг. мерсийский король Оффа, судя по всему, установил свой прямой контроль над территорией Хвикке⁹¹; о былой самостоятельности свидетельствовало лишь сохранение должности собственного элдромена.

Мэгонсеттан

Территория королевства Мэгонсеттан почти целиком совпадала с территорией диоцеза епископов Херефорда. О конунгах Мэгонсеттан известно крайне мало. Считается, что они находились под верховной властью королей Мерсии и являлись младшей ветвью мерсийской династии⁹².

Меревалла (<i>Merewalh</i>) ⁹³	— 650–670
Мерхельм (<i>Merchelm</i>), сын Мереваллы	— ?
Милдфрит (<i>Mildfrið</i>)	— ?–675

Линдсей

Территория Линдсея занимала земли к северо-западу от залива Уош, примерно совпадая с территорией современного графства Линкольншир. О королях этого государства практически ничего неизвестно. Единственным исключением является некий Олдфрит (*Ealfrid*), который с титулом *rex* появляется в одной из грамот мерсийского короля Оффы⁹⁴.

Серри

Небольшая территория к западу от Кента, примыкающая к Темзе и Лондону, Серри первоначально, видимо, находился под властью кентских королей. В 650-х гг. он попал под контроль королей Мерсии, а в 825 г. вошел в состав Уэссекса⁹⁵. Известны имена лишь двух из ее правителей с титулом вице-королей, свидетельствующих грамоту мерсийского короля Вульфхере (658–674)⁹⁶.

Фритувольд (*Frithuولد*) — ?–674

Фритурик (*Frithuric*) — ?–674

IV. ВОСТОЧНАЯ АНГЛИЯ

Королевская династия Восточной Англии, известная как Вуффинги, появляется на исторической сцене во второй половине VI столетия и ведет свое происхождение от Вуффы, сына Веххи⁹⁷.

Вуффа (*Wuffa*), сын Веххи — 571–578

Титтла (*Tyttla*), сын Веххи — 578–593

Рэдвальд (*Rædwald*)⁹⁸, сын Титтлы — 593–617

Эни (*Eni*), сын Титтлы — 617–618

Эорпвальд (*Eorwald*),
сын Рэдвальда — 618–628

Рэгенхэре (иначе **Рикберт**)
(*Raegenhare, alias Ricbert*)⁹⁹ — 628–631

Сигеберт (*Sigeberht*),
сын Рэдвальда — 631–634
(совместно с Эгриком)

Эгрик (<i>Ecgric</i>) ¹⁰⁰ , сын Эни	— 631–634 (совместно с Сигебертом)
Анна (<i>Anna</i>), племянник Рэдвальда	— ?–654
Этельхере (<i>Æthelhere</i>), брат Анны	— 654–?
Этельвольд I (<i>Æthelwold</i>), брат Анны	— ?–664
Эалдвульф (<i>Ealdwulf</i>), племянник Этельвольда I	— 664–713
Элфвольд (<i>Ælfwald</i>), брат Эалдвульфа	— 713–749
Гун (<i>Hun</i>)	— 749–? (совместно с Беонной и Этельбертом I ?)
Беониа (<i>Beonna</i>)	— 749–758 (совместно с Гуном и Этельбертом I ?)
Этельберт I (<i>Æthelberht</i>) ¹⁰¹	— 749–? (совместно с Гуном и Беонной ?)

В третьей четверти VIII в. Восточная Англия находилась под непосредственным управлением Оффы, короля Мерсии¹⁰².

Этельберт II (*Æthelberht*) — 779–794

В 794–796 гг. Восточная Англия находилась под непосредственным управлением Оффы, короля Мерсии¹⁰³.

Эадвальд (*Eadwald*)¹⁰⁴ — 796

В 796–827 гг. Восточная Англия находилась под непосредственным управлением королей Мерсии — Кенвульфа, Бернвульфа и Людекки¹⁰⁵.

Этельстан I (*Æthelstan*)¹⁰⁶ — 827–845

Этельверд (*Æthelweard*)¹⁰⁷ — 845–856

Эдмунд (*Edmund*)¹⁰⁸ — 856–870

Избранные после мученичества Эдмунда восточно-английской знатью короли действовали, видимо, под контролем скандинавов, что не мешало им, впрочем, чеканить собственную монету.

Освальд (*Oswald*)¹⁰⁹ — 870–876

Этельред II (*Æthelred*)¹¹⁰ — 876–879

В 879 г. скандинавы изгнали Этельреда II и установили свой прямой контроль над Восточной Англией¹¹¹.

Гутрум I (иначе **Этельстан II**) — 879–890
(*Guthrum, alias Æthelstan*)

Эрик (*Eoric*), сын Гутрума I — 890–902

Этельвольд II (*Æthelwold*), — 902

сын короля Уэссекса Этельреда¹¹²

Гутрум II (*Guthrum*) — 902–917

В 917 г. Восточная Англия вошла в состав Уэссекса¹¹³, а затем Англии.

Эрлы Восточной Англии

Этельвин (*Æthelwine*) — 962–992

Гарольд (*Harold Godwinson*), — 1044–1066

сын эрла Кента и Уэссекса Годвина

Гирт (*Gyrth*) — 1057–1066

V. СУССЕКС

По сообщению Беды Почтенного, королевство южных саксов располагалось к югу и западу от Кента и было одним из последних оплотов язычества среди государств, созданных англосаксами¹¹⁴. Имена его королей известны почти исключительно по актовому материалу¹¹⁵.

Элла (*Ælle*)¹¹⁶ — 477–491

О правителях Суссекса VI — первой половины VII в. ничего не известно.

Этельвалла (*Æthelwath*) — ?–682

Согласно Беде, в 682 г. Этельвалла был убит будущим королем западных саксов Кэдваллой, который и стал править Суссексом. Затем уэссекцы были изгнаны¹¹⁷.

Кэдвалла (*Cædwalla*),
король Уэссекса — 685–688

Ватта (*Watt*) — 692–700
(совместно с Нотхельмом)

Нотхельм, иначе **Нунна**
(*Nothelm, alias Nunna*) — 692–714
(совместно с Ваттой)

Этельстан (*Æthelstan*) — 714–720

Этельберт (*Æthelbert*) — 733–?

Осмунд (*Osmund*) — 758–772

В мерсийской грамоте, относящейся к 772 г., помимо Осмунда, с титулом *dux Suthsaxonum*, упомянуто с тем же титулом еще трое правителей Суссекса: Ослак (*Oslac*), Элдвульф (*Ealdwulf*), Элфвольд (*Ælfwald*)¹¹⁸. По всей видимости, это свидетельствует об окончательном подчинении южных саксов Мерсии. В 825 г. Суссекс был включен в состав Уэссекса¹¹⁹.

VI. ЭССЕКС

Территория королевства Эссекс. Располагалась к северу от Кента с центром в Лондоне¹²⁰, который к середине VIII столетия отошел к Мерсии. Династия ее королей всегда тяготела к мерсийским правителям¹²¹.

Сэберт (*Sæbert*)¹²² — 604–616

Сэвард (*Sæward*),
сын Сэберта — 616–617
(совместно с Саксбальдом
и Саксредом)

Саксбальд (*Seaxbald*),
сын Сэберта — 616–617
(совместно с Сэвардом
и Саксредом)

Саксрэд (<i>Seaxred</i>), сын Сэберта ¹²³	— 616–617 (совместно с Сэвардом и Саксбальдом)
Сягеберт I (<i>Sigeberht</i>)	— 617–?
Сигеберт II (<i>Sigeberht</i>) ¹²⁴	— 653–664 (?)
Свитхельм (<i>Swithhelm</i>), сын Саксбальда	— 664
Сигехере (<i>Sigehere</i>) ¹²⁵	— 664–690 (совместно с Себби)
Себби (<i>Sebbi</i>) ¹²⁶	— 664–694 (совместно с Сигхере)
Свефред (<i>Swæfred</i>), сын Себби	— 694–704 (совместно с Сигехардом и Оффой)
Сигехард (<i>Sigehard</i>), сын Себби	— 694–705 (совместно со Свефредом и Оффой)
Оффа (<i>Offa</i>), сын Сигехере ¹²⁷	— 694–709 (совместно со Свефредом и Сигехардом)
Свефберт (<i>Swæfbert</i>)	— 709–738
Сэлред (<i>Sealred</i>) ¹²⁸	— 738–746
Свитред (<i>Swithred</i>)	— 746–?
Сигерик I (<i>Sigeric</i>) ¹²⁹	— ?–798
Сигеред (<i>Sigered</i>) ¹³⁰	— 798–823
Сигерик II (<i>Sigeric</i>) ¹³¹	— ?–825

В 825 г. Эссекс вошел в состав Уэссекса¹³²:

ВИ. УЭССЕКС И АНГЛИЯ

Уэссекс

Население раннего Уэссекса, известное первоначально как *Gewisse*¹³³, к VII столетию приобрело название «саксы», а к началу VIII в. — «западные саксы», что отражало последовательные стадии их политической эволюции. Коренные земли западных саксов охватывали графства

Гемпшир, Уилтшир, Сомерсетшир и Дорсетшир; в религиозном отношении они делились на два епископских диоцеза с центрами в Винчестере и Шернборне¹³⁴.

Кердик (<i>Cerdic</i>)	– 519–534
Кинрик (<i>Cynric</i>), сын Кердика	– 534–560
Кеавлин (<i>Ceawlin</i>) ¹³⁵ , сын Кинрика	– 560–591
Кеолрик (<i>Ceolric</i>), внук Кердика	– 591–597
Келвульф (<i>Cælwulf</i>), внук Кердика	– 597–611
Кинегильс (<i>Cynegils</i>) ¹³⁶ , сын Кеолрика	– 611–642
Кенвалла (<i>Cenwealh</i>) ¹³⁷ , сын Кинегильса	– 642–645
Пенда (<i>Penda</i>), король Мерсии	– 645–655
Кенвалла (<i>Cenwealh</i>) ¹³⁸	– 655–672
Саксбурга (<i>Seaxburh</i>) ¹³⁹ , жена Кенваллы	– 672–674
Кенфус (<i>Cenfus</i>), линия Келвульфа	– 674
Эсквин (<i>Æscwine</i>), сын Кенфуса	– 674–676
Кентвин (<i>Centwine</i>), сын Кинегильса	– 676–685
Кэдвалла (<i>Cædwalla</i>) ¹⁴⁰ , линия Кеавлина	– 685–688
Инэ (<i>Ine</i>), линия Кеавлина	– 688–726
Этельхард (<i>Æthelheard</i>), зять Инэ ¹⁴¹	– 726–740
Кутред (<i>Cuthred</i>), родич (<i>maegas</i>) Этельхарда	– 740–756
Сигеберт (<i>Sigeberht</i>) ¹⁴²	– 756–757
Кюневульф (<i>Cynewulf</i>) ¹⁴³ , сын Сигеберта	– 757–786
Беортрик (<i>Beorhtric</i>), сын Кюневульфа	– 786–802
Эгберт I (<i>Ecgberth</i>) ¹⁴⁴ , сын Эалмунда, короля Кента	– 802–825

Остров Уайт

Изначально остров Уайт представлял собой отдельное политическое образование, населенное ютами, которое охватывало не только собственно остров, но и часть южной Англии, расположенной напротив него. Первые его правители были тесно связаны с королевской династией Кента¹⁴⁵. В третьей четверти VII в. остров перешел под контроль короля Мерсии Вульфхере, который, в свою очередь, передал его королю Суссекса Этельвалле¹⁴⁶.

К Уэссексу был присоединен в период правления короля Кэдваллы¹⁴⁷. По имени известен лишь один правитель острова Уайт, в середине 680-х гг. принявший христианство¹⁴⁸.

Арвальд (*Arweald*) — ?-?

«Большой» Уэссекс

После битвы при Эллендуне (825 г.) и крушения гегемонии Мерсии Эгберт I оказался властителем конгломерата земель, простиравшихся от реки Тамар на западе до острова Танет на востоке, и включавшего в себя не только исконные территории западных саксов, но и некогда независимые королевства Серри, Суссекс, Эссекс и Кент, составившие т. н. «Большой» Уэссекс. Чуть ранее в том же году вассальную присягу Эгберту принес мерсийский король Восточной Англии Людекка¹⁴⁹. В 838 г. в Кингстоне состоялся церковный собор, на котором Эгберт заручился лояльностью архиепископа Кентерберийского Кеолнота (830–870)¹⁵⁰.

Эгберт I (<i>Ecgberth</i>) ¹⁵¹ , сын Эалмунда, короля Кента	— 825–839
Этельвульф (<i>Æthelwulf</i>), сын Эгберта	— 839–858
Этельбальд (<i>Æthelbald</i>), сын Этельвульфа	— 858–860
Этельберт (<i>Æthelberth</i>), сын Этельвульфа	— 860–865
Этельред I (<i>Æthelred</i>), сын Этельвульфа	— 865–871
Альфред Великий (<i>Ælfred</i>), сын Этельвульфа	— 871–880

Короли англосаксов

В начале 880-х гг. Альфред Великий объединил под своей властью практически всю территорию Англии, находившуюся вне прямого контроля скандинавов, включая и западную Мерсию. Не случайно, начиная именно с этого момента в источниках появляется принципиально новая королевская титулатура, отличающаяся не только от формул, характеризующих власть англосаксонских королей VII–VIII вв., но и от титулов непосредственных предше-

ственников Альфреда на троне Уэссекса. Наиболее отчетливо эта новизна проявляет себя в исходящих от него земельных грамотах и в биографическом очерке епископа Ассера, в которых Альфред с конца 880-х гг. называется или «королем англосаксов» (*Engla ond Saxna cyning*), или «королем англосаксов» (*rex Angul-Saxonum*)¹⁵². Не приходится сомневаться в том, что изменения в титулатуре Альфреда, а затем и его ближайших преемников, были текстуальным воспроизведением самой *идеи* единства англосаксов, которая уже очень скоро, в середине X столетия, с отвоеванием Области датского права, воплотится в территориально-политическую реальность¹⁵³.

Альфред Великий (*Ælfred*), сын Этельвульфа — **880–899**

Эдуард I Старший (*Eadweard*), — **899–924**
сын Альфреда Великого

Этельстан (*Æthelstan*), сын Эдуарда Старшего — **924–939**

Эдмунд I (*Eadmund*), сын Эдуарда Старшего — **939–946**

Эадред (*Eadred*), сын Эдуарда Старшего — **946–955**

Эдвиг (*Eadwig*), сын Эдмунда I — **955–957/959**

Англия

Несмотря на то, что окончательное подчинение Области датского права относится к правлению короля Эадреда¹⁵⁴, Англия объединяется в целостное государство под скипетром уэссекской династии лишь в царствование правнука Альфреда Великого, Эдгара. Вплоть до самого конца X столетия прекращаются набеги норманнов и происходит быстрое инкорпорирование в состав англосаксонского государства Денло. Показателем политической консолидации и нивелировки этнических различий народов, населявших Британию, было появление термина «*Englond*», т. е., страна англосаксов, или Англия.

Эдгар (*Eadgar*), сын Эдмунда I — **957/959–975**

Эдуард II Мученик (*Eadweard*), сын Эдгара — **975–978**

Этельред II Нерешительный (*Æthelred*), — **978–1016**
сын Эдгара

Эдмунд II Железнобокий (<i>Eadmund</i>), сын Этельреда II Нерешительного	— 1016
Кнут Великий (<i>Cnut</i>), сын норвежского короля Свейна Вилобородого	— 1016–1035
Гарольд I (<i>Harald</i>), сын Кнута Великого	— 1035–1040
Хардакнут (<i>Hardecnut</i>), сын Кнута Великого	— 1040–1042
Эдуард III Исповедник (<i>Eadweard</i>), сын Этельреда II Нерешительного	— 1042–1066
Гарольд II (<i>Harald</i>), сын эрла Кента и Уэссекса Годвина	— 1066

14 октября 1066 г., победив в битве при Гастингсе, королем Англии стал герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель (Незаконнорожденный)¹⁵⁵.

Эрлы Уэссекса

Этельвольд (<i>Æthelwold</i>), сын короля Уэссекса Этельреда I	— ?–902
Этельфрит (<i>Æthelfrith</i>), племянник эрла Уэссекса Этельвольда	— ?–?
Этельверд (<i>Æthelweard</i>)	— ?–998
Этельмар (<i>Æthelmar</i>)	— 998–1018
Годвин (<i>Godwin</i>)	— 1018–1053
Гарольд (<i>Harold Godwinson</i>), сын эрла Кента и Уэссекса Годвина	— 1053–1066

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Следует заметить, что в англоязычной историографии концом англосаксонской эпохи обычно считается не 1066-й, а 1042 г., когда скончался король Эдуард Исповедник и история Англии в силу династических причин оказалась тесно связана с Нормандией. См.: Abels R. P. *Lordship and military obligation in Anglo-Saxon England*. Berkeley, 1988; Blair P. H. *An introduction to Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1956; Finberg H. P. R. *The formation of England: 550–1042*. L., 1974; Fisher D. J. V. *The Anglo-Saxon age: 400–1042*. L., 1993; Kirby D. P. *The making of early England*. L., 1967; Loyn H. R. *Anglo-Saxon England and the Norman conquest*. L., 1970; Sawyer P. H. *From Roman Britain to Norman England*. L., 1978; Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1971; Whitelock D. *The beginnings of English society*. Harmondsworth, 1952; Wilson D. M. *The Anglo-Saxons*. Harmondsworth, 1978. Тем не менее есть и сторонники первой точки зрения. См.: Blair J. W. *The Anglo-Saxon age*. Oxford, 2000; Brooks N. *Anglo-Saxon myths, state and church, 400–1066*. L., 2000; Williams A. *Kingship and government in pre-conquest England, c. 500–1066*. N. Y., 1999.
- ² *Beowulf*. Paderborn, 1958. Т. 1–3.
- ³ Подробнее об этом см.: Алексеев М. П. *Литература средневековой Англии и Шотландии*. М., 1984; Мельникова Е. А. *Некоторые проблемы англосаксонской героической эпопеи «Беовульф»*. Дисс. на соискание ученой степени канд. филолог. наук. М., 1970; Она же. *Меч*

- и лира.: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987; Clark G. *Beowulf*. Boston, 1990; Irving E. V., Jr. A reading of «Beowulf». New Haven; L., 1968; Whitelock D. The audience of «Beowulf». Oxford, 1951.
- ⁴ Русский перевод с великолепными комментариями см.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982.
- ⁵ Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Исслед. по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960. С. 185–195; Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 141 сл.
- ⁶ Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 143 сл.; Calder D. G. *Synewulf*. Boston, 1981.
- ⁷ Отдельные из них опубликованы в русском переводе. См.: Древнеанглийская поэзия... С. 28–32; 39–56.
- ⁸ Tacitus. *Germania* // P. Cornelius Tacitus. *Libri qui supersunt*. Lipsiae, 1960. Bd. I.
- ⁹ Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte / Lateinisch und deutsch und mit einem Komment. versehen von W. Seyfarth*. Berlin, 1968. Bd. I.
- ¹⁰ Прокопий из Кесарии. *Война с готами*. М., 1950.
- ¹¹ Ptolemaeus Claudius. *Geographia*. Paris, 1883. Vol. I.
- ¹² Orosius. *Old English Orosius* / Ed. by J. Bately // *Early English Text Society. Supplemental Series*, 6. L., 1980.
- ¹³ Видукинн Корвейский. *Деяния саксов*. М., 1975.
- ¹⁴ Ассер. *Жизнь Альфреда Великого* // Стасюлевич М. М. *История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых*. В 3 т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 306–336.
- ¹⁵ *English historical documents*. L., 1955. Vol. 1. P. 854–862.
- ¹⁶ Aelfric's colloquy. L., 1939; Idem. *Aelfric's lives of saints*. / Ed. by W. W. Skeat // *Early English Text Society. Original Series*, 76. L., 1881; Reprint ed., L., 1963; Idem. *Homilies of Aelfric: A supplementary collection*. Vol. 2 // *Early English Text Society*, 260. L., 1978.
- ¹⁷ Gildas Sapiens. *Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae* // *Monumenta Historica Britannica*. L., 1848. Vol. 1. P. 1–46. Далее: *Monum. Hist. Brit...* с указанием страниц.
- ¹⁸ Beda Venerabilis. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum* // *Monum. Hist. Brit...* P. 103–289.

- ¹⁹ Бедe Почтенному посвящена обширная исследовательская литература. Из наиболее ценных работ см.: Bede and Anglo-Saxon England. Oxford, 1978; Bede, his life, times and writings. Oxford, 1935; Brown G. H. Bede, the Venerable. Boston, 1987; Blair P. H. Venerabilis Bede. Durham, 1979; Idem. The world of Bede. N. Y., 1990; Ward B. The Venerable Bede. Harrisburg, 1990.
- ²⁰ The Anglo-Saxon chronicle // English historical documents. L., 1955. P. 135–235.
- ²¹ Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon ex Chronicis // Monum. Hist. Brit... Vol. 1. P. 592–600; Simeonis Dunelmensis monachis historia de regibus Anglorum et Danorum // Ibid. P. 645–688; Willelmi Malmsbiriensis monachi de gestis pontificum anglorum libri quinque. L., 1870; Willelmi Malmsbiriensis de gestis Regum anglorum libri quinque. L., 1887. Vol. 1.
- ²² Eddius Stephanus. The life of bishop Wilfrid. Cambridge, 1985; English historical documents.; Memorials of St. Dunstan, archbishop of Canterbury. L., 1874; Select English historical documents of the ninth and tenth centuries. Cambridge, 1914; Select translations from Old English prose. N. Y., 1908.
- ²³ Из множества изданий англосаксонских грамот в книге использовано, на взгляд автора, лучшее: Cartularium Saxonicum: A collection of charters, relating to Anglo-Saxon history: In 3 vol. / Ed. W. de Birch. L., 1885–1893.
- ²⁴ Anglo-Saxon wills. Cambridge, 1930.
- ²⁵ Anglo-Saxon charters. Cambridge, 1939.
- ²⁶ Anglo-Saxon writs. Cambridge, 1952.
- ²⁷ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. 1. S. 444–453.
- ²⁸ Die Gesetze... Bd. 1. S. 453–455.
- ²⁹ Наиболее фундаментальным изданием англосаксонских законов до сих пор остается трехтомная публикация рубежа XIX–XX вв., осуществленная Ф. Либерманом и включающая древнеанглийский текст, немецкий перевод, словарь и превосходный комментарий. См.: Die Gesetze...
- ³⁰ Die Gesetze... S. 3–8.

- ³¹ Ibid. S. 9–11.
- ³² Ibid. S. 12–14.
- ³³ Ibid. S. 88–123.
- ³⁴ Ibid. S. 48–88.
- ³⁵ Законы Эдуарда, Этельстана, Эдмунда, Эдгара, Этельреда и Кнута см.: Die Gesetze... S. 128–371.
- ³⁶ Ibid. S. 374–479; 627–672.
- ³⁷ При подготовке книги нами использованы следующие труды английских археологов: Alcock L. *Artur's Britain: history and archaeology*. L., 1973; *The archaeology of Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1976; Arnold C. J. *An archaeology of the early Anglo-Saxon kingdoms*. 2-nd ed. L.; N. Y., 1997; *Aspects of archaeology in Britain and beyond*. L., 1951; Bruce-Mitford R. L. S. *The Sutton-Hoo ship-burial*. L., 1968; Carver M. O. H. *Sutton Hoo: Burial ground of kings?* Philadelphia, 1998; Copley G. J. *Archaeology and place-names in the fifth and sixth centuries*. Oxford, 1986; Hodges R. *The Anglo-Saxon achievement: Archaeology and the beginnings of English society*. Ithaca; L., 1989; Laing J. *Finding Roman Britain*. Newton Abbot, 1977; Myres J. N. L. *Anglo-Saxon pottery and the settlement of England*. Oxford, 1969 idem. *The English settlements*. Oxford, 1986; Vince A. G. *Saxon London: an archaeological investigation*. L., 1990.
- ³⁸ Blair P. H. *Op. cit.*; Fisher D. J. V. *Op. cit.*; Loyn H. R. *Op. cit.*; Stenton F. M. *Op. cit.*; Whitelock D. *Op. cit.*
- ³⁹ Петрушевский Д. М. *Очерки из истории английского государства и общества в средние века*. М., 1937.
- ⁴⁰ Виноградов П. Г. *Исследования по социальной истории Англии в средние века*. СПб, 1887; Он же. *Средневековое поместье в Англии*. СПб., 1911; Vinogradoff P. *English society in the eleventh century*. Oxford, 1908. Подробнее об этом см.: Глебов А. Г. *Становление феодальных отношений в англосаксонской Британии в трактовке П. Г. Виноградова // Социально-идеологические проблемы античности и средних веков*. Красноярск, 1995. С. 44–54.
- ⁴¹ Гуревич А. Я. *Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии //*

- Средние века. М., 1955. Вып. 7. С. 25–47; Он же. Англосаксонский фолкленд и древненорвежский одалъ // Там же. 1967. Вып. 30. С. 61–83; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 276–283; Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 73–77; Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 13 и сл.; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 7 и сл.; Соколова М. Н. Свободная община в процессе закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // Средние века. М., 1955. Вып. 6. С. 34–55; Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: К проблеме формирования английского народа. М., 1988. С. и 111 сл.; Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л., 1973. С. 20–22.
- ⁴² Seebohm F. The English village community. L., 1883; Idem. Tribal customs in Anglo-Saxon law. L., 1911.
- ⁴³ Chadwick H. M. Studies in Anglo-Saxon institutions. Cambridge, 1905; Deansley M. Roman traditionalist influence among the Anglo-Saxons // English historical review. 1943. Vol. 58. № 230. P. 129–146; Stephenson C. Feudalism and its antecedent in England // American historical review. 1943. Vol. 48. № 2.
- ⁴⁴ Myers J. N. L. The English settlements...; Runciman W. G. Accelerating social mobility: The case of Anglo-Saxon England // Past and present. 1984. № 104. P. 3–30.
- ⁴⁵ John E. Land tenure in early England. Leicester, 1960; Loyn H. R. Op. cit.; Stenton F. M. Op. cit.
- ⁴⁶ Abels R. P. Op. cit. P. 64 ff.; Chadwick H. M. Op. cit. P. 96–99, 378–383; John E. Orbis Britanniae. Leicester, 1966. P. 22–23, 140–142; Loyn H. R. Op. cit. P. 213 ff.; Lyon B. A. Constitutional and legal history of medieval England. N. Y., 1960. P. 67–82; Maitland F. The constitutional history of England. Cambridge, 1908. P. 72; Stenton F. M. Op. cit. P. 688 ff.
- ⁴⁷ Blair P. H. Op. cit. P. 194–245; Chaney W. A. The cult of kingship in Anglo-Saxon England. Berkeley; Los Angeles, 1970; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 121–140; Richardson H. G., Sayles G. O. The governance of medieval England. Edinburgh, 1963. P. 5 ff.; Whitelock D. Op. cit. P. 44; Williams A. Op. cit.

- ⁴⁸ Kemble J. M. *The Saxons in England: A history of the English commonwealth till the period of the Norman conquest*. L., 1849. Vol. 2. P. 41; Palgrave F. *History of the Anglo-Saxons*. Cambridge, 1921. P. 48–49; Myers H. A. *Medieval kingship*. Chicago, 1982. P. 31–32.
- ⁴⁹ Chadwick H. M. *The heroic age*. Cambridge, 1912. P. 376–377; Loyn H. R. *Op. cit.* P. 118–120; Idem. *The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087*. Stanford (Cal.), 1984. P. 24 ff. Свое крайнее выражение эта точка зрения нашла в работах Д. Джолиффа. См.: Joliffe J. *The constitutional history of medieval England*. L., 1937. P. 23–29.
- ⁵⁰ Если А. Я. Гуревич и К. Ф. Савело относят их переход к государственности к рубежу VI–VII вв., то А. Р. Корсунский лишь к концу VII столетия. См.: Гуревич А. Я. *Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века*. М., 1953. Вып. 4. С. 49; Савело К. Ф. *Указ. соч.*, с. 28; Корсунский А. Р. *Указ. соч.*, с. 133.
- ⁵¹ Deansley M. *Op. cit.*; Seebohm F. *Op. cit.*; Stephenson C. *Op. cit.*
- ⁵² Loyn H. R. *The governance of Anglo-Saxon England...*; Stenton F. M. *Op. cit.*; Wallace-Hadrill J. M. *Early Germanic kingship in England and on the continent*. Oxford, 1971.
- ⁵³ См., например: Удальцова З. В., Гутнова Е. В. *Генезис феодализма в странах Европы*. М., 1970.
- ⁵⁴ Burke J. *Life in the villa in Roman Britain*. L., 1978; Finberg H. P. R. *Op. cit.*; Fisher D. J. V. *Op. cit.*; Hodges R. *Dark age economics: The origin of towns and trade, AD 600–1000*. L., 1982; Whittock M. J. *The origins of England*. L.; Sydney, 1986; Wilson D. M. *Op. cit.*
- ⁵⁵ Барг М. А. *Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М., 1962; Гуревич А. Я. *Роль королевский пожалований...*; Он же. *Английское крестьянство в X – начале XI в.* // *Средние века*. М., 1957. Вып. 9. С. 69–131.
- ⁵⁶ Корсунский А. Р. *Указ. соч.*; Соколова М. Н. *Поместье в Англии до нормандского завоевания // Средние века*. М., 1969. Вып. 32. С. 97–107; *Средние века*. М., 1971. Вып. 33. С. 81–89; Савело К. Ф. *Указ. соч.*

⁵⁷ См., например: Jolliffe J. *Op. cit.* P. 384.

⁵⁸ Loyn H. R. *The governance of Anglo-Saxon England...*; Stenton F. M. *Op. cit.*; Wallace-Hadrill J. M. *Early Germanic kingship in England...*

✓

Глава I

От римской к англосаксонской британии. Политическая история Англии в V – середине IX века

¹ *An historical geography of England.* Cambridge, 1951. P. 48 ff.

² Birley A. *The people of Roman Britain.* Berkeley; Los Angeles, 1980; Durant G. *Britain – Rome's most northerly province.* L., 1969; Stubbs W. *Lectures on early English history.* L., 1966; Todd M. *Roman Britain 55 BC-AD 400: The province beyond the ocean.* Boston, 1981; Wachter J. S. *Roman Britain.* L., 1978.

³ Blair P. H. *Roman Britain and early England: 55 BC-AD 871.* L., 1969. P. 15–160; Burke J. *Life in the villa in Roman Britain.* L., 1978; Frere S. S. *Britannia: A history of Roman Britain.* L., 1978; Lindsay J. *The Romans were here...* L., 1956; Salway P. *Roman Britain.* Oxford, 1981; Scullard H. H. *Roman Britain: Outpost of the Empire.* L., 1979.

⁴ Виноградов П. Г. *Средневековое поместье в Англии.* СПб., 1911. С. 50–112; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.).* М., 1984. С. 95–96; Садовская М. С. *Романизация провинции Британии // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина.* 1960. Т. 153. С. 61–79; Она же. *Борьба бриттов против римского владычества в I–начале III в. н. э.* Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1968; Штаерман Е. М. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи.* М., 1957. С. 198–203.

⁵ Суприянович А. Г. *Христианство в Римской Британии // Античный вестн.* Омск, 1993. Вып. 1. С. 139–142; Перфилова Т. Б. *Британия в системе Римской империи.: Проблема контактов.* Автореф. дис... канд. истор. наук. Саратов, 1987.

- ⁶ Садовская М. С. Борьба бриттов против римского владычества... С. 11; Тинибекова Н. Н. Восстание бриттов под руководством Боудикки в Римской Британии (60 г. н. э.) // Уч. зап. МОПИ. 1967. Т. 189. Сер. всеобщая история. Вып. 9. С. 117–137; Она же. К вопросу о римском завоевании Британии и борьбе бриттов против римского господства // Там же. 1968. Т. 213. Вып. 10. С. 3–20.
- ⁷ Liversiedge J. Britain in the Roman Empire. N. Y.; Washington, 1968. P. 7–8.
- ⁸ Amm. Marcell. XXVI, 4,5 // Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lateinisch und deutsch und mit einem Komment. versehen von W. Seyfarth. Berlin, 1968. Bd. I. S. 26–27.
- ⁹ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. I, 15 // Monum. Hist. Brit. L., 1848. Vol. I. P. 110. Далее сочинение Беды цитируется с указанием номера книги и главы.
- ¹⁰ Jackson K. H. The Britons in southern Scotland // Antiquity. 1955. № 29. P. 79; Mackie J. D. A history of Scotland. Harmondsworth, 1978. P. 87–90.
- ¹¹ Amm. Marcell. Op. cit.
- ¹² Tract on the Scots of Dalriada // Chronicles of the pict, chronicles of the scots and other early memorials of Scottish history. Edinburgh, 1967. P. 308–317. См. также: Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987. С. 9–11.
- ¹³ Hawkes S. C., Dunning G. S. Soldiers and settlers in Britain, 4-th to 5-th century // Medieval archaeology. 1961. Vol. 5. P. 1–70; Садовская М. С. Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // Из истории античного общества. Горький, 1975. Вып. I. С. 98–114.
- ¹⁴ Alcock L. Arthur's Britain: history and archaeology. L., 1973. P. 93–99.
- ¹⁵ Amm. Marcell. Op. cit. XXVI, 3; XXVII, 8; XXVIII, 2–5; Ptolem. II, 7 // Ptolemaeus Claudius. Geographia. Paris, 1883. Vol. I. P. 138.
- ¹⁶ Beda Venerabilis. Historia... I, 15.

- ¹⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. Кн. IV, 20,7.
- ¹⁸ Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956. P. 8–9; Jankuhn H. The continental home of the English // *Antiquity*. 1952. № 26. P. 14–24; Kirby D. P. The making of early England. L., 1967. P. 12–13.
- ¹⁹ Tacit. Germ. 40. // P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 264.
- ²⁰ Ptolem. Op. cit. II, 9, 16.
- ²¹ Видсид // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 16–17.
- ²² Beda Venerabilis. Historia... I, 15.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Jensen J. The prehistory of Denmark. L., 1982. P. 39 ff.; Joliffe J. E. A. Pre-feudal England: The Jutes. L., 1933.
- ²⁵ Ptolem. Op. cit. II, 16.
- ²⁶ Ibid. II, 11.
- ²⁷ Колесницкий Н. Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 24–25.
- ²⁸ См.: White D. A. *Litus Saxonicum: The British Saxon shore in scholarship and history*. N. Y., 1961.
- ²⁹ Kirby D. P. The making of early England... P. 13.
- ³⁰ Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М., 1982. С. 23 сл.; Синицын В. М. Введение в палеоклиматологию. Л., 1967. С. 231; Smith C. T. *An historical geography of Western Europe before 1800*. L., 1967. P. 157 ff.
- ³¹ Myres J. N. L. *Anglo-Saxon pottery and the settlement of England*. Oxford, 1967. P. 95.
- ³² Blair P. H. An introduction... P. 10–13; Jankuhn H. Op. cit. P. 18–20; Chadwick H. M. *The heroic age*. Cambridge, 1912. P. 38 ff.
- ³³ Подробнее об этом см. гл. IV–V.
- ³⁴ Jankuhn H. Op. cit.; Jensen J. Op. cit.; Whitelock D. *The beginnings of English society*. Harmondsworth, 1952. P. 11–28.
- ³⁵ Blair P. H. An introduction... P. 10–11.
- ³⁶ *The archaeology of Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1976; Hodges R. *The Anglo-Saxon achievement: Archaeo-*

- logy and the beginnings of English society. Ithaca; L., 1989; Jackson K. H. Language and history...; Myres J. N. L. Op. cit.
- ³⁷ Reynolds S. What do we mean by «Anglo-Saxon» and «Anglo-Saxons»? // J. of British studies. 1985. Vol. 24. № 4. P. 395–414.
- ³⁸ Copley G. J. The conquest of Wessex in the sixth century. L., 1954. P. 31, 64; Frere S. S. Op. cit. P. 417 ff.
- ³⁹ Blair P. H. Roman Britain... P. 17.
- ⁴⁰ Amm. Marcell. Op. cit. XXVI, 4–5.
- ⁴¹ Уроженец Испании, Магн Максим служил под командованием Феодосия и к тому времени, вероятно, занимал одну из высших командных должностей. Он пользовался в Британии большой популярностью, а его имя прославлено в кельтском фольклоре. См.: Alcock L. Op. cit. P. 34 ff.
- ⁴² См., напр.: Frere S. S. Op. cit. P. 417–425.
- ⁴³ Beda Venerabilis. Historia... I, 11–12. См. также: Blair P. H. An introduction... P. 3; Frere S. S. Op. cit. P. 79; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. L., 1993. P. 3–6.
- ⁴⁴ Beda Venerabilis. Historia... I, 12; Zosimos. Nea historia. V, 6. Цит. по: Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975. Ч. 1: Источники. С. 71.
- ⁴⁵ Fisher D. J. V. Op. cit. P. 18; Frere S. S. Op. cit.; Kirby D. P. The making of early England... P. 15.
- ⁴⁶ Dolley R. H. M. Anglo-Saxon coins. L., 1961. P. 1–22.
- ⁴⁷ Gildas Sapiens. Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae, II, 27 // Monum. Hist. Brit... P. P. 1–46. Далее сочинение Гильдаса цитируется по этому изданию с указанием номера книги и главы.
- ⁴⁸ Gildas Sapiens. Op. cit. I, 20. См. также: Beda Venerabilis. Historia... I, 13.
- ⁴⁹ По вопросу о личности Вортигерна в литературе нет единой точки зрения: некоторые историки считают его вождем бриттских кельтов, другие – знатным романо-бриттом, третьи – королем. Наиболее подробную сводку мнений, а также анализ источников, относящихся к этой проблеме, см.: Kirby D. P. Vortigern // The Bulletin of Board of Celtic studies. 1968–1970. Vol. 23. P. 37–59.

- ⁵⁰ В настоящее время Танет соединен с материком дамбами и перестал быть островом.
- ⁵¹ Beda Venerabilis. *Historia...* I, 15; Gildas Sapiens. *Op. cit.* I, 25; Anglo-Saxon Chronicle, a. 449 // English historical doc. L., 1955. Vol. I. P. 142. Далее «Англосаксонская хроника» цитируется по данному изданию с указанием года и страниц.
- ⁵² Frere S. S. *Op. cit.* P. 418; Pearson C. H. *The early middle ages migrations.* N. Y.; L., 1971. P. 53.
- ⁵³ Copley G. J. *An archaeology of South East England.* L., 1958. P. 152–154. Интересно отметить в связи с этим, что юго-восточное побережье Британии называлось «Саксонским берегом» не только из-за подверженности этой территории нападениям германских пиратов, но и из-за наличия здесь достаточно многочисленных поселений англосаксов. См.: White A. D. *Op. cit.* P. 14 ff.
- ⁵⁴ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 455, 456, 465, 473, 488. P. 143–144.
- ⁵⁵ Ibid. a. 477, 491... P. 143–144.
- ⁵⁶ Ibid., a. 495... P. 144. Основание королевства Уэссекс «Англосаксонская хроника», правда, относит к 519 г. (Ibid. a. 519... P. 144.)
- ⁵⁷ Gildas Sapiens. *Op. cit.* I, 25; Beda Venerabilis. *Historia...* I, 16. Из сообщения Гильдаса и Беды не вполне ясно, кто возглавлял бриттов в битве у горы Бадон. Некоторые валлийские источники, в частности, «История бриттов» Ненния называют имя короля Артура. (См.: Ненний. История бриттов, 56 // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984). Его образ впоследствии занял одно из центральных мест в кельтском фольклоре и дал толчок разработке связанных с ним сюжетов в средневековой литературе. Наиболее обстоятельно, с привлечением всех письменных и массы археологических источников вопрос об историчности личности Артура рассмотрен английским историком и археологом Лесли Элкоком. (См.: Alcock L. *Op. cit.*). См. также: *The Arthurian encyclopaedia* / Ed. by N. Y. Lacy, etc. Woodbridge, 1986.

- ⁵⁸ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 577, 584, 592... P. 146–147.
- ⁵⁹ Beda Venerabilis. Historia... I, 15.
- ⁶⁰ Addyman P. V. A Dark Age settlement at Maxey, Northants // Medieval archaeology. 1964. № 8. P. 20–73; Barton K. J. Settlements of the Iron Age and pagan Saxon periods at Linford, Essex // Trans. of the Essex Archaeological soc. 1962. Vol. I. P. 57–104; Copley G. J. An archaeology of South East England...; Hodges R. The Anglo-Saxon achievement...; Leeds E. T. The distribution of the Angles and Saxons archaeologically considered // Archaeologia. 1945. Vol. 91. P. 1–106.
- ⁶¹ Hawkes C. F. C. The Jutes of Kent // Dark Age Britain. L., 1956. P. 91–111; Hodges R. The Anglo-Saxon achievement... P. 213; Myres J. N. L. Op. cit.; Idem. The English settlements. Oxford, 1986.
- ⁶² Kemble J. M. The Saxons in England: A history of the English commonwealth till the period of the Norman conquest. L., 1848. Vol. I. P. 97; Palgrave F. History of the Anglo-Saxons. Cambridge, 1921. P. 145 ff.; Seebohm F. The English village community. L., 1883. P. 414, 420.
- ⁶³ Так, «Англосаксонская хроника» исчисляет потери бриттов в некоторых сражениях 4–5 тысячами (!) человек, а Гильдас рисует драматическую картину того, как кельты искали спасения от свирепости англосаксов в глухих лесах, горах и пещерах. (The Anglo-Saxon Chronicle, a. 457, 508... P. 143, 144; Gildas Sapiens. Op. cit. I, 25.)
- ⁶⁴ Binchy D. A. Celtic and Anglo-Saxon kingship. Oxford, 1970. P. 14–15, 24, 28; Jackson K. H. Language and history... P. 97–117.
- ⁶⁵ Celt and Saxon / Ed. by N. K. Chadwick. Cambridge, 1963; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 46–49.
- ⁶⁶ Шевеленко А. Я. Из истории возникновения бретонской деревни в Арморике // Средние века. М., 1962. Вып. 22. С. 3–24.
- ⁶⁷ Подробнее об этом см.: Глебов А. Г. Adventus Saxonum и Litus Saxonicum: К вопросу об англосаксонском завоевании Британии // Исторические записки. Труды исторического факультета ВГУ. 1998. Вып. 3. С. 127–135.

- ⁶⁸ Blair P. H. An introduction... P. 49–54; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 32–44; Kirby D. P. The making of early England... P. 54–73.
- ⁶⁹ Copley G. J. The conquest of Wessex...; Hoskins W. G. The westward expansion of Wessex. Leicester, 1960.
- ⁷⁰ Ferguson W. Scotland's relations with England: A survey to 1700. Edinburgh, 1977. P. 47–54.
- ⁷¹ Beda Venerabilis. Historia... I, 34; II, 9-14; The Anglo-Saxon chronicle, a. 593, 603, 617, 633, 654... P. 147, 149, 150, 152.
- ⁷² The Anglo-Saxon chronicle, a. 688, 694, 705. См. также: Baker G. P. The fighting kings of Wessex: A gallery of portraits. N. Y., 1991. P. 87–114.
- ⁷³ Keynes S. Changing faces: Offa, king of Mercia // History today. 1990. Vol. 40. P. 14–19.
- ⁷⁴ Fisher D. J. V. Op. cit. P. 163–166; Fox C. The Western frontier of Mercia in the eighth century // Yorkshire Celtic studies. 1937–1938. P. 3–10; Idem. Offa's Dyke. L., 1955; Keynes S. Op. cit. P. 17–18; Stenton F. M. The supremacy of the Mercian kings // Stenton F. M. Preparatory to Anglo-Saxon England. Oxford, 1970. P. 186 ff.
- ⁷⁵ Anglo-Saxon Chronicle, a. 825... P. 171.
- ⁷⁶ Ibid., a. 829... P. 171.
- ⁷⁷ Beda Venerabilis. Historia... V, 24.
- ⁷⁸ Д. Уайтлок указывает на разночтения в написании этого термина, содержащиеся в различных рукописях, и предлагает в связи с этим другой возможный его перевод — «могущественный правитель». См.: English historical doc... P. 171, footnote 7.
- ⁷⁹ Whitelock D. The beginnings of English society... P. 48–49.
- ⁸⁰ Kirby D. P. The making of early England... P. 54–55.
- ⁸¹ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 76–77; John E. Orbis Britanniae, and other studies. Leicester, 1966. P. 22–23.
- ⁸² Beda Venerabilis. Historia... I, 16; II, 13; III, 8.
- ⁸³ Савело К. Ф. Указ. соч.; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 113–114; John E. Op. cit. P. 4–5.
- ⁸⁴ Fisher D. J. V. Op. cit. P. 115; John E. Op. cit. P. 14–15, 17; Stenton F. M. The supremacy of Mercian kings... P. 200–201.

- ⁸⁵ Несмотря на сомнения К. Ф. Савело, нам кажется вполне обоснованной точка зрения Э. Джона, который подчеркивает не только политические, но и материальные основы его власти, скажем, практику земельных пожалований церкви. См.: Савело К. Ф. Указ. соч. С. 77–78. Ср.: John E. Op. cit. P. 20, 22–24, 41–45.
- ⁸⁶ English historical documents... P. 778.
- ⁸⁷ Книга пророка Иеремии. I, 15 // Библия. М., 1993. С. 730.
- ⁸⁸ Anglo-Saxon Chronicle, a. 793... P. 167.
- ⁸⁹ Под 789 г., например, «Англосаксонская хроника» сообщает об убийстве королевского служащего морскими разбойниками, приплывшими на трех кораблях в Хэмвич. (Anglo-Saxon Chronicle, a. 789... P. 166.)
- ⁹⁰ История Норвегии. М., 1980. С. 100; Jones G. A history of the Vikings. N. Y.; Toronto, 1968. P. 75 ff.; Kendrick T. D. A history of the Vikings. L., 1930. P. 64–66; Sawyer P. H. Kings and Vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L., 1982. P. 114–120.
- ⁹¹ История Норвегии... С. 102–103; Bruce-Mitford R. L. S. The Sutton Hoo ship-burial. A handbook. L., 1968; Idem. Aspects of Anglo-Saxon archaeology: Sutton Hoo and other discoveries. L., 1974; Green C. Sutton Hoo: The excavations of the royal ship-burial. L., 1963.
- ⁹² В начале раннего средневековья даны жили по соседству с ютами — на полуострове Ютландия; гауты (геа-ты) занимали регион южной Швеции.
- ⁹³ Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 69–70; Leake J. A. The Geates of «Beowulf». L., 1967.
- ⁹⁴ Anglo-Saxon Chronicle, a. 800, a. 806, a. 814 а. о... P. 169–170.
- ⁹⁵ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 71–113; Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 15 сл.
- ⁹⁶ Подробнее об этом см.: Гуревич А. Я. Начало эпохи викингов: Проблемы духовной жизни скандинавов

- IX века — факты и гипотезы // Скандинавский сборник. Таллинн, 1967. Вып. 12.
- ⁹⁷ Arbman H. The Vikings. L., 1961. P. 48 ff.
- ⁹⁸ Anglo-Saxon Chronicle, a. 838... P. 172.
- ⁹⁹ Реконструируемая численность всех участников экспансии викингов в Западную Европу в 793–833 годах не превышала 17 тысяч человек. — См.: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 17.
- ¹⁰⁰ Anglo-Saxon Chronicle, a. 851, 835... P. 173, 172.
- ¹⁰¹ Ibid. a. 836, 840, 841... P. 172–173.
- ¹⁰² Ibid. a. 842... P. 173.
- ¹⁰³ То есть Кентербери.
- ¹⁰⁴ Anglo-Saxon Chronicle, a. 851... P. 173.

Глава II

Альфред Великий и его наследники. Политическая история Англии в конце IX — середине XI века

- ¹ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 866, 867, 868, 870 // English Historical Documents. L., 1955. Vol. I. P. 176–177. Далее «Англосаксонская хроника» цит. по этому изданию с указанием года и страницы.
- ² Derry Th. K. The martyrdom of St. Edmund, AD 869 // Hist. Tidskr. 1987. № 2. P. 157–163.
- ³ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 871... P. 177; Ассер. Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3 т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 315–316.
- ⁴ Литература, посвященная жизни и деятельности Альфреда Великого огромна. Из наиболее ценных работ см.: Abels R. P. Alfred the Great: war, kingship, and culture in Anglo-Saxon England. N. Y., 1998; Duckett E. S. Alfred the Great and his England. L., 1957; Frantzen A. J. King Alfred. Boston, 1986; Lees B. A. Alfred the Great, the truth teller, maker of England, 848–899. N. Y., 1915; Pauli R. The life of Alfred the Great. N. Y., 1968; Peddie J. Alfred: warrior

- king. Stroud, 1999; Plummer C. Life and times of Alfred the Great. N. Y., 1970; Smyth A. P. King Alfred the Great. Oxford; N. Y., 1995; Sturdy D. Alfred the Great. L., 1995; Woodruff D. The life and times of Alfred the Great. L., 1974.
- ⁵ В связи с этим Ассер рассказывает полуанекдотический эпизод, когда увлеченный молитвой король Этельред пропустил начало сражения и отдал командование в руки Альфреда. (Ассер. Указ. соч. С. 316.)
- ⁶ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 871, 872, 873, 874... P. 178; Ассер. Указ. соч. С. 316–317; Roger of Wendover. Flores Historiarum // English Historical Doc. P. 256.
- ⁷ Некоторые английские исследователи склонны видеть в этих поражениях главную причину последующей консолидации Уэссекса. См., например: Brooks N. P. England in the ninth century: the crucible of defeat // Royal historical soc. 1979. Vol. 29. P. 1–20.
- ⁸ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 875, 878... P. 178–179.
- ⁹ Ibid. P. 180; Ассер. Указ. соч. С. 318–319.
- ¹⁰ Davis R. H. Alfred and Guthrum's frontier // English historical review. 1982. Vol. 97. № 385. P. 803–810; Clarke R. East Anglia and the Danelaw. L., 1960; Fellows Jensen G. The Vikings in England: A review // Anglo-Saxon England. L., 1975. Vol. 4. P. 189–202; Graham-Campbell J. A. The Vikings in England // History today. 1982. Vol. 32. № 7. P. 40–43; Hart C. The Danelaw. L., 1992.
- ¹¹ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 882, 885... P. 181–182; Ассер. Указ. соч. С. 320–321.
- ¹² Cartularium Saxonicum, a collection of charters relating to Anglo-Saxon history / Ed. by W. de G. Birch. L., 1887. Vol. II. № 579; The defence of Wessex: the Burghal Hidage and Anglo-Saxon fortifications / Ed. by D. Hill and A. R. Rumble. Manchester, 1996; Hill D. The «Burghal Hidage»: the establishment of the text // Medieval Archaeology. 1969. Vol. 13. P. 84–92.
- ¹³ Подробнее о военной реформе Альфреда см.: Abels R. P. Lordship and military obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley, 1988. P. 57–78.
- ¹⁴ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 886, 900... P. 183.

- ¹⁵ Ibid., а. 892, 893... P. 184–187.
- ¹⁶ См.: Глебов А. Г. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // Право в средневековом мире. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 208 сл.; Савело К. Ф. Некоторые вопросы становления раннефеодального государства в Англии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 182–192. Подробнее эволюция государственно-политического строя Англии в эпоху Альфреда обсуждается в гл. 6.
- ¹⁷ King Alfred's West-Saxon version of Gregory's «Pastoral Care». L., 1930. Pt. 1. P. 2–3.
- ¹⁸ Ассер. Указ. соч. С. 327.
- ¹⁹ Duckett E. S. Op. cit. P. 99–103.
- ²⁰ King Alfred's West-Saxon version... P. 6–7.
- ²¹ См.: Howorth H. H. The Anglo-Saxon Chronicle, it's origin and history // The Archaeological j. 1908. Vol. 65. № 257. P. 144–204.
- ²² Эту дату называет продолжатель епископа Ассера. (См.: ii Ассер. Указ. соч. С. 336.) «Англосаксонская хроника» указывает ту же дату, но 900 года. (См.: The Anglo-Saxon Chronicle, а. 900... P. 189.) Как известно, эта часть хроники датирует события годом вперед, поэтому свидетельство, содержащееся в биографии Альфреда, выглядит предпочтительнее. (English Historical Doc. P. 184.)
- ²³ Так, против Эдуарда выступил Этельвольд, старший сын бывшего короля Уэссекса Этельреда, который, помимо всего прочего, вступил в союз с нортумбрийскими норманнами, избравшими его своим королем. (The Anglo-Saxon Chronicle, а. 900... P. 190.)
- ²⁴ The Anglo-Saxon Chronicle, а. 903, 906, 911–918... P. 191–198. Заметим, что сообщения, касающиеся Этельфлед, содержатся не в основном тексте хроники, а в более поздней компиляции — так называемой Mercian register, которая называет дочь Альфреда Великого «госпожой мерсийцев». См.: Stansbury D. The lady who fought the Vikings. South Brent, 1993; Wainwright F. T. Aethelflaed, Lady of the Mercians // The Anglo-Saxons. L., 1959. P. 53–69.

- ²⁵ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 920... P. 199.
- ²⁶ Ibid., a. 926, 927... P. 199–200.
- ²⁷ Наиболее подробное описание этой борьбы содержится в труде английского хрониста XII столетия Уильяма Мэлмсберийского. — William of Malmesbury. *De Gestis Regum Anglorum* // *English Historical Doc.* P. 277–280.
- ²⁸ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 937... P. 200–201; The battle of Brunanburgh. / Ed. A. Campbell. L., 1938. Рус. пер. см.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 133–137.
- ²⁹ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 940–946... P. 202–203. Наиболее подробен опять-таки более поздний хронист — Флоренций Уорчестерский, который сообщает, что причиной гибели Эдмунда был его сенешаль по имени Леофа, который инсценировал свое собственное ограбление: король погиб, пытаясь спасти его от разбойников. (Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon ex Chronicis // *Monum. Hist. Brit. L.*, 1848. Vol. I. P. 394–395.)
- ³⁰ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 954... P. 204; Roger of Wendover. *Op. cit.* P. 257.
- ³¹ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 955, 956... P. 205; Florentii Wigorniensis. *Op. cit.* P. 495.
- ³² Подробнее см.: Ward R. L. The coronation ceremony in medieval England // *Speculum.* 1939. Vol. 14. № 2. P. 160–178.
- ³³ По свидетельству Уильяма Мэлмсберийского, «Дунстан давал советы королю во всех делах государства. Знать не смела противоречить королю, зная, насколько их господин Дунстану послушен». (Willelmi Malmsbiriensis monachi de gestis pontificum anglorum libri quinque. L., 1870. P. 26–27. См. также: Memorials of Saint Dunstan, archbishop of Canterbury. L., 1874; Robinson J. A. The times of St. Dunstan. Oxford, 1923.)
- ³⁴ Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: К проблеме формирования английского народа. М., 1988. С. 178–189; Wormald P. *Engla Lond: The making of an allegiance* // *J. of historical sociology.* 1994. Vol. 7. № 1. P. 1–24.
- ³⁵ «Англосаксонская хроника» называет в качестве наиболее пострадавшего города Саутгемптон. (The Anglo-Saxon Chronicle, a. 980... P. 211.)

- ³⁶ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 992, 993, 994... P. 213–214. В 994 г., например, было выплачено 16 тысяч фунтов, но скандинавы тем не менее разграбили Кент, Эссекс, Суссекс и Гемпшир. Подробнее см.: Keynes S. The tale of two kings: Alfred the Great and Aethelred the Unready // Trans. of the Royal historical soc.: 5-th series. 1986. Vol. 36. P. 200–208.
- ³⁷ Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. с. 400–1042. L., 1993. P. 300–311; Keynes S. Op. cit. P. 210–214.
- ³⁸ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 1003–1010... P. 217–221.
- ³⁹ Ibid., a. 1012... P. 222.
- ⁴⁰ Ibid. A. 1002, 1007... P. 216–217, 219.
- ⁴¹ Lawson M. K. «Those stories look true»: levels of taxation in the reigns of Aethelred II and Cnut // English historical rev. 1989. Vol. 104, № 411. P. 385 ff.
- ⁴² The Anglo-Saxon Chronicle, a. 1013... P. 223.
- ⁴³ Ibid., a. 1014, 1015, 1016, 1017... P. 224–229; Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 592–593.
- ⁴⁴ Ibid., a. 1016... P. 228; Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 594.
- ⁴⁵ Корьев А. А. Наемная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI века // Пробл. социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 21–26.
- ⁴⁶ Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 596–598.
- ⁴⁷ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 1040, 1041, 1042... P. 234–235; Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 195–196.
- ⁴⁸ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 1041... P. 235; См. также: Barlow F. Edward the Confessor's early life, character and attitude // English historical rev. 1965. Vol. 80. № 315. P. 228–230.
- ⁴⁹ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 1042... P. 235; Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 197.
- ⁵⁰ Barlow F. Edward the Confessor. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 50 ff.
- ⁵¹ Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 199.
- ⁵² Ibid. P. 200, 204.
- ⁵³ Barlow F. Edward the Confessor... P. 96 ff.

- ⁵⁴ Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 203–204.
- ⁵⁵ Ibid. P. 205–206.
- ⁵⁶ Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 207; Simeonis Dunelmensis monachis historia de regibus Anglorum et Danorum // Monum. Hist. Brit... P. 647 ff. Подробнее о «нормандском завещании» Эдуарда Исповедника см.: Barlow F. Edward the Confessor... P. 116–117; John E. Edward the Confessor and the Norman succession // English historical rev. 1979. Vol. 94. № 371. P. 241–267.
- ⁵⁷ Barlow F. Edward the Confessor... P. 135–188.
- ⁵⁸ Ibid. P. 219–239.
- ⁵⁹ Florentii Wigorniensis. Op. cit. P. 226. Подробнее о нем см.: Walker I. W. Harold, the last Anglo-Saxon king. Stroud, 1997.
- ⁶⁰ Вильгельм Пуатье. Деяния Гильома, герцога Нормандии и короля Англии // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3 т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 836–837.
- ⁶¹ Simeonis Dunelmensis. Op. cit. P. 661.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid. P. 661–662.
- ⁶⁴ Вильгельм Пуатье. Указ. соч. С. 838.
- ⁶⁵ Gransden A. 1066 and all that revised // History today. 1988. Vol. 38. P. 48. Самое подробное изложение битвы при Гастингсе в современной литературе см.: Hingham N. J. The death of Anglo-Saxon England. Stroud, 1997.

Глава III

От язычества к христианству.

Религия и церковь в Англии в V–XI веках

- ¹ Monum. Germ. Hist. Epistolae. Berlin, 1895. Vol. 4. P. 183. Ингельд — один из персонажей скандинавской мифологии.
- ² Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 36; Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л., 1973. С. 19; Barley M. W., Hanson R. P. C. Christianity in Britain. Leicester,

1968. P. 16–17; Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1959. P. 116; Deansley M. The pre-Conquest church in England. L., 1963. P. 38; Edwards D. L. Christian England. L., 1982. Vol. 1. Its story to the reformation. P. 12; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. C. 400–1042. L., 1973. P. 68; Rollason D. Saints and relics in Anglo-Saxon England. Oxford; Cambridge, 1989. P. 31 а. о.
- ³ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis anglorum // Monumenta Historica Britannica. L., 1848. Vol. 1. P. 103–289. (далее: Beda Venerabilis. Historia... с указанием номера книги и главы); English historical documents / Ed. D. Whitelock. L., 1955. Vol. 1. C. 500–1042. P. 687–688 (далее: English Historical Documents..., с указанием страниц).
- ⁴ Королевство Дейра было расположено в южной части Нортумбрии; король Элла находился на его престоле с 560 по 590 гг.
- ⁵ Beda Venerabilis. Historia. II,1; English Historical Documents... P. 687.
- ⁶ English Historical Documents... P. 727.
- ⁷ О дате крещения Этельберта в литературе существует две основные точки зрения. Большинство исследователей склоняются к тому, что король Кента приобщился к христианству 1 июня 597 г. в числе десяти тысяч других англосаксов, о чем содержится сообщение в письме Григория I к епископу Александрии. Однако прямое указание на то, что Этельберт стал христианином в 597 г., в этом источнике отсутствует. Другая точка зрения исходит из того, что непосредственное упоминание о крещении кентского властителя находится лишь в одной из эпистол того же папы, относящейся к середине 601 г.; на этом основании утверждается, что оно произошло не ранее этой даты. См.: Blair P. H. Op. cit. P. 117; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 69–70. Ср.: Richardson H. G., Sayles G. O. The law and legislation in medieval England from Aethelbert to Magna Carta. Edinburgh, 1966. P. 162–166. На наш взгляд, однозначный ответ на вопрос о точной дате крещения первого англосаксонского короля-

- христианина вряд ли возможен. Действительно, о обращении самого Этельберта не упоминается ни в одном источнике ранее лета 601 г.; с другой стороны, трудно представить себе ситуацию столь массового крещения жителей Кента без согласия и личного участия его владыки. О роли королевской власти в христианизации англосаксов см.: Chaney W. A. *The cult of kingship in Anglo-Saxon England*. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 156–173.
- ⁸ Beda Venerabilis. *Historia*. I, 23–29.
  - ⁹ Addyman P. V. *York and Canterbury as ecclesiastical centres // European towns*. L., 1977. P. 499–500.
  - ¹⁰ Beda Venerabilis. *Historia*. I, 29–31.
  - ¹¹ *Ibid.* I, 29.
  - ¹² Bonser W. *Survivals of paganism in Anglo-Saxon England // Birmingham Archaeological Society. Transactions and proceedings for 1932*. Vol. 56. P. 37–47.
  - ¹³ Beda Venerabilis. *Historia*. II, 6–7.
  - ¹⁴ *Ibid.* I, 25.
  - ¹⁵ Tacit. *Germ.* 40 // P. Cornelius Tacitus. *Libri qui supersunt*. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 264; Bonser W. *Op. cit.* P. 40–41.
  - ¹⁶ *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2. С. 231, 571–572.
  - ¹⁷ *Заклинания // Древнеанглийская поэзия*. М., 1982. С. 24.
  - ¹⁸ *An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscripts of the late Joseph Bosworth / Edited and enlarged by T. N. Toller*. L., 1898. P. 234–235.
  - ¹⁹ *Select translations from Old English prose*. N. Y., 1908. P. 232.
  - ²⁰ *Beowulf*. Paderborn, 1958. Т. 1. 1562–1564. (Далее: *Beow.*, с указанием номера строфы).
  - ²¹ Jackson K. H. *Language and history in early Britain*. Edinburgh, 1953. P. 124.
  - ²² *Select translations...* P. 231.
  - ²³ Bonser W. *Op. cit.* P. 44–46; Jackson K. H. *Op. cit.*
  - ²⁴ Beda Venerabilis. *Historia*. I, 30.
  - ²⁵ *Select translations...* P. 233.
  - ²⁶ Шервуд Е. А. *Календарь у древних кельтов и германцев // Календарь в культуре народов мира*. М., 1993. С. 156.

- ²⁷ Bonser W. Op. cit. P. 56 ff.
- ²⁸ От др.-герм. *gaunen* — шептать.
- ²⁹ Bonser W. Op. cit. P. 64.
- ³⁰ Beda Venerabilis. Historia. II, 13.
- ³¹ Ibid.
- ³² Tacit. Germ. 10.
- ³³ Веов., 381–382, 700, 2166–2171, 2732–2740. Подробнее об этом см.: Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 68–114.
- ³⁴ English Historical Documents... P. 727–728.
- ³⁵ Beda Venerabilis. Historia. I, 27–28.
- ³⁶ См., например: Kirby D. P. The making of early England. L., 1967. P. 39–40.
- ³⁷ Садовская М. С. Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 69–94; Fishwick D. The imperial cult in Roman Britain // Phoenix. 1961. № 15. P. 159–173; Green M. J. The religions of civilian Roman Britain. Oxford, 1976; Harris E., Harris J. R. The Oriental cults in Roman Britain. Leiden, 1965.
- ³⁸ Широкова Н. С. Социально-политическая организация сословия друидов // Из истории античного общества. Горький, 1975. Вып. 1. С. 64–82; Она же. Кельтские друиды. Л., 1984; Chadwick N. K. The Druids. Cardiff, 1966.
- ³⁹ Донины А. У истоков христианства. М., 1979. С. 219, 249, 251.
- ⁴⁰ Суприянович А. Г. Христианство в Римской Британии // Античный вестник. Омск, 1993. Вып. 1. С. 139–142; Friend W. H. C. Religion in Roman Britain in the fourth century AD // Journal of the British Archaeological Association. 1955. Vol. 18. P. 1–18; Toynbee J. M. C. Christianity in Roman Britain // Ibid. 1953. Vol. 16. P. 1–24.
- ⁴¹ Myres J. N. L. Pelagianism and the end of Roman rule in Britain // Journal of Roman studies. 1960–1961. Vol. 50–51. P. 5–34.
- ⁴² Beda Venerabilis. Historia. I, 20.
- ⁴³ Eddius Stephanus. The life of bishop Wilfrid. Cambridge, 1985. P. 20–21.

- ⁴⁴ Fisher D. J. V. *Op. cit.* P. 58; Hughes K. *The church in early Irish society.* L., 1966. P. 48–50; Thomas C. *Britain and Ireland in early Christian times: AD 400–800.* L., 1971. P. 46. О раннесредневековом монашестве у германцев в целом см.: Усков Н. Ф. *Христианство и монашество в западной Европе раннего средневековья. Германские земли II/III – середина XI в.* СПб., 2001.
- ⁴⁵ Св. Патрику посвящена поистине необозримая литература. Из наиболее ценных работ см.: Bury J. B. *The life of Saint Patrick and his place in history.* L., 1905; Carney J. *The problem of Saint Patrick.* Dublin, 1961; MacNeil E. *Saint Patrick.* Dublin; L., 1964; Ryan J. *Irish monasticism: origin and early development.* Dublin, 1986; *Saint Patrick.* / Ed. by J. Ryan. Dublin, 1958. Вместе с тем многие связанные с ним проблемы до сих пор остаются открытыми; даже традиционная датировка его деятельности в Ирландии подвергается сомнению. См.: O’Rahilly T. F. *The two Patricks.* Dublin, 1977.
- ⁴⁶ *The course of Irish history.* Dublin, 1993. P. 61; Hughes K. *Op. cit.* P. 24 ff.; Thomas C. *Op. cit.* P. 34 ff.
- ⁴⁷ Во всяком случае, одно из первых житий «крестителя Ирландии», относящееся к VII в., называя его учеником уже упоминавшегося св. Германия из Оксера, одновременно специально подчеркивает приверженность Патрика принципам христианского аскетизма. (См.: *The works of St. Patrick.* Westminster (Md.); Dublin, 1953. P. 28.)
- ⁴⁸ Beda Venerabilis. *Historia.* III, 4.
- ⁴⁹ Ирландская Церковь исходила в своих подсчетах этой, как известно, передвигающейся даты из 84-летнего цикла, в то время как в римско-католической Церкви после 455 г. был принят цикл из 19 лет, разработанный Дионисием Экзегетом. (Jones C. W. *Saints’ lives and chronicles in early England.* Cornell, 1968. P. 36 ff.)
- ⁵⁰ Adomnan’s *life of Saint Columba.* L., 1906. См. также: *English Historical Documents...* P. 690–691.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 24 ff.
- ⁵² *The course of Irish history...* P. 67–69; Duke J. A. *The Columban church.* Oxford, 1932.

- ⁵³ Beda Venerabilis. Historia. III, 4.
- ⁵⁴ Adomnan's life of Saint Columba... P. 48.
- ⁵⁵ The course of Irish history... P. 68.
- ⁵⁶ Adomnan's life of Saint Columba... P. 36 ff.
- ⁵⁷ Ibid. P. 48 ff. См. также: Безрогов В. Г. Ранние монастырские общины Британских островов: св. Колумба и обитель на острове Иона // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992. С. 120–122.
- ⁵⁸ Fisher D. J. V. Op. cit. P. 62.
- ⁵⁹ Beda Venerabilis. Historia. II, 9.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Ibid. II, 12.
- ⁶² Ibid. II, 12–14. Существует, однако, мнение, опирающееся на уэльские источники, что Эдвин был крещен не Паулином, а неким кельтским священником. См. Brooke С. The Saxon and Norman kings. L., 1963. P. 106–108.
- ⁶³ Beda Venerabilis. Historia. II, 15–16.
- ⁶⁴ Ibid. III, 1.
- ⁶⁵ Ibid. III, 3.
- ⁶⁶ Ibid. III, 3–6.
- ⁶⁷ Fisher D. J. V. Op. cit. P. 76.
- ⁶⁸ «Англосаксонская хроника» указывает на 635 г. См.: Anglo-Saxon chronicle // English Historical Documents... P. 151; Д. Кирби, однако, ссылаясь на нортумбрийские источники, утверждает, что крещение Кинегильса не могло состояться ранее 636 г., поскольку только в этом году Освальд прибыл со сватовством в Уэссекс. См.: Kirby D. P. Bede's native sources for the «Historia Ecclesiastica» // The bulletin of the John Rylands University library of Manchester. 1966. Vol. 48. P. 368.
- ⁶⁹ Beda Venerabilis. Historia. III, 7.
- ⁷⁰ Chaney W. A. Op. cit. P. 165.
- ⁷¹ Stenton F. M. The supremacy of the Mercian kings // Idem. Preparatory to Anglo-Saxon England. Oxford, 1970. P. 186 ff.
- ⁷² Beda Venerabilis. Historia. III, 21.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ Помимо упомянутых выше можно в этом смысле указать на весьма дружеские отношения, связывавшие

епископа Эссекса Чедда, исповедовавшего ирландский вариант христианства и представлявшего католическую ортодоксию епископа Рочестера Ифамара, а также на принятие римско-католической даты праздника Пасхи собором южно-ирландского духовенства в Дарроу в 630 г. (См.: *The course of Irish history...* P. 88–89; Ryan J. *Op. cit.* P. 368–370.)

- ⁷⁵ По мнению некоторых английских ученых, в рассматриваемый период наблюдалось не расхождение, а сближение позиций кельто-ирландской и ортодоксально-католической Церквей. См.: Blair P. H. *Op. cit.* P. 129–130; Fisher D. J. V. *Op. cit.* P. 82–83; Kirby D. P. *The making of early England...* P. 46–47. В обоснование своей точки зрения они ссылаются на то, что, например, король Освальд не воспрепятствовал проповеди Биринуса в Уэссексе. Не следует забывать, однако, что король Нортумбрии в это время был слишком занят своим соперничеством с Мерсией, претендовавшей на гегемонию во всей южной и центральной Англии, чтобы отвлекаться на противодействие небольшой католической миссии.
- ⁷⁶ См., например, его описание диспута некоего Ронана с аббатом Линдисфарна Финаном, в котором последний одержал верх. — Beda Venerabilis. *Historia*. III, 25.
- ⁷⁷ *Ibid.* II, 2.
- ⁷⁸ *Ibid.* III, 25.
- ⁷⁹ *Ibid.*
- ⁸⁰ Eddius Stephanus. *Op. cit.* P. 21 ff.
- ⁸¹ Beda Venerabilis. *Historia*. III, 25; Eddius Stephanus. *Op. cit.* P. 22.
- ⁸² Beda Venerabilis. *Ibid.*
- ⁸³ Eddius Stephanus. *Op. cit.*
- ⁸⁴ Blair P. H. *Op. cit.* P. 130–131; Kirby D. P. *The making of early England...* P. 47.
- ⁸⁵ Beda Venerabilis. *Historia*. III, 26. Деусдедит, кстати, был первым саксом, ставшим архиепископом Кентерберийским.
- ⁸⁶ Fisher D. J. V. *Op. cit.* P. 89–101.
- ⁸⁷ Gransden A. *The legends and traditions concerning the origins of the abbey of Bury St. Edmunds // English historical review*. 1985. Vol. 100. № 394. P. 4.

- ⁸⁸ English Historical Documents... P. 708–712.
- ⁸⁹ Местонахождение до сих пор не идентифицировано.
- ⁹⁰ Blair P. H. Op. cit. P. 160–162.
- ⁹¹ Beda Venerabilis. Historia. V, 23.
- ⁹² English Historical Documents... P. 735–745.
- ⁹³ Blair P. H. Op. cit.
- ⁹⁴ English Historical Documents... P. 774–775, 778–779, 788–791.
- ⁹⁵ Crawford S. J. Anglo-Saxon influence on Western Christendom. Oxford, 1933; Duckett E. S. Anglo-Saxon saints and scholars. N. Y., 1948.
- ⁹⁶ Jackson K. H. Op. cit. P. 118–120; Wainwright F. T. Archaeology and place-names and history. L., 1962. P. 68 ff.
- ⁹⁷ Мельникова Е. А. Меч и лира... С. 42.
- ⁹⁸ Fleming R. Monastic lands and England's defense in the Viking age // English historical review. 1985. Vol. 100. № 395. P. 247–265.
- ⁹⁹ English Historical Documents... P. 813.
- ¹⁰⁰ Fleming R. Op. cit. P. 256.
- ¹⁰¹ English Historical Documents... P. 811–812.
- ¹⁰² Fleming R. Op. cit.
- ¹⁰³ Blair P. H. Op. cit. P. 172.
- ¹⁰⁴ Select translations... P. 87.
- ¹⁰⁵ Blair P. H. Op. cit. P. 173–178; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 281–297; John E. Orbis Britanniae, and other studies. Leicester, 1966. P. 177–181; Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1947. P. 427–462, а. о.
- ¹⁰⁶ English Historical Documents... P. 828, 834, 839; Memorials of St. Dunstan, archbishop of Canterbury. L., 1874. P. 384–386.
- ¹⁰⁷ The Anglo-Saxon chronicle, a. 963 // English Historical Documents... P. 206.
- ¹⁰⁸ Symons T. The Regularis Concordia. L., 1963.
- ¹⁰⁹ Цит. по: John E. Op. cit. P. 155.
- ¹¹⁰ Select translations... P. 284–287.
- ¹¹¹ Ibid. P. 281–284.
- ¹¹² English Historical Documents... P. 848; Cartularium Saxonicum: a collection of charters relating to Anglo-Saxon history. L., 1893. Vol. 3. № 1168.

- ¹¹³ Select translations... P. 279–280, 281–283.
- ¹¹⁴ Darlington R. Ecclesiastical reform in the late Old English period // English historical review. Vol. 51. № 203. P. 387; John E. Op. cit. P. 154–180.
- ¹¹⁵ Так, в «Правде Альфреда» нарушение поручительства архиепископа каралось штрафом, всего на два фунта меньшим аналогичного возмещения королю, а штраф за нарушение поручительства епископа приравнивался к такому же штрафу в пользу эрла. См.: Aelfred, 3 // Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. S. 48–89. Далее ссылки на англосаксонские королевские законы даются по этому изданию с указанием титула и (при необходимости) параграфа.
- ¹¹⁶ VIII Aethelred, 28; Northleoda laga, 2; 3; 5.
- ¹¹⁷ VI Aethelred, 45; VIII Aethelred, 26; 33; Had-bot, 2–8.
- ¹¹⁸ Уже в законах кентского короля Уитреда (конец VII в.) дана формула присяги, которой очищали себя от обвинения англосаксонские клирики: «Истину говорю во Христе, не лгу». (Wihtraed, 18.)
- ¹¹⁹ VIII Aethelred, 19–22.
- ¹²⁰ VI Aethelred, 1; I Cnut, 5.
- ¹²¹ VI Aethelred, 9; Northhymbra preosta lagu, 54; VII Aethelred, 2, § 4; II Cnut, 45.
- ¹²² Если Д. Лэйнг и Р. Ллойд, например, считают, что язычество в различных его формах сохранялось в Англии вплоть до нормандского завоевания и даже позже, то Дж. Фишер не придает его рецидивам серьезного значения. См.: Laing J., Lloyd R. Anglo-Saxon England. L., 1979. P. 99, 160; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 295–296.
- ¹²³ См. гл. 5 и 6.
- ¹²⁴ Blair P. H. Op. cit. P. 181 ff.; Deansley M. The Anglo-Saxon church and Papacy // The English church in the middle ages. N. Y., 1965. P. 26–62; Stenton F. M. Op. cit. P. 461 ff.
- ¹²⁵ Bethurum D. The homilies of Wulfstan. Oxford, 1957; Godden M. R. Aelfric and Anglo-Saxon kingship // English historical rev. 1987. Vol. 102. № 405. P. 911–915; McGatch M. Preaching and theology in Anglo-Saxon England: Aelfric and Wulfstan. Toronto, 1977.

- ¹²⁶ Cutts E. Parish priests and their peoples in the middle ages in England. N. Y., 1970. P. 48ff.
- ¹²⁷ English Historical Documents... P. 414–416; I Cnut, 19, § 1; 22; II Cnut, 5, § 1; 45, § 2–3; 47.

Глава IV

«...в согласии с пахарем...»

Хозяйственно-экономический строй Англии в раннее средневековье

- ¹ К середине 80-х гг. количество публикаций, так или иначе посвященных аграрной истории англосаксонского периода, достигло более трех тысяч наименований. См.: Bonser W. An Anglo-Saxon and Celtic bibliography (450–1087). Oxford, 1987. P. XIII.
- ² Этот факт признается самими английскими археологами. См.: Hodges R. The Anglo-Saxon achievement: Archaeology and the beginnings of English society. Ithaca; L., 1989. P. 199–200; Myres J. N. L. The English settlements. Oxford, 1986. P. XXVIII.
- ³ An historical geography of England. Cambridge, 1951. P. 114–119.
- ⁴ Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973. С. 58; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3 т. М., 1985. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 277.
- ⁵ Finberg H. P. R. Roman and Saxon Withington. Leicester, 1955. P. 84; Idem. Lucerna: Studies of some problems in the early history of England. L.; N. Y., 1964. P. 21 ff.; Lindsey J. Arthur and his times.: Britain in the dark ages. L., 1958. P. 278–290; Collingwood R. G. Roman Britain and the English settlements. Oxford, 1945. P. 451.
- ⁶ Myers J. N. L. Op. cit. P. 32–34.
- ⁷ Cartularium Saxonicum, a collection of charters relating to Anglo-Saxon history. L., 1885–1893. Vol. 1–3. № 27, 102, 190, 209, 230, 244, 477, 491. Далее ссылки на грамоты даются по этому изданию, с указанием номера грамоты.
- ⁸ Aethelbert, 3, 17, 77,1; Hlothære, Eadric, 5, 15 // Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Bd. 1. S. 3–11.

Далее ссылки на англосаксонские королевские законы даются по этому изданию, с указанием титула и (при необходимости) параграфа.

- ⁹ *Cartularium Saxonicum...* № 32, 64, 81, 218.
- ¹⁰ В дарственных грамотах, относящихся к Уэссексу, например, упоминаются пожалования части деревни в 130–140 дворов. См.: *Cartularium Saxonicum...* № 27, 63, 70.
- ¹¹ Данные раскопок в Челтоне (графство Эссекс). См.: Laing L., Laing J. *Anglo-Saxon England*. L., 1979. P. 46–47.
- ¹² Наиболее ранний юридический памятник англосаксов — законы кентского короля Этельберта (560–616) — устанавливает штраф за насильственное вторжение «во двор», а сборник уэссекского короля Инэ (688–725) обязывает домохозяина держать свой «двор» огороженным в течение круглого года. См.: *Aethelbert*, 17; *Ine*, 40.
- ¹³ *Tacit. Germ. 5.* // P. Cornelius Tacitus. *Libri qui supersunt. Lipsiae*, 1960. Bd. I. S. 248.
- ¹⁴ *Cartularium Saxonicum...* № 175, 247, 429, 496, 583, 618 а. о.; Авдеева К. Д. Указ. соч. С. 60–61.
- ¹⁵ См.: Гуревич А. Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // *Средние века*. М., 1955. Вып. 7. С. 27–46.
- ¹⁶ *An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscripts of the late Joseph Bosworth / Edited and enlarged by T. N. Toller*. L., 1898. P. 264–265, 989.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 186–188.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 260–262.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 96–97.
- ²⁰ *Cartularium Saxonicum...* № 32, 147, 198, 214, 496, 880.
- ²¹ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 37 сл.
- ²² *Cartularium Saxonicum...* № 214, 496, 780.
- ²³ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 36–37; McGovern J. F. *The hide and related land-tenure concepts in Anglo-Saxon England, AD 700–1100* // *Traditio*. 1972. Vol. 28. P. 101–118.
- ²⁴ *Cartularium Saxonicum...* № 71, 95, 210; Kirby D. P. *The making of early England*. L., 1967. P. 231–232.

- ²⁵ Cartularium Saxonicum... № 1095, 1120, 1181, 1280; Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X — начале XI в. // Средние века. М., 1957. Вып. 9. С. 79–82.
- ²⁶ Be gesceadwisan gerefan, 8, 9, 11, 12 // Die Gesetze... Bd. 1. S. 453–455 (далее — Gerefa, с указанием титула).
- ²⁷ The Agrarian history of England and Wales. Cambridge, 1972. Vol. 1. P. 397–399; Collingwood R. G. Op. cit. P. 210 ff.
- ²⁸ Manning W. H. The plough in Roman Britain // Journal of Roman studies. 1964. Vol. 54. P. 54–65.
- ²⁹ Ine, 59,1; 70,1; Gerefa, 9; Rectitudines singularum personarum, 4,1 // Die Gesetze... Bd. 1. S. 444–453 (далее — Rectitudines, с указанием титула и параграфа).
- ³⁰ Aelfric's colloquy. L., 1939. P. 25.
- ³¹ Kirby D. P. Op. cit. P. 233–234.
- ³² Biddick K. Decolonizing the English past // Journal of British studies. 1993. Vol. 32. № 1. P. 15–16.
- ³³ Cartularium Saxonicum... № 175, 247, 429, 583, 618 а. о.
- ³⁴ Gerefa, 10, 11, 12; Aelfric's colloquy... P. 36.
- ³⁵ Gerefa, 10; Rectitudines, 6, 1–2.
- ³⁶ Hlothaere, Eadric, 16; Ine, 17, 25, 56; Aelfred, 5,5, 9,2; 16; 34; I Eadweard, 1; II Aethelstan, 10, 12, 13.
- ³⁷ Anglo-Saxon settlements. Oxford; N. Y., 1988. P. 136–148; Myres J. N. L. Op. cit. P. 184–190; Hodges R. Op. cit. P. 110 ff.
- ³⁸ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. III, 14 // Monum. Hist. Brit. L., 1848. Vol. 1. P. 184. Далее «История» Беды цит. по этому изданию с указанием номера книги и параграфа.
- ³⁹ Hodges R. Op. cit. P. 111.
- ⁴⁰ Salzman L. F. English trade in the middle ages. Oxford, 1931. P. 37.
- ⁴¹ Мы уже упоминали о значении свиноводства, нашедшем широкое отражение в земельных грамотах. В королевском законодательстве этим животным также уделяется большое внимание, что заставляет вспомнить «свиную» терминологию «Салической правды». См.: Ine, 49; VI Aethelstan, 6,2.
- ⁴² VI Aethelstan, 6,2.

- ⁴³ Ibid., 6,1; II Aethelstan, 18.
- ⁴⁴ Select translations from old English prose. N. Y., 1908. P. 110.
- ⁴⁵ Ine, 70,1; Cartularium Saxonicum... № 145, 247, 622.
- ⁴⁶ Aelfred, 23.
- ⁴⁷ Cartularium Saxonicum... № 560, 622; Rectitudines, 5.
- ⁴⁸ По судебнику Альфреда штраф за кражу пчел составлял 60 шиллингов. (Aelfred, 9,2.)
- ⁴⁹ Ine, 70,1; Cartularium Saxonicum... № 594, 928; Rectitudines, 4,5.
- ⁵⁰ Kirby D. P. Op. cit. P. 236–237.
- ⁵¹ По сообщению Беды Почтенного, обычная рыбацья лодка в конце VII в. стоила 60 шиллингов. (Select translations... P. 245.)
- ⁵² Cartularium Saxonicum... № 720; Rectitudines, 4, 5, 16.
- ⁵³ Aelfric's colloquy... P. 29.
- ⁵⁴ Литература, посвященная англосаксонским городам и городскому развитию, весьма обширна. В отечественной медиевистике это прежде всего фундаментальные исследования Я. А. Левицкого. См.: Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л., 1960; Он же. Город и феодализм в Англии. М., 1987. Из наиболее важных англо-американских публикаций см.: Beresford M. W., Finberg H. P. English medieval borough: A handlist. Newton Abbot, 1973; Hodges R. Dark age economics: the origin of towns and trade, AD 600–1000. L., 1982; Loyn H. R. Towns in late Anglo-Saxon England // England before the Conquest. Cambridge, 1971; Platt C. The English medieval town. L., 1981; Stephenson C. Borough and town. A study of urban origins in England. Cambridge (Mass.), 1933; Tait J. The medieval English borough. Studies on it's origin and constitutional history. Manchester, 1936.
- ⁵⁵ An Anglo-Saxon dictionary... P. 128 ff.
- ⁵⁶ Aelfred, 40.
- ⁵⁷ The Anglo-Saxon chronicle, a. 754, 877, 885, 921, 1010 // English Historical Documents. L., 1955. Vol. 1. P. 162, 179, 181–182, 199, 220–221.
- ⁵⁸ An Anglo-Saxon dictionary... P. 568.

- ⁵⁹ *Cartularium Saxonicum*... № 426.
- ⁶⁰ Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 85–100.
- ⁶¹ *An Anglo-Saxon dictionary*... P. 304.
- ⁶² Hill D. H. *Continuity from Roman to medieval: Britain // European towns*. L., 1977. P. 296–297.
- ⁶³ Hodges R. *Dark age economics*... P. 16–35; Marsden P. *Roman London*. L., 1980. P. 44 ff.; Platt C. *Op. cit.* P. 24–48; Reece R. *Town and country: The end of Roman Britain // World archaeology*. 1980. Vol. 12. № 10. P. 77–92.
- ⁶⁴ Finberg H. P. R. *Roman and Saxon Withington*... P. 88–110.
- ⁶⁵ Левицкий Я. А. Город и феодализм... С. 243.
- ⁶⁶ Addyman P. V. *York and Canterbury as ecclesiastical centres // European towns*. L., 1977. P. 499–509.
- ⁶⁷ Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 17; Он же. *Город и феодализм*... С. 251–253.
- ⁶⁸ Haslam J. *Market and fortress in England in the reign of Offa // World archaeology*. 1987. Vol. 19. № 1. P. 76–93.
- ⁶⁹ Hill D. H. *Op. cit.* P. 298. Архиепископ Йоркский Вульфстан (?–1023), однако, насчитывал там до 30 тысяч жителей. (*The Sermon of the Wolf to the English // English Historical Documents*. L., 1955. Vol. 1. P. 857.)
- ⁷⁰ Hill D. H. *Op. cit.* P. 299 ff.
- ⁷¹ Barlow F., Biddle M., a. o. *Winchester in the early middle ages: An edition and discussion of the Winton Domesday*. Oxford, 1976.
- ⁷² На значительную величину запасов перечисленных металлов указывал еще Беда Почтенный. (*Beda Venerabilis. Historia*. I, 1.)
- ⁷³ *Op. cit.* III, 25; Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 143–144.
- ⁷⁴ Salzman L. F. *English industries in the middle ages*. Oxford, 1923. P. 69–70.
- ⁷⁵ *Ibid.* P. 84–86.
- ⁷⁶ Nennius. *Historia Brittonum // Monum. Hist. Brit.* L., 1848. Vol. 1. P. 64.
- ⁷⁷ Каменный уголь для плавки металлов англосаксами, видимо, не применялся.
- ⁷⁸ Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 160 сл.
- ⁷⁹ *Ine*, 63.

- ⁸⁰ Aelfric's colloquy... P. 40.
- ⁸¹ English Historical Documents... P. 781.
- ⁸² Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 49 сл., 150–151.
- ⁸³ Hodges R. Dark age economics... P. 168–184.
- ⁸⁴ English Historical Documents... P. 557–560.
- ⁸⁵ Левицкий Я. А. Города и городское ремесло С. 152–153.
- ⁸⁶ Aelfric's colloquy... P. 38–40.
- ⁸⁷ Hlothaere, Eadric, 15.
- ⁸⁸ Ibid., 16, 1,2,3.
- ⁸⁹ Ine, 25.
- ⁹⁰ Hlothaere, Eadric, 16.
- ⁹¹ Beda Venerabilis. Historia... II, 3.
- ⁹² Cartularium Saxonicum... № 149, 152, 171, 188 а. о.
- ⁹³ Левицкий Я. А. Города и городское ремесло... С. 27–35.
- ⁹⁴ Aelfred, 34.
- ⁹⁵ См., например, так называемый I Закон Эдуарда Старшего (899–924): I Eadward, 1.
- ⁹⁶ II Aethelstan, 12.
- ⁹⁷ Левицкий Я. А. Город и городское ремесло... С. 137–140.
- ⁹⁸ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948. С. 147–148.
- ⁹⁹ Triens (мн. ч. trientes) — в Древнем Риме 1/3 асса (медного); в позднеримский период — золотая монета, идентичная по ценности с появившейся позже тремиссой. Tremisses — 1/3 золотого солида, введенного императором Константином в 312 году. От латинского tremisses происходит и древнеанглийское thrums — тримса, монетная единица, фигурирующая в англосаксонском законодательстве вплоть до XI столетия. В последующем равнялась трем пеннигам.
- ¹⁰⁰ Михалевский Ф. И. Указ. соч. С. 188.
- ¹⁰¹ Там же. С. 189.
- ¹⁰² Манкуз был равен 30 пеннигам. Blunt C. E. Offa's coinage // Anglo-Saxon coins. L., 1961. P. 184–186.
- ¹⁰³ III Aethelred, 8, 1,2.
- ¹⁰⁴ II Aethelstan, 14, 1; IV Aethelred, 5–9.

Глава V

«Кэрлы и эрлы»:

социальное развитие англосаксонского общества

- ¹ Гуревич А. Я. Начальный этап феодального развития Англии // Учен. зап. Калнининского пед. ин-та. 1956. Т. 19. Вып. 1. С. 125–126; Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 73–74; Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 14; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 7; Alcock L. Arthur's Britain: History and archaeology. L., 1973. P. 278 ff.; Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956. P. 194; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. С. 400–1042. N. Y., 1993. P. 22 ff.; Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971. P. 3–5; Whitelock D. The beginnings of English society. Harmondsworth, 1952. P. 11 ff.
- ² Cartularium Saxonicum: A collection of charters, relating to Anglo-Saxon history. L., 1885. Vol. 1. № 27, 64, 74, 90.
- ³ Ibid., № 190, 449; Ine, 42. Здесь и далее англосаксонские королевские законы приводятся по изданию: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. 1, с указанием титулов и (при необходимости) параграфов соответствующих судебныхников.
- ⁴ Cartularium Saxonicum... № 6, 12, 13, 25, 27, 45.
- ⁵ Ср.: Соколова М. Н. Свободная община в процессе закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // Средние века. М., 1955. Вып. 6. С. 35–42.
- ⁶ Cartularium Saxonicum... № 27, 63, 70; Aethelbert, 17, 27, 29; Hlothære, Eadric, 11, 14, 15; Ine, 40, 42.
- ⁷ Как и у других германских народов такая компенсация у англосаксов именовалась «вергельдом» (*wergild* – «цена человека»). Употреблялись как взаимозаменяемые и другие термины – *leodgeld*, *for geld*. (An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscripts of the late Joseph Bosworth / Edited and enlarged by T. Northcote Toller. L., 1898. P. 996–997.)

- ⁸ VI Aethelstan, 12, § 2; II Eadgar, 1, § 1,3.
- ⁹ II Eadmund, 1, § 1.
- ¹⁰ Tacit. Germ., XII // P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 244; Aethelbert, 21, 26.
- ¹¹ Aelfred, 26, 27, § 1.
- ¹² Aethelbert, 23; Aelfred, 27.
- ¹³ Be werum, 5.
- ¹⁴ Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 123.
- ¹⁵ Ine, 23.
- ¹⁶ Aelfred, 1, § 1; 1, § 2; 5, § 3; 28, а. о.
- ¹⁷ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. III, 18 // Monum. Hist. Brit. L., 1848. Vol. I. P. 160.
- ¹⁸ Цит. по: The heads of religious houses of England and Wales. Cambridge, 1972. P. 148.
- ¹⁹ II Eadmund, например, целиком посвящен его правовому регулированию.
- ²⁰ Lawson M. K. Archbishop Wulfstan and the homiletic element in the laws of Aethelred II and Cnut // English historical review. 1992. Vol. 107, № 424. P. 565–586.
- ²¹ Aethelbert, 77; 77, § 1; Aelfred, 8, § 3; 9.
- ²² Aethelbert, 81; Ine, 38.
- ²³ Ine, 15; 46, § 2; II Aethelstan, 8; VI Aethelstan, 12, § 2.
- ²⁴ Aelfred, 4, § 2.
- ²⁵ См.: Глебов А. Г. К вопросу об общественном строе Кента и Уэссекса в ранний англосаксонский период // Средневековая Европа: История и историография. Воронеж, 1997. С. 3–21.
- ²⁶ Hlothaere, Eadric, 1.
- ²⁷ Aethelbert, 21; Hlothaere, Eadric, 3.
- ²⁸ Aethelbert, 26.
- ²⁹ Ibid., 10; 11; 16; Hlothaere, Eadric, 1–4.
- ³⁰ Aethelbert, 17; 27–29; Cartularium Saxonicum... № 25, 35, 42, 190, 365.
- ³¹ В титуле 7 «Правды Этельберта» в числе лично зависимых людей назван кузнец, а в титулах 11 и 16 упоминаются домашние служанки. (Aethelbert, 7; 11; 16.)
- ³² Aethelbert, 80.
- ³³ Hlothaere, Eadric, 6; 11; 12; 14.

- ³⁴ Виноградов П. Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. М., 1887. С. 246–247; Гуревич А. Я. Англосаксонский фолкленд и древненорвежский одалъ // Средние века. М., 1967. Вып. 30. С. 67–70, 76.
- ³⁵ Aethelbert, 15.
- ³⁶ Ibid., 25.
- ³⁷ Aethelbert, 33–72; 6; 21; 30; 27–31; 17–20; Wihtraed, 21; 26, § 1; Hlothaere, Eadric, 8–10; 16; 16, § 2. Подробнее об участии кэрлов в военных структурах ранних англосаксонских королевств см.: Глебов А. Г. Насколько свободны были англосаксонские кэрлы VII–IX веков? К толкованию титула 51 законов Инэ // Исторические записки. Труды исторического факультета ВГУ. 1997. Вып. 2. С. 79–93.
- ³⁸ Stenton F. M. Op. cit. P. 285 ff.
- ³⁹ Савело К. Ф. Указ. соч. С. 19–20; Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII–X вв. // Средние века. М., 1958. Вып. 12. С. 15; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 121–122; Whitelock D. Op. cit. P. 34–35.
- ⁴⁰ Aethelbert, 21.
- ⁴¹ Aethelbert, 13; 14; Hlothaere, Eadric, 1; 2.
- ⁴² Wihtraed, 5; 20.
- ⁴³ Aethelbert, 75; 75, § 1.
- ⁴⁴ Ibid., 8; 15.
- ⁴⁵ Ibid., 1; 4; 9; 17; 25; 28. См.: Савело К. Ф. Указ. соч. С. 21; Соколова М. Н. Свободная община в процессе закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // Средние века. М., 1955. Вып. 6. С. 46.
- ⁴⁶ Seebohm F. The English village community. L., 1904. P. 144, 420.
- ⁴⁷ Abels R. P. Op. cit. P. 11–37; John E. Orbis Britanniae. Leicester, 1966. P. 22–23, 140–142; Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. L., 1970. P. 213 ff.; Lyon B. A. Constitutional and legal history of medieval England. N. Y., 1960. P. 67–82.
- ⁴⁸ Blair P. H. Op. cit. P. 194–245; Fisher D. J. V. Op. cit. P. 121–140; Maitland F. The constitutional history of Eng-

- land. Cambridge, 1908. P. 72; Richardson H. G., Sayles G. O. The governance of medieval England. Edinburgh, 1963. P. 5 ff.; Stenton F. M. Op. cit. P. 688 ff.
- ⁴⁹ Подробную критику западных концепций происхождения раннесредневековой знати см.: Барг М. А. Проблемы социальной истории. М., 1973. С. 12–149.
- ⁵⁰ Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937. С. 36–59.
- ⁵¹ Гуревич А. Я. Мелкие вотчинники в Англии раннего средневековья // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. 8. № 6. С. 547–555; Он же. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4. С. 49–73; Он же. Начальный этап феодального развития Англии...; Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 73 сл., 132; Савело К. Ф. Указ. соч. С. 81 сл.; Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения... С. 5–30.
- ⁵² Ср.: Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований... С. 51 сл.; Савело К. Ф. Указ. соч. С. 96–97; Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения... С. 29–30.
- ⁵³ Aethelbert, 2; 6; Hlothaere, Eadric, 9; 14; Wihtraed, 1. Лишь в судебнике Уитреда термин «господин» употреблен применительно к владельцу раба. — Wihtraed, 9–10.
- ⁵⁴ Aethelbert, 10; 11; 14; 16; Hlothaere, Eadric, 1–4; Wihtraed, 9; 10; 13; 27.
- ⁵⁵ Aethelbert, 26.
- ⁵⁶ Савело К. Ф. Указ. соч. С. 20–21; Соколова М. Н. К вопросу о положении полусвободных в англосаксонском обществе // Средние века. М., 1964. Вып. 26. С. 86; Шервуд Е. А. Указ. соч. С. 136; Davies W. Land and power in early medieval Wales // Past and present. 1978. № 81. P. 4–5.
- ⁵⁷ Шервуд Е. А. Указ. соч. С. 137 сл.
- ⁵⁸ Aethelbert, 10; 11; 14; 15.
- ⁵⁹ Гуревич А. Я. Начальный этап феодального развития Англии... С. 145 сл.

- ⁶⁰ Соколова М. Н. К вопросу о положении полусвободных... С. 88–89.
- ⁶¹ Aethelbert, 86–88; Hlothaere, Eadric, 1–3; Wihtraed, 9; 10; 23; 24.
- ⁶² Hlothaere, Eadric, 1; 3.
- ⁶³ Aethelbert, 85; 86; Wihtraed, 24; 32.
- ⁶⁴ Wihtraed, 9; 10; 13.
- ⁶⁵ Aethelbert, 43.
- ⁶⁶ Aethelbert, 16; 85–87; Wihtraed, 9; 10; 13; 15.
- ⁶⁷ Wihtraed, 8.
- ⁶⁸ Соколова М. Н. К вопросу о положении полусвободных... С. 93–94. Точности ради следует заметить, что первый известный нам документ, свидетельствующий отпуск рабов на волю, относится к середине 20-х гг. X столетия. См.: English historical documents. L., 1955. Vol. 1. P. 561.
- ⁶⁹ Ine, 18; 30; 37–44; Aelfred, 10; 25; 29; 35; 39; 40.
- ⁷⁰ Ine, 6, § 2; 19; 34; 36, § 1; 63; Aelfred, 4, § 2; 10; 18, § 2–3; 30–31.
- ⁷¹ Ine, 32.
- ⁷² Ibid., 23, § 3.
- ⁷³ Ine, 70. Ср.: Aelfred, 29 и 31.
- ⁷⁴ Northleoda laga, 9; 11; Be werum, 2, Gethyncet 2.
- ⁷⁵ Ine, 51; 70; Aelfred, 40.
- ⁷⁶ Northleoda laga, 10–12.
- ⁷⁷ Ine, 45; 51; 70.
- ⁷⁸ Ibid., 66.
- ⁷⁹ Aelfred, 10; 30–31; 40.
- ⁸⁰ Так, в «Правде Инэ» говорится: «Королевский генит в том случае, если его вергельд равен 1200 шиллингов и если он принял причастие, должен приносить присягу в размере 60 гайд». (Ine, 19.) Очевидно, что не все гениты имели такой вергельд, и вообще, скорее всего, он определялся в соответствии с теми обязанностями, которые выполнял зависимый человек. См.: Ine, 22; 33.
- ⁸¹ Ine, 3, § 2; 21; 39; 70; Aelfred, 37; 37, § 1–2; 42, § 5–6.
- ⁸² Ine, 67.
- ⁸³ Ibid., 24; 62; Aelfred, 25; 25, § 1.
- ⁸⁴ См., напр.: III Aethelstan, 6; 7, § 1.

- ⁸⁵ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 26 сл.; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 105–109.
- ⁸⁶ Савело К. Ф. Раннеанглийские законы о браке и семейном имуществе // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. Вып. 2. С. 26 сл.
- ⁸⁷ Гуревич А. Я. Англосаксонский фолкленд и древненорвежский одалъ... С. 67–70, 76.
- ⁸⁸ Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4. С. 56–57; Vinogradoff P. The collected papers. Oxford, 1928. Vol. 1. P. 18–20.
- ⁸⁹ Так, уже в законах Инэ зафиксирована норма подати, которую полагалось сдавать с каждых десяти гайд земли. См.: Ine, 70, § 1.
- ⁹⁰ Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X–начале XI в. // Средние века. М., 1957. Вып. 9. С. 72. Ср.: История крестьянства в Европе... Т. 1. С. 284.
- ⁹¹ Cartularium Saxonicum... № 211.
- ⁹² Ibid., № 12, 13, 254, 396, 467 а. о.
- ⁹³ См.: Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии. С. Пб., 1911; Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований...; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 97–100; Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения... С. 22–24; Hooke D. Pre-conquest estates in the west Midlands: preliminary thoughts // Journal of historical geography. 1982. Vol. 8. № 3. P. 229 ff.; John E. Land tenure in early England. Leicester, 1960. P. 82; Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. L., 1970. P. 173–176; Lyon B. A. Constitutional and legal history of medieval England. N. Y., 1980. P. 86 ff.; Maitland F. Domesday book and beyond. Cambridge, 1897; Stenton F. M. Op. cit. P. 280 ff.
- ⁹⁴ Типичным образцом формулы может считаться передача земли *jure hereditario*, либо запись: *ut fiat ejus possessio in perpetuum et cuicumque voluerit tradere*. (Cartularium Saxonicum... № 581.)

- ⁹⁵ История крестьянства в Европе... Т. 1. С. 285.
- ⁹⁶ *Cartularium Saxonicum*... № 13, 26, 190, 194, 231, 240, 254, 396, 581; VI Aethelstan, 11.
- ⁹⁷ По подсчетам М. Н. Соколовой, из 583 грамот VII–IX вв. только в 29 случаях получателем земли не являлась Церковь. (Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения... С. 26, сн. 101.)
- ⁹⁸ Aelfred, 41.
- ⁹⁹ *Cartularium Saxonicum*... № 156, 166, 217, 299, 307.
- ¹⁰⁰ Как и проблема бокленда, вопрос об англосаксонской вотчине различными исследователями решается по-разному. К тому же существующие оценки ее сущности и значения в общей социально-экономической структуре Англии X–XI вв. обычно связываются с более широкой проблемой завершенности или незавершенности процессов феодализации в стране к моменту нормандского завоевания. Из новейших публикаций, не упомянутых во введении, см.: Barlow F. *The Norman conquest and beyond*. L., 1983; Dyer C. *Lords and peasants in a changing society*. Cambridge, 1980; Gies F., Gies J. *Life in a medieval village*. N. Y., 1990; Gransden A. *1066 and all that revised // History today*. 1988. Vol. 38. P. 45–52.
- ¹⁰¹ II Aethelstan, 1; 10; III Aethelstan, 7; III Eadmund; I Eadgar, 2; 3; 7; IV Eadgar, 8; 11; I Aethelbert, 1; 3; VIII Aethelbert, 8.
- ¹⁰² *Be wifmannes beweddunge*, 7.
- ¹⁰³ II Eadgar, 1; IV Eadgar, 9.
- ¹⁰⁴ Гуревич А. Я. *Английское крестьянство*... С. 83–84.
- ¹⁰⁵ Aelfred, 37; 37, § 1; II Eadward, 7; V Aethelstan, 1; 1, § 1.
- ¹⁰⁶ II Aethelstan, 2; 2, § 1.
- ¹⁰⁷ *Rectitudines*, составленный, по-видимому, в 20-е гг. XI столетия неизвестным автором из Уэссекса или Южной Мерсии, скорее всего, описывает не некое «идеальное» поместье, а совершенно конкретную вотчину, которую автор хорошо знает; постоянно делаемые им оговорки, что в различных вотчинах обычаи неодинаковы, говорят о том, что отношения в описываемом маноре отнюдь не типичны. Полный текст трактата см.: *Die Gesetze*... Bd. 1. S. 444–453.

- ¹⁰⁸ Тракта́т «О предусмотрительном управляющем», обычно именуемый просто «Герефа», составлен, вероятно, примерно в то же время, что и *Rectitudines*.
- ¹⁰⁹ *Rectitudines...*, 2.
- ¹¹⁰ *Ibid.*, 4, § 1–3.
- ¹¹¹ *Ibid.*, 4, § 6; 21, § 2; *Gerefa*, 1; 7.
- ¹¹² *Ibid.*, 3.
- ¹¹³ *Rectitudines...*, 6–9.
- ¹¹⁴ *Cartularium Saxonicum...* № 594. По мнению П. Г. Виноградова, опись манора Херстборн (Хиссеборн) относится к концу X или началу XI в. Вотчина долгое время принадлежала короне, а в 900 г. была передана Винчестерскому аббатству. (Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии... С. 269 сл.)
- ¹¹⁵ *Cartularium Saxonicum...* № 594.
- ¹¹⁶ *Ibid.*, № 928. Опись одновременна с вышеназванной. См.: Виноградов П. Г. Указ. соч.
- ¹¹⁷ *Ibid.* Ср.: *Rectitudines...*, 4.
- ¹¹⁸ См.: Гуревич А. Я. Английское крестьянство... С. 84.
- ¹¹⁹ Подробнее см.: Глебов А. Г. Обычай кровной мести и пережитки родового строя в раннесредневековой Англии // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер. 1. Гуманитарные науки. 1996. № 1. С. 150–157. Из последних англоязычных работ см.: Fletcher R. *Bloodfeud: Murder and revenge in Anglo-Saxon England*. Oxford, 2003.
- ¹²⁰ *English historical documents...* P. 856.
- ¹²¹ III *Aethelstan*, 6.
- ¹²² Гуревич А. Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. М., 1955. Вып. 7. С. 84–133.
- ¹²³ II *Aethelstan*, 1; 2, § 1.
- ¹²⁴ *English historical documents...* P. 561–564.
- ¹²⁵ О применении труда несвободных см.: Гуревич А. Я. Английское крестьянство... С. 93–97, 100–101, правда, с иными выводами.
- ¹²⁶ Fisher D. J. V. *Op. cit.* P. 334.
- ¹²⁷ II *Eadweard*, 6; VIII *Aethelred*, 2; *Anglo-Saxon wills*. Cambridge, 1930. I, III, VIII.

- ¹²⁸ Anglo-Saxon wills... XII.
¹²⁹ IV Aethelstan, 6, § 5–6; III Eadmund, 4; I Aethelred, 1; 1, § 1.
¹³⁰ Bridbury A. P. Domesday book: a re-interpretation // English historical rev. 1990. Vol. 105. № 415. P. 286 ff.; История крестьянства в Европе... Т. 1. С. 293.
¹³¹ Davis R. H. C. East Anglia and the Danelaw // Transactions of the Royal historical soc. 5-th ser. 1955. Vol. 5.

Глава VI

Политика и власть. Становление и развитие англосаксонской государственности

- ¹ См., напр.: Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. IV. С. 49–73; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 23–28, 49–68.
² Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 73, 132–133.
³ Chadwick H. M. The heroic age. Cambridge, 1912. P. 376–377; Chaney W. A. The cult of kingship in Anglo-Saxon England: The transition from paganism to Christianity. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 7–42; Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. L., 1970. P. 118–120; Idem. The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford (Cal.), 1984. P. 24 ff.
⁴ Campbell J. The Anglo-Saxon state. L.; N. Y., 2000 P. 1–30; Jolliffe J. The constitutional history of medieval England. L., 1937. P. 23–29; Kemble J. M. The Saxons in England: A history of the English commonwealth till the period of the Norman conquest. L., 1849. Vol. 2. P. 41 ff.
⁵ Обзор современной англо-американской историографии по проблеме см.: Rosenthal J. T. A historiographical survey: Anglo-Saxon kings and kingship since World War II // J. of British studies. 1985. Vol. 24. № 1. P. 72–93.
⁶ Tacit. Germ. 7; 33; 40. // P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 232, 244, 264.

- ⁷ Видсид // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 16–17.
- ⁸ Chaney W. A. Op. cit.; Sisam K. Anglo-Saxon royal genealogies // Proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 39. P. 287–348.
- ⁹ The Anglo-Saxon chronicle, a. 495, 519 // English historical documents L., 1955. Vol. I. P. 144. Далее «Англосаксонская хроника» цит. по данному изданию с указанием года и страниц.
- ¹⁰ Ibid., a. 534, 611, 617, 626. P. 145, 148, 149.
- ¹¹ Sisam K. Op. cit. P. 298.
- ¹² Chronicon Aethelwardi, a. 900 // The chronicle of Aethelward. L., 1962. Впрочем, гораздо чаще хронисты пользуются формулой «такой-то принял (или взял) королевство» (*feng to rice*). См.: The Anglo-Saxon chronicle..., a. 709, 729, 741, 860, 871. P. 158, 159, 161, 175, 178.
- ¹³ В 774 г. был низложен и отправлен в изгнание король Нортумбрии Эльхред, а уэссекский правитель Сигеберт в 757 г. был лишен трона «по причине несправедливых деяний». (The Anglo-Saxon chronicle, a. 757, 774. P. 162, 164.)
- ¹⁴ Aethelbert, 3; 4; 5; 8 // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. 1. S. 3. Далее ссылки на королевские законы даются по этому изданию.
- ¹⁵ См., напр.: Aethelbert, 1; 13; 15; 17.
- ¹⁶ Нарушение королевского покровительства, например, карается штрафом в 50 шиллингов, тогда как подобное же правонарушение в отношении эрла оценивается в 12 шиллингов, а рядового свободного — в 6 шиллингов. (Aethelbert, 8; 13; 15.)
- ¹⁷ Northleoda laga, 1. Собственно вергельд короля по «Законам северных людей» приравнивается к вире эрлов и составляет 15 тысяч тримс. (Northleoda laga, 2.)
- ¹⁸ The Anglo-Saxon chronicle..., a. 694. P. 157.
- ¹⁹ «Слово короля, как и епископа, безусловно и без присяги», — гласит текст источника. (Wihtraed, 16.)
- ²⁰ Ine, Prol.
- ²¹ Сумма, уплачиваемая королю за убийство иноземца, в два раза превышала долю, следуемую родичам убитого. (Ine, 23.)

- ²² Ine, 6, § 2–5; 25, § 1; 44, § 1; 45; 69; 70, § 1. Натуральные поставки, выросшие из добровольных даров конунгу как главе племени, имели место и ранее. К VIII в. они, видимо, приобрели регулярный характер. См.: Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 135; Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1971. P. 287.
- ²³ По «Правде Альфреда» штраф за вторжение в бург элдормена сократился, по сравнению с законами Инэ, на 20 шиллингов, тогда как штраф, взыскивавшийся за нарушение неприкосновенности королевского бурга, остался неизменным (120 шиллингов). В то же время штраф за вторжение в дом простого общинника-кэрла был равен всего лишь 5 шиллингам. (Aelfred, 40. Ср.: Ine, 45.)
- ²⁴ Aelfred, 4.
- ²⁵ «Если кэрл будет обвинен в укрытии человека, лишенного мира, пусть, если сможет, очистится клятвой в соответствии со своим вергельдом, либо выплатив свой вергельд; если же это гезит, пусть очистится клятвой» (Ine, 30.)
- ²⁶ Aelfred, 7.
- ²⁷ Ibid., 1; 2; 7; 4, § 2; 37.
- ²⁸ Edwards D. L. *Christian England*. L., 1982. Vol. 1. P. 26–39; Stenton F. M. *Op. cit.* P. 60; Wallace-Hadrill J. M. *Kingship in England and on the continent*. Oxford, 1971. P. 31–38.
- ²⁹ Сходная точка зрения была высказана английскими исследователями Х. Ричардсоном и Дж. Сейлзом. См.: Richardson H., Sayles G. *The law and legislation from Aethelberth to Magna Carta*. Edinburgh, 1966. P. 6–10.
- ³⁰ Савело К. Ф. Указ. соч. С. 49.
- ³¹ Только в «Законах Инэ». (Ine, Prol.) Обоснования на «данную Богом» власть гораздо чаще встречаются в это время в королевских дарственных грамотах. (*Cartularium Saxonicum, a collection of charters relating to Anglo-Saxon history*. L., 1885. Vol. 1. № 205, 208, 226, 230 а. о.
- ³² Ward P. L. *The coronation ceremony in medieval England // Speculum*. 1939. Vol. 14. № 2. P. 160–178.

- ³³ V Aethelred, 30.
- ³⁴ II Cnut, 57.
- ³⁵ Be grithe and be munde, 12; 15.
- ³⁶ Ibid., 11; Leges Edwardi Confessoris, 12, § 5.
- ³⁷ IV Eadgar, 2a.
- ³⁸ III Aethelred, 6, § 1; 11.
- ³⁹ VI Aethelred, 38; II Cnut, 83, § 1–2.
- ⁴⁰ V Aethelred, 31, § 1.
- ⁴¹ I Eadgar, 2; III Eadgar, 2; II Cnut, 17.
- ⁴² VI Aethelstan, 1, § 1–2; VIII Aethelred, 33, 34. По подсчетам К. Ф. Савело, в X в. к королю переходит не менее половины всех штрафов по искам свободных, рассматриваемых в местных судах. (Савело К. Ф. Указ. соч. С. 59.)
- ⁴³ IV Aethelstan, 1, § 1. См. также: II Eadgar, 3; IV Aethelred, 5, § 4; Be grithe and be munde, 9.
- ⁴⁴ Mircna laga, 2.
- ⁴⁵ II Cnut, 57.
- ⁴⁶ I Eadmund, 1.
- ⁴⁷ V Aethelred, 1, § 1: «And ures hlafordes geraedness and his witena is...».
- ⁴⁸ Глебов А. Г. «Если кто злоумышляет против жизни короля...»: антигосударственные преступления в раннесредневековой Англии // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 60. С. 229–239.
- ⁴⁹ См., напр., IV Aethelred, 1, § 1, где всем свободным без исключения предписывается хранить верность и повиноваться «одному королю».
- ⁵⁰ II Aethelstan, Prol., 1; VI Aethelstan, 11; I Eadmund, 2; V Aethelred, 1, § 1.
- ⁵¹ Cartularium Saxonicum... L., 1887. Vol. 2. № 660, 670; L., 1893. Vol. 3. № 819, 880. Скорее всего, эти титулы не соответствовали действительному положению англосаксонских государей. Во всяком случае, историкам не удалось обнаружить следов «империи» ни в «Англосаксонской хронике», ни в монетном деле, ни в коронационном ритуале. (Loyn H. R. The imperial style of the tenth century Anglo-Saxon kings // History. 1955. Vol. 40. № 138–139. P. 110–115.)

- ⁵² VIII Aethelred, 2, § 1.
- ⁵³ English Historical Documents... P. 851.
- ⁵⁴ Ibid. P. 856–857.
- ⁵⁵ V Aethelred, 1; VIII Aethelred, 44; I Cnut, 1.
- ⁵⁶ Deansley M. The court of king Aethelbert of Kent // The Cambridge historical journal. 1942. Vol. 7. № 2. P. 101–114; Larson L. M. The king's household in England before the Norman conquest. Madison, 1904.
- ⁵⁷ Tacit. Germ. 13–15.
- ⁵⁸ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. III, 14 // Monum. Hist. Brit. L., 1848. Vol. I. P. 130. Далее сочинение Беды цитируется с указанием номера книги и главы.
- ⁵⁹ The Anglo-Saxon chronicle., a. 786. P. 166. Подробнее об эпизоде см.: White S. D. Kinship and lordship in early medieval England: The story of Sigebert, Cynewulf and Cyneheard // Viator. 1989. Vol. 20 (1989). P. 1–18.
- ⁶⁰ Битва при Мэлдоне // Древнеанглийская поэзия... С. 137 сл.
- ⁶¹ См. описания таких объездов короля Эдуарда Старшего, содержащиеся в «Англо-саксонской хронике». (The Anglo-Saxon chronicle., a. 912, 914, 916, 917, 920 a. o. P. 193–199.)
- ⁶² The Anglo-Saxon chronicle., a. 547. P. 145.
- ⁶³ Kirby D. P. The making of early England. L., 1967. P. 169.
- ⁶⁴ См., напр., характеристику двора ранних Меровингов: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 37; Лебек С. Происхождение франков. IV–IX вв. М., 1993.
- ⁶⁵ Ассер. Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Пг., 1915. Т. II. С. 324, 329–330, 332–334.
- ⁶⁶ Anglo-Saxon writs / Ed. F. E. Harmer. Cambridge, 1952.
- ⁶⁷ Kirby D. P. Op. cit. P. 172.
- ⁶⁸ Ассер. Жизнь Альфреда Великого... С. 332–333.
- ⁶⁹ Cartularium Saxonicum... Vol. 3. № 912.
- ⁷⁰ Ibid., vol. 2. № 553–555.
- ⁷¹ Ibid., vol. 3. № 912.

- ⁷² Савело К. Ф. К вопросу о природе и роли уитенагемота в IX–X вв. // XXIII Герценовские чтения. Кр. содерж. докладов. Л., 1970. Вып. 2. С. 112–114; Она же. О совете знати в донормандской Англии: По материалам VIII–начала X века // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973. Вып. 2. С. 33–42; Она же. Раннефеодальная Англия... С. 102–118.
- ⁷³ Beda Venerabilis. Historia. II, 5.
- ⁷⁴ Wihtraed, Prol.
- ⁷⁵ III Aethelred, Prol.; V Aethelred, Prol.; VIII Aethelred, Prol.; I и II Cnut, Prols.
- ⁷⁶ По справедливому заключению К. Ф. Савело, утверждение, начиная с IX столетия, идеи «король Божьей милостью» «в сочетании с традиционными представлениями о наследственности королевской власти оставляло мало места для действительного избрания короля». См.: Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 114.
- ⁷⁷ Подробнее см.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 111–116.
- ⁷⁸ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 108.
- ⁷⁹ Cartularium Saxonicum... Vol. 2. № 447, 468, 470, 472, 472, 491, 503, 510, 552, 557, а. о.
- ⁸⁰ Подсчеты К. Ф. Савело. См.: Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 108.
- ⁸¹ Cartularium Saxonicum... Vol. 1. № 289, 313, 322, 335.
- ⁸² Ibid., Vol. 2. № 670, 680, 682, 694, 699, 701.
- ⁸³ Подробнее см.: Глебов А. Г. К проблеме формирования органов публичной власти у англосаксов в VII–IX вв.: королевский совет. I // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 5–11; Он же. К проблеме формирования органов публичной власти у англосаксов в VII–IX вв.: королевский совет. II // Там же. М., 2002. Вып. 63. С. 4–10.
- ⁸⁴ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 87–88; Cam Н. М. Liberties and communities in medieval England. Cambridge, 1944; Shrimmes S. B. An introduction to the administrative history of medieval England. Oxford, 1952; Jolliffe J. Op. cit. P. 35, 37; Lyon B. Constitutional and legal history of medieval England. N. Y., 1980. P. 63, 67.
- ⁸⁵ Ine, 36, § 1.

- ⁸⁶ См., например: *Rectitudines singularum personarum*, 4, § 6.
- ⁸⁷ *The Anglo-Saxon chronicle.*, a. 802, 870. P. 169, 177.
- ⁸⁸ III Eadgar, 5, § 2; II Cnut, 18, § 1.
- ⁸⁹ Ine, 54; Aelfred, 22; 34; 38, § 1; II Eadward, 8.
- ⁹⁰ II Eadgar, 3, § 1; 5, § 2; II Aethelstan, 25, § 1.
- ⁹¹ Hlothaere, Eadric, 10; I Aethelstan, Prol.; II Aethelstan, 20; VI Aethelstan, 4; I Eadgar, 2, § 1; 3; 3, § 1; I Aethelred, 2.
- ⁹² Впервые на это обстоятельство было обращено внимание в исследованиях К. Ф. Савело. См., например: Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 88–89.
- ⁹³ I Eadgar.
- ⁹⁴ II Cnut, 17, § 1; 20; 20a.
- ⁹⁵ III Aethelstan, 6; II Cnut, 20, § 1; 27.
- ⁹⁶ Harding A. *The law courts of medieval England*. L., 1973. P. 17 ff.
- ⁹⁷ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 81; Loyn H. R. *Anglo-Saxon England and the Norman conquest...* P. 313–314; Stenton F. M. *Op. cit.* P. 301–302.
- ⁹⁸ *The Anglo-Saxon chronicle.*, a. 851. P. 173.
- ⁹⁹ *Norhleoda laga*, 3; 5.
- ¹⁰⁰ Loyn H. R. *Anglo-Saxon England and the Norman conquest...* P. 313.
- ¹⁰¹ Ine, 36, § 1; 50; 60; Aelfred, 37; 42, § 3; III Eadgar, 5, § 2 (относящийся, правда, ко второй половине X в.).
- ¹⁰² Loyn H. R. *Anglo-Saxon England and the Norman conquest...* P. 315–316.
- ¹⁰³ См.: Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 82–85; Larson L. M. *Op. cit.* P. 103–104; Loyn H. R. *Anglo-Saxon England and the Norman conquest...* P. 318; Lyon B. *Op. cit.* P. 63, 67; Shrimmes S. B. *Op. cit.* P. 4; Whitelock D. *The beginnings of English society*. Harmondsworth, 1952. P. 52.
- ¹⁰⁴ *Wihtraed*, 22; Ine, 73, § 8; *Cartularium Saxonicum...* Vol. 2. № 448, 467, 502, 529, 539, 581.
- ¹⁰⁵ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия... С. 83.
- ¹⁰⁶ VI Aethelstan, 11.
- ¹⁰⁷ I Eadward, Prol.; 2; II Eadward, 2; 8; V Aethelstan, 1, § 1; VI Aethelstan, 8, § 4.
- ¹⁰⁸ Hlothaere, Eadric, 16.

- ¹⁰⁹ Aelfred, 34; I Eadweard, 1, § 1; II Aethelstan, 10; 12; VI Aethelstan, 11; II Eadgar, 3, § 1.
- ¹¹⁰ К сожалению, имеющиеся источники не дают возможности проследить этот процесс во всех деталях. Известно, однако, что сам термин *scirgerefa* впервые появляется в правление Этельреда Нерешительного, а во всеобщее употребление входит только при Кнute. См.: Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956. P. 229.
- ¹¹¹ Edwards D. L. Op. cit. P. 26–39; Stenton F. M. Op. cit. P. 60; Wallace-Hadrill J. M. Op. cit. P. 31–38.
- ¹¹² Aethelbert, 1.
- ¹¹³ Richardson H. G., Sayles G. O. Op. cit. P. 186. *Дело II*
- ¹¹⁴ Ine, 15, § 2.
- ¹¹⁵ II Eadweard, 8.
- ¹¹⁶ II Cnut, 17. См. также: III Eadgar, 2, где содержится запрет обращаться к королю с просьбой вынести приговор по какому-либо делу, кроме тех случаев, когда истец не сможет добиться справедливого решения в местном суде.
- ¹¹⁷ I Eadgar, 1.
- ¹¹⁸ III Eadgar, 5, § 1.
- ¹¹⁹ Hlothaere, Eadric, 15; II Cnut, 20.
- ¹²⁰ II Aethelstan, 20, § 4–7; III Eadgar, 7, § 3.
- ¹²¹ Swerian, 2–4.
- ¹²² Whitelock D. Op. cit. P. 140–141.
- ¹²³ Ine, 37; III Eadgar, 7.
- ¹²⁴ II Aethelstan, 23.
- ¹²⁵ Ibid., 21; III Aethelred, 6.
- ¹²⁶ II Aethelstan, 23, § 1.
- ¹²⁷ Ibid.
- ¹²⁸ I Eadgar, 9.
- ¹²⁹ Традиция регулирования купли-продажи скота была заложена уже в ранних законах Кента. См.: Hlothaere, Eadric, 15–16.
- ¹³⁰ Его шестой кодекс практически целиком посвящен санкциям против этого рода правонарушений. См.: VI Aethelstan, 1–9.
- ¹³¹ I Eadmund, Prol.

- ¹³² Whitelock D. Op. cit. P. 143–144.
¹³³ Aelfred, 5, § 5; 38; 39; 40, § 1.
¹³⁴ Eadweardes and Gutrumes domas, 1.

Заключение

- ¹ Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973. С. 56–79; Collingwood R., Myers J. Roman Britain and the English settlement. Oxford, 1945. P. 178–179; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. L., 1993. P. 342; Hooke D. The landscape of Anglo-Saxon England. L.; Washington, 1998; Lennard R. L. Rural England 1086–1135. Oxford, 1959.
- ² Вильгельм Пуатье. Деяния Гильома, герцога Нормандии и короля Англии // Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3 т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 837.

Приложение

- ¹ См.: Dumville D. Kingship, genealogies and regnal lists // Early medieval kingship. Leeds, 1977. P. 72–104.
- ² Sisam K. Anglo-Saxon royal genealogies // Proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 39. P. 341–343.
- ³ См.: Yorke B. Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England. L., 1990.
- ⁴ См.: Lynch J. H. Christianizing kinship: Ritual sponsorship in Anglo-Saxon England. Ithaca; N. Y., 1998; Potts W. T. W. History and blood groups in the British isles // English medieval settlement. L., 1976. P. 236–253.
- ⁵ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum, II, 1 // Monumenta Historica Britannica. L., 1848. Vol. 1. P. 168. (Далее — Beda Venerabilis. Historia..., с указанием главы).
- ⁶ Beda Venerabilis. Historia... I, 15.
- ⁷ Подробнее см: Sisam K. Op. cit.
- ⁸ См.: Dumville D. Op. cit.; Idem. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists // Anglo-Saxon England.

1976. Vol. 5. P. 23–50; Idem. The West Saxon genealogical regnal list and the chronology of early Wessex // *Peritia*. 1985. Vol. 4. P. 21–66; Idem. The West Saxon genealogical regnal list: manuscripts and texts // *Anglia*. 1986. Vol. 104. P. 1–32.
- ⁹ См.: Sawyer P. H. *Anglo-Saxon charters: an annotated list and bibliography*. L., 1968. В настоящее время указатель Сойера доступен в Интернете – www.trin.cam.ac.uk/chartwww
- ¹⁰ См.: Smart V. *Table of reigns and types // Sylloge of coins of the British Isles*. L., 1981. Vol. 28. Cumulative index of volumes 1–20. P. XXIII–XL.
- ¹¹ Beda Venerabilis. *Historia...*, I, 15. Подробнее о ранней истории Кента см.: Yorke B. *Op. cit.* P. 25–44; *Charters of St. Augustine's Abbey, Canterbury and Minster-in-Thamet*. Oxford; N. Y., 1995. P. 195–203.
- ¹² Первый англосаксонский король в Британии. См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, а. 455 // *English historical documents*. L., 1955. Vol. 1. С. 500–1042. (Далее – ASC, с указанием года).
- ¹³ См.: Beda Venerabilis. *Historia...*, II, 5. Третий бретвальда.
- ¹⁴ Beda Venerabilis. *Historia...*, IV, 26.
- ¹⁵ ASC, а. 686, 687.
- ¹⁶ Sawyer P. H. *Op. cit.* № 12–14.
- ¹⁷ Idem. № 10.
- ¹⁸ Idem. № 11.
- ¹⁹ Beda Venerabilis. *Historia...*, V, 23.
- ²⁰ Дата смерти зафиксирована «Англосаксонской хроникой». См.: ASC, а. 762.
- ²¹ Дата смерти зафиксирована «Англосаксонской хроникой». См.: *Ibid.*, а. 748.
- ²² *Ibid.*, а. 776.
- ²³ ASC, а. 784.
- ²⁴ *Ibid.*, а. 798.
- ²⁵ *Ibid.*, а. 825.
- ²⁶ Beda Venerabilis. *Historia...*, III, 1, 6.
- ²⁷ Подробнее о ранней истории Нортумбрии см.: Yorke B. *Op. cit.* P. 72–99.
- ²⁸ См.: Beda Venerabilis. *Historia...*, II, 12.

- ²⁹ Впервые объединил Дейру и Берницию. См.: *Ibid.*, II, 2.
- ³⁰ Вновь объединил Дейру и Берницию. Пятый бретвальда. См.: *Ibid.*, II, 20.
- ³¹ См.: *Ibid.*, I, 34; II, 2.
- ³² И Осрик, и Эанфрит, видимо, под давлением Кадваллона реставрировали в Берниции и Дейре язычество.
- ³³ *Beda Venerabilis. Historia...*, III, 1.
- ³⁴ Шестой бретвальда. См.: *Ibid.*, 1–2; III, 6.
- ³⁵ *Ibid.*, III, 14.
- ³⁶ Убит по приказу короля Освью. См.: *Ibid.*
- ³⁷ Седьмой бретвальда. См.: *Ibid.*, III, 24; IV, 5.
- ³⁸ ASC, а. 670.
- ³⁹ Убит в сражении с пиктами. См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, IV, 26.
- ⁴⁰ См.: *Ibid.*
- ⁴¹ Правил в течение двух месяцев 705–706 гг. (см.: *Eddius Stephanus. The life of bishop Wilfrid. Cambridge, 1985. P. 59*), но не включен в сохранившиеся списки королей Нортумбрии.
- ⁴² См.: *Dumville D. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists...* P. 43.
- ⁴³ Назначил своим преемником не своего сына, а двоюродного брата Келвульфа. См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, V, 23.
- ⁴⁴ В 731 г. был низложен, но быстро восстановлен на престоле. В 737 г. отрекся от власти в пользу Эадберта и постригся в монахи в аббатстве Линдисфарн. Беда Почтенный посвятил ему свою «Церковную историю». См.: *Ibid.*, Pref.; V, 23.
- ⁴⁵ В 758 г. отрекся в пользу сына Освульфа и постригся в монахи. См.: ASC, а. 758.
- ⁴⁶ Во время восстания против него предательски убит собственными тэнами. См.: *Ibid.*, а. 759.
- ⁴⁷ Избран после восстания против Освульфа. См.: *Ibid.*, а. 759.
- ⁴⁸ В 774 г. низложен и отправлен в изгнание. См.: *Ibid.*, а. 774.
- ⁴⁹ В 779 г. низложен и отправлен в изгнание. См.: *Ibid.*, а. 779.

- ⁵⁰ В 790 г. низложен и насильно пострижен в монахи. См.: *Ibid.*, а. 790.
- ⁵¹ Вторично.
- ⁵² Правил всего 27 дней. Свергнут с престола и пострижен в монахи в аббатстве Линдисфарн. См.: ASC, а. 796.
- ⁵³ Не принадлежал к королевскому роду. В 790 г. упоминается в качестве элдормена. В 806 г. был низложен и отправлен в изгнание. См.: ASC, а. 790, 806.
- ⁵⁴ Вторично.
- ⁵⁵ В 829 г. принес вассальную присягу королю Уэссекса Эгберту. См.: ASC, а. 829.
- ⁵⁶ В 844 г. на несколько месяцев захватил власть. Свергнут и убит сторонниками Этельреда II. См.: ASC, а. 844.
- ⁵⁷ Вторично.
- ⁵⁸ Не принадлежал к королевскому роду, свергнут Эллой II. См.: ASC, а. 863.
- ⁵⁹ Вторично.
- ⁶⁰ Alfred the Great: Asser's «Life of king Alfred» and other contemporary sources, ch. 27. Harmondsworth, 1983; ASC, а. 867.
- ⁶¹ Сын Этельреда, короля Уэссекса (865-871).
- ⁶² Изгнан в результате восстания. См.: ASC, а. 872.
- ⁶³ ASC, а. 927.
- ⁶⁴ Вторично.
- ⁶⁵ В третий раз!
- ⁶⁶ Вторично.
- ⁶⁷ Beda Venerabilis. Historia..., III, 24.
- ⁶⁸ См.: Dumville D. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists... P. 33, 36. Подробнее о ранней истории Мерсии см.: Yorke B. Op. cit. P. 100-127.
- ⁶⁹ См.: Beda Venerabilis. Historia..., II, 14.
- ⁷⁰ См.: *Ibid.*, III, 24.
- ⁷¹ *Ibid.*
- ⁷² *Ibid.*
- ⁷³ *Ibid.*, V, 24.
- ⁷⁴ В 704 г. отрекся от престола и постригся в монахи. См.: ASC, а. 704.
- ⁷⁵ В 709 г. отрекся от престола и принял постриг в Риме. См.: *Ibid.*, а. 709.

- ⁷⁶ В 757 г. предательски убит своими тэнами. См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, V, 23.
- ⁷⁷ В 787 г. был помазан королем. См.: ASC, а. 787.
- ⁷⁸ В 823 г. был «лишен своего королевства» (*his rices besciered*). См.: *Ibid.*, а. 823.
- ⁷⁹ В 825 г. был убит в сражении с армией Восточной Англии. См.: *Ibid.*, а. 825.
- ⁸⁰ В 827 г. убит вместе с пятью своими элдорменами. См.: *Ibid.*, а. 827.
- ⁸¹ *Ibid.*, а. 829.
- ⁸² Вторично.
- ⁸³ ASC, а. 874, 877, 879.
- ⁸⁴ *Ibid.*, а. 884.
- ⁸⁵ *Ibid.*, а. 917, 918, 919.
- ⁸⁶ Подробнее см.: Sims-Williams P. *Religion and literature in western England, 600–800*. Cambridge; N. Y, 1990. P. 16–53.
- ⁸⁷ Братья Эанхере и Эанфрит упоминаются как совместные правители Хвикке Бедой Почтенным. См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, IV, 13.
- ⁸⁸ Братья Осрик и Оскхере упоминаются в нескольких мерсийских земельных грамотах, относящихся к 70–90-м гг. VII в. См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* № 52, 53, 70, 1429.
- ⁸⁹ Все трое упоминаются в нескольких мерсийских земельных грамотах, относящихся к первой трети VIII в. См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* № 89, 94, 1177.
- ⁹⁰ Трое братьев упоминаются в нескольких мерсийских земельных грамотах, относящихся к 50–70-м гг. VIII в. с титулом *regulus*. См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* № 57, 113.
- ⁹¹ См., напр.: *Ibid.*, № 1162.
- ⁹² Подробнее см.: Sims-Williams P. *Op. cit.*
- ⁹³ Беда Почтенный называет его сыном мерсийского короля Пенды. См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, III, 24.
- ⁹⁴ См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* № 1183.
- ⁹⁵ ASC, а. 825. Подробнее см.: Sims-Williams P. *Op. cit.*
- ⁹⁶ См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* № 1165.
- ⁹⁷ См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, II, 15. Подробнее о ранней истории Восточной Англии см.: Yorke B. *Op. cit.* P. 58–71.

- ⁹⁸ См.: Beda Venerabilis. Historia..., II, 12, 15. Четвертый бретвальда.
- ⁹⁹ Узурпатор. См.: Ibid., II, 15.
- ¹⁰⁰ Сигеберт и Эгрик убиты Пендой, королем Мерсии. См.: Ibid., III, 18.
- ¹⁰¹ Три последних правителя известны только по монетным легендам.
- ¹⁰² См.: Sawyer P. H. Op. cit. № 107, 108, 112.
- ¹⁰³ ASC, а. 796.
- ¹⁰⁴ Известен только по монетным легендам.
- ¹⁰⁵ См.: Kirby D. P. The earliest English kings... P. 136–140.
- ¹⁰⁶ Известен только по монетным легендам.
- ¹⁰⁷ Известен только по монетным легендам.
- ¹⁰⁸ По сообщению «Англосаксонской хроники» викинги «предали огню и мечу всю территорию королевства» (*þæt lond all geeodon*) и, взяв в плен, убили короля Эдмунда, ставшего, между прочим, мучеником и одним из главных святых англосаксонской церкви. — ASC, а. 870.
- ¹⁰⁹ Известен только по монетным легендам.
- ¹¹⁰ Известен только по монетным легендам.
- ¹¹¹ ASC, а. 879.
- ¹¹² Избран нортумбрийскими и восточноанглийскими «данами». См.: Ibid., а. 902.
- ¹¹³ Ibid., а. 917.
- ¹¹⁴ См.: Beda Venerabilis. Historia..., IV, 13.
- ¹¹⁵ См.: Charters of Selsey. Oxford, 1998. P. LXXIII–LXXXIV.
- ¹¹⁶ Первый бретвальда.
- ¹¹⁷ Beda Venerabilis. Historia..., IV, 15.
- ¹¹⁸ Sawyer P. H. Op. cit. № 108.
- ¹¹⁹ ASC, а. 825.
- ¹²⁰ Beda Venerabilis. Historia..., II, 3.
- ¹²¹ Подробнее о ранней истории Эссекса см.: Yorke B. Op. cit. P. 45–57.
- ¹²² Beda Venerabilis. Historia..., II, 3.
- ¹²³ Все трое убиты в сражении с западными саксами. См.: Ibid., II, 5.
- ¹²⁴ Убит двумя своими родственниками. См.: Ibid., III, 22.
- ¹²⁵ Beda Venerabilis. Historia..., III, 30.

- ¹²⁶ Ibid., IV, 11.
- ¹²⁷ Об этом триумvirате см.: Ibid., IV, 11; V, 9.
- ¹²⁸ Убит в 746 г. См.: ASC, а. 746.
- ¹²⁹ В 798 г. отрекся от престола и постригся в монахи в Риме. См.: Ibid., а. 798.
- ¹³⁰ Свидетельствовал некоторые мерсийские грамоты с титулами *rex* и *dux*. См.: Sawyer P. H. Op. cit. № 136, 148, 188.
- ¹³¹ В грамоте короля мерсийцев Виглафа, датированной 825 г. назван «королем восточных саксов» (*Eastsexonum rex*) и одновременно «тэном» (*minister*) короля Виглафа. — См.: Sawyer P. H. Op. cit. № 1791.
- ¹³² ASC, а. 825.
- ¹³³ Beda Venerabilis. Historia..., III, 7.
- ¹³⁴ О ранней истории Уэссекса и его правителей см.: Dumville D. The West Saxon genealogical regnal list and the chronology of early Wessex...; idem. The West Saxon genealogical regnal list: manuscripts and texts...; Yorke B. Op. cit. P. 128–156.
- ¹³⁵ Второй бретвальда.
- ¹³⁶ Согласно записи «Англосаксонской хроники» под 626 г. «в это лето Эдвин, король нортумбрийцев, разорил королевство и убил пять королей». См.: ASC, а. 626.
- ¹³⁷ В 645 г. Кенвалла был смещен с престола мерсийским королем Пендой, который до своей смерти осуществлял непосредственное управление Уэссексом. См.: Ibid., а. 645.
- ¹³⁸ Вторично. По утверждению Беды Почтенного, после смерти Кенваллы власть в Уэссексе захватили некие вице-короли (*subreguli*), разделившие страну и правившие около десяти лет. См.: Beda Venerabilis. Historia..., IV, 12. «Англосаксонская хроника» и списки королей Уэссекса ничего об этом эпизоде не сообщают.
- ¹³⁹ По-видимому, единственная женщина, осуществлявшая реальную власть в ранних англосаксонских королевствах.
- ¹⁴⁰ В 688 г. отрекся от престола и принял монашеский чин в Риме. См.: ASC, а. 688.
- ¹⁴¹ Они были женаты на сестрах.

- ¹⁴² В 757 г. решением собрания узсекской знати (уитенагемота) был лишен престола «по причине неправедных деяний» (*for unryhtum dædum*) и в том же году умер. См.: ASC, а. 855 (857).
- ¹⁴³ В 786 г. предательски убит своим дядей Кюнехардом, братом Сигеберта. См.: *Ibid.*; а. 784 (786).
- ¹⁴⁴ В 825 г. в битве при Эллендуне (графство Уилтшир) наголову разбил войска мерсийского короля Бернвульфа, что означало конец мерсийской гегемонии в центральной и южной Англии. См.: ASC, а. 825.
- ¹⁴⁵ См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, I, 15.
- ¹⁴⁶ См.: *Ibid.*, IV, 13.
- ¹⁴⁷ См.: ASC, а. 686.
- ¹⁴⁸ См.: *Beda Venerabilis. Historia...*, IV, 16.
- ¹⁴⁹ См.: ASC, а. 825.
- ¹⁵⁰ См.: Cubitt C. *Anglo-Saxon church councils c. 650. c. 850.* L., 1995. P. 114–115.
- ¹⁵¹ Восьмой бретвальда.
- ¹⁵² См.: Sawyer P. H. *Op. cit.* 346, 347, 348, 351, 353, 354, 355; *Asser...*, ch. 1, 13, 21, 64, 67, 71, 73, 83, 87.
- ¹⁵³ Подробнее см.: Глебов А. Г. *Альфред Великий и Англия его времени.* Воронеж, 2003.
- ¹⁵⁴ В 954 г. был изгнан и вскоре скончался последний скандинавский правитель Йорка, Эрик Кровавая Секира.
- ¹⁵⁵ Коронован в Вестминстере 25 декабря 1066 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин Блаженный (Аврелий) (ок. 354–430),
раннехристианский писатель 51, 71
- Августин, архиепископ Кентерберийский (597–604)
64–65, 69, 76, 80
- Агильберт (ок. 625–690), епископ Уэссекса 81
- Адомнан (ок. 624–704), настоятель монастыря Айона
74–75
- Александр II, Папа Римский (1061–1073) 61
- Александр Север, римский император (222–235) 21
- Алкуин (ок. 735–804), англосаксонский ученый
и видный деятель «Каролингского Возрождения»,
советник Карла Великого 39, 63, 86
- Аллектус, римский император-узурпатор (293–296/297)
29
- Альдхельм (640–709), брат короля Уэссекса Инэ, епископ
Шернборна, поэт 86
- Альфред Великий, король Уэссекса и Англии (871–899)
10–12, 14, 45–54, 88, 103, 105, 114, 117, 121, 123, 134,
139–142, 155–157, 164–166, 175
- Амвросий Аврелиан, король бриттов 33
- Аммиан Марцеллин (ок. 330–ок. 395), римский историк,
автор «Римской истории» («Деяния») 10, 24
- Анна, король Восточной Англии (635–654) 79
- Ассер, епископ Шернборна, первый биограф
Альфреда Великого (ум. 909) 11, 47, 50, 164–165
- Аэций (ок. 390–454), римский полководец 31
- Барг М. А. 19
- Беда Почтенный (672–735), англосаксонский богослов
и историк, автор «Церковной истории народа

- англов» 11–12, 24–26, 28, 31, 33–34, 38, 50, 63, 65–67, 69, 72–73, 75–82, 85–86, 102, 109, 114, 122, 163, 166
- Бенедикт I, Папа Римский (574–578) 63–64
- Бенедикт Нурсийский (ок. 480–ок. 547), родоначальник западного монашества 91
- Беовульф, главный герой одноименной древнеанглийской поэмы 9, 28, 40, 67–69
- Беортульф, король Мерсии (840–852) 43
- Берк Дж. 18
- Берта, супруга Этельберта, короля Кента 64–65
- Биринус, епископ Уэссекса (ум. 650) 78
- Блэйр П. 17, 28
- Бонифаций V, Папа Римский (ум. 625) 76
- Бозций, римский философ и государственный деятель (ум. 524) 50
- Бруд, король северных пиктов 74
- Бургред, король Мерсии (852–874) 44, 46
- Вальдере, персонаж древнеанглийской героической поэзии 10
- Видукинд Корвейский, монах монастыря Новой Корвеи, автор «Деяний саксов» 10
- Вильгельм Завоеватель, король Англии (1066–1087) 6, 8, 60–62, 180
- Виноградов П. Г. 15, 21, 138
- Виталиан, Папа Римский (657–672) 83
- Вортигерн, король бриттов 31–32
- Вульфстан, архиепископ Йорка (ум. 1023) 11–12, 94, 146, 161
- Гарольд I, англо-датский король (1035–1040) 56–57, 60
- Гарольд II, сын Годвина, эрл Уэссекса, король Англии (1066) 6
- Генрих I, король Англии (1100–1135) 108
- Германий, епископ Оксера 72
- Гильдас (504–570), бриттский писатель, автор «Жалостной книги о разорении и завоевании Британии» 11–12, 31, 34
- Годвин, эрл Уэссекса (1018–1053) 57, 59–60, 172

- Гонорий, архиепископ Кентерберийский (627–655) 78
Гонорий, римский император (395–423) 30
Григорий I Великий, Папа Римский (590–604) 51, 63–65,
67, 69, 79
Гонорий I, Папа Римский (625–638) 78
Гуревич А. Я. 19, 129, 138, 151
Гутрум (Этельстан), король «данов» 46–48
- Деуседит, архиепископ Кентерберийский (655–666) 82
Джон Э. 16, 138
Диана, римская богиня растительности 70
Диоклетиан, римский император (284–305) 29
Диума, епископ Мерсии (656–?) 79
Домициан, римский император (81–96) 22
Дунстан, архиепископ Кентерберийский (909–988) 54,
89, 91
- Ивар, предводитель викингов, сын Рагнара Лотброка 44, 46
Иеремя, ветхозветный пророк 39
Изида, древнеегипетская богиня плодородия 70
Инэ, король Уэссекса (688–725) 14, 37, 110, 121, 127,
133–135, 154–155, 169
- Кандидус, галльский священник 64
Каразиус, командующий римским флотом в Британии,
император-узурпатор (287–293) 29
Карл Великий, франкский император (768–814) 111
Кеавлин, король Уэссекса (560–592) 37
Кенвильф, король Мерсии (796–821) 153
Кердик, король Уэссекса (519–534) 32, 152
Кинегильс, король Уэссекса (611–642) 78
Кинрик, король Уэссекса (534–560) 32
Кнут Великий, англо-датский король (1017–1035) 56–57,
95, 158–159, 167, 170–171, 175–176
Коифи, главный жрец Нортумбрии 76–77
Колмен, настоятель монастыря Линдисфарн 81–82
Коллингвуд, Р. 97
Константин, римский император-узурпатор в Британии
(407–411) 30

Корсунский А. Р. 19, 21, 129, 151

Кэдмон, древнеанглийский поэт 10

Кэрл, элдормен Девоншира 172

Кюневульф, древнеанглийский поэт 10, 163

Лайон, Б. 138

Лауренций, архиепископ Кентерберийский (604–619) 65

Леофрик, эрл Мерсии 59, 172

Линдсей, Дж. 97

Лойн, Г. 16, 138

Луп, епископ Труа 72

Магн Максим, римский император-узурпатор в Британии
(383–388) 29

Магнус Добрый, король Норвегии (1035–1047) 59

Майерс, Дж. 16

Максимиан, римский император (286–305) 29

Марс, римский бог войны 67, 70

Мэйтланд, Ф. 138

Меркурий, римский бог торговли 67

Минерва 70

Митра, древнеиранский бог солнца 70

Мул, брат короля Уэссекса Инэ 154

Ненний, бриттский писатель, автор «Истории бриттов»
110

Нептун, римский бог моря 70

Нертус, англская богиня плодородия 26, 66

Ньорд, скандинавский бог плодородия 66

Ода, архиепископ Кентерберийский (958–959) 89

Один, скандинавский бог войны 65, 67, 181

Ортхере, норвежский купец 103

Осбурх, мать Альфреда Великого 46

Освальд, (920–992) 77, 89, 91

Освальд, король Нортумбрии (633–642) 38, 78

Освин, король Дейры (644–651) 163

Освью, король Берниции и Нортумбрии (641–670) 38,
81–82

- Осфрид, сын Эдвина, короля Нортумбрии 79
Оффа, король Мерсии (757–796) 37–38, 111, 117
Оффа, легендарный король континентальных англов 26, 152
- Павел Орозий (ок. 385–420), раннехристианский историк, автор «Истории против язычников» 10, 50
Палладий, первый епископ Ирландии (431) 72
Паулин, архиепископ Йорка (633–644) 76–78, 81
Пеада, король Мерсии (654–657) 79
Пелагий (Морган) (ок. 360–после 418), бритт, основатель ереси пелагианства 71
Пенда, король Мерсии (632–654) 36–37, 78–79, 81
Перфилова Т. Б. 22
Петрушевский Д. М. 15, 129
Плегмунд, архиепископ Кентерберийский (890–923) 50
Прокопий Кесарийский (ок. 500–после 565), византийский историк 10, 25
Птолемей Клавдий, древнегреческий географ и астроном 10, 26
- Рагнар Лотброк предводитель викингов 44
Редвальд, король Восточной Англии (593–617) 65
Редвальд, король Эссекса (?–616) 38
Ричардсон, Г. 17
Рэнсимэн, У. 16
- Савело К. Ф. 19, 129, 138, 151
Садовская М. С. 21
Св. Гутлак, основатель монастыря Кроуленд 84
Св. Колумба (521–597), основатель монастыря Айона 74–75, 79, 82
Св. Кутберт 88
Св. Ниниан (ум. ок. 432), проповедник 73
Св. Патрик (ум. 493), креститель Ирландии 72–73
Св. Эйдан (ум. 651), настоятель монастыря Линдисфарн 77–79
Св. Этельвольд, епископ 89–91
Свейн Вилобородый, король Дании (?–1014) 55–56

- Свейн, сын эрла Годвина 60
Сейлз, Дж. 17
Сибом, Ф. 16, 128
Сивард, эрл Нортумбрии (1039–1055) 59
Сигеберт, король Восточной Англии (630–633) 9, 65, 122
Симеон Даремский, англо-нормандский хронист 12, 61
Соколова М. Н. 19, 129, 138
Стентон, Ф. 15–16, 138
Стефенсон, К. 16
Суприянович А. Г. 22
- Тацит Корнелий Публий, римский историк 10, 16, 26–27,
66–67, 69, 99, 121, 152, 163
Теодор из Тарса, архиепископ Кентерберийский (669–690)
83, 122
Тертуллиан Квинт Септимий Флорент (155 (65?)–220 (40?)),
раннехристианский писатель 63
Тиу, скандинавский бог солнца 67
Тости, сын Годвина, эрл Нортумбрии (1055–1065) 61–62
Тунор (Тор), скандинавский бог грома 67
- Уайтлок, Д. 15, 17
Уилсон, Д. 18
Уилфрид, настоятель монастыря Рипон, архиепископ
Йорка (664–678) 81–82
Уильям Мэлмсберийский, английский хронист 12
Уильямс, Э. 17
Уитред, король Кента (690–725) 13, 127, 132, 154, 166, 175
Уитток, М. 18
Уэрферт, епископ Вустерский (ум. 915) 50
- Феодосий I, римский император (379–395) 29
Финан, настоятель монастыря Линдисфарн (651–661) 79
Финберг, Г. Р. 18, 97, 106
Фишер, Д. 15, 18, 75
Флоренций (Иоанн) Вустерский, англо-нормандский
хронист 12
Фрейр, скандинавский бог лета 66–67
Фрейя, скандинавская богиня любви 66

- Хальфдан, предводитель викингов, сын Рагнара Лотброка 44, 46
- Харальд Хардрада, король Норвегии (1046–1066) 62
- Хардакнут, англо-датский король (1040–1042) 56–57
- Хенгест (455–488), король Кента 31–32, 180
- Хестен, предводитель викингов 48
- Хигбальд, настоятель монастыря Линдисфарн (781–803) 63
- Хильда, настоятельница монастыря Уитби (ум. 680) 81
- Хлотарь, король Кента (673–685) 13, 113, 127
- Ходжес, Р. 18–19
- Хорса (ум. 455), брат короля Кента Хенгеста 31–32, 180
- Хрета, англосаксонская богиня 66
- Хук, Д. 138
- Целестин I, Папа Римский (ум. 432) 72
- Чедд, епископ Восточной Англии 81
- Чейни, У. 17, 78
- Чэдвик, Г. 16
- Штаерман Е. М. 21
- Эадбальд, король Кента (616–640) 65, 76
- Эадред, король Уэссекса и Англии (946–955) 52, 53, 165–166
- Эадфрид, сын Эдвина, короля Нортумбрии 79
- Эанфлед, королева Нортумбрии 81
- Эгберт, архиепископ Йорка (ум. 766) 86
- Эгберт, король Уэссекса (825–839) 37, 43
- Эгрик, король Восточной Англии (634–635) 79
- Эдвиг, король Уэссекса и Англии (955–959) 53
- Эдвиг, сын Этельреда Нерешительного 56
- Эдвин, король Нортумбрии (616–632) 38, 76–78, 81
- Эдгар, король Уэссекса и Англии (959–975) 53–54, 89, 91–92, 158, 170
- Эдита, королева Англии, супруга Эдуарда Исповедника 59–60

- Эдмунд Железнобокий, король Уэссекса
и Англии (1016–1017) 56
- Эдмунд, король Восточной Англии (856–870) 44
- Эдмунд, король Уэссекса и Англии (939–946) 52, 53, 149,
160, 178
- Эдрик, король Кента (685–686) 13, 113, 127
- Эдуард Исповедник, король Уэссекса
и Англии (1042–1066) 57, 59–61, 108, 175, 185
- Эдуард Старший, сын Альфреда Великого,
король Уэссекса и Англии (899–924) 52
- Эдуард, король Уэссекса и Англии (975–978) 54
- Элла, король Дейры (560–588/590) 63
- Элла, король Нортумбрии (863–867) 44
- Элла, король Суссекса (477–491) 32, 37
- Элфрик (955–1020/25), настоятель монастыря Эйнем,
англосаксонский писатель и проповедник 11–12, 94,
101, 104, 110, 112, 161
- Элхфрит, король Дейры (664–670) 81
- Эльфги, архиепископ Кентерберийский (1020–1038) 55
- Эмма, королева Англии, супруга Этельреда
Нерешительного 55, 57, 59
- Эостр, англосаксонская богиня плодородия 66
- Эрик Кровавая Секира, норвежский король, правитель
Йорка (940–954) 53
- Эрк, англосаксонская богиня земли 66
- Эск, король Кента (488–512) 32
- Этельбальд, король Мерсии (716–757) 38
- Этельберт, король Кента (560–616) 13, 37, 64–65, 80
124–127, 153, 156, 166, 175
- Этельбурга, королева Нортумбрии 76–77
- Этельвин, элдормен Восточной Англии 55
- Этельвульф, король Уэссекса (839–858) 46, 109
- Этельред I, король Уэссекса (865–871) 44–46
- Этельред II Нерешительный, король Уэссекса и Англии
(978–1016) 54–57, 149, 157–159, 161, 167
- Этельред, элдормен Западной Мерсии (844–911), зять
Альфреда Великого 48–49
- Этельстан, король Уэссекса и Англии (924–939) 52–53,
103, 115, 142, 146–147, 159, 161, 171, 173, 178

Этельфлед, дочь Альфреда Великого, жена элдормена
Этельреда, «госпожа мерсийцев» (888–918) 48, 52

Юлий Цезарь, Гай (102–44 гг. до н. э.), римский
полководец и государственный деятель 11

Юнона 70

Юпитер, римский верховный бог 67, 70

Яков, дьякон 77, 81

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абингдон, монастырь 89
Адриана, вал 23, 29
Айона, о-в 74-75, 77-78, 80
Ангельн, обл. 26
Андерида, см. Андеридский лес
Андеридский лес, обл. 32
Антонина, вал 23
Арль, г. 71
Арморика, см. Бретань
- Бадон, гора 33
Балтийское, море 26
Бамбург, г. 77, 163
Бат, г. 33
Бейзинг, г. 46
Берниция, обл. 36
Бландиниум, г. 89
Бретань, обл. 34
Бристольский, зал. 24
Британия 6-7, 11, 15, 18, 21-22, 24-34, 38, 42, 54, 64, 66,
69-72, 101-102, 105-106, 116, 118, 136-137, 152, 161,
180-182
Британские о-ва 7, 25, 32, 40, 42, 54, 71-72, 106, 110, 119, 152
Бруннабург, г. 10, 53
- Везер, р. 26
Вента Силурм, см. Каэрлеон
Винчестер, г. 12, 89, 107-108, 111, 144, 163
Восточная Англия, кор. 34, 37, 44, 47, 52, 55, 65, 77, 80-81,
88, 100, 111, 149, 171-172

Галлия, обл. 21-22, 29-31, 70, 72, 103, 116

Гастингс, г. 6, 62, 180

Гвинедд, кор. 77

Гейнсборо, г. 56

Гент, г. 89

Германия 10, 26, 28, 55, 87

Глостер, г. 33, 60, 106, 110

Глостершир, графство 144-145

Дайфед, кор. 24

Далриада, кор. 24, 74

Дания 56

Дарроу, монастырь 74

Дева, см. Честер

Девоншир, графство 107, 172

Дейра, кор. 36, 81

Денло, см. Область Датского права

Дерби, г. 52

Дербишир, графство 109

Дорчестер, г. 114, 163

Дройтвич, г. 110, 114

Дувр, г. 60, 111

Европа 8, 9, 13, 18, 71, 73, 82, 112, 114, 150, 181

Западная Европа 39, 185

Ипсвич, г. 108, 111

Ирландия 24, 41, 72-74, 82

Испания 21-22

Италия 29, 72

Йорк, г. 23, 44, 46, 53, 64, 78, 81, 86, 88, 94, 107-108;
111

Йоркшир, графство 34, 87, 97, 110

Каэрлеон, г. 23

Кембридж, г. 108, 111

Кембриджшир, графство 36

- Кент, кор. 31-34, 36-37, 43, 48, 64-65, 76-77, 80-82,
97-100, 113-114, 117, 123, 125, 127, 129, 131-133, 171,
180
- Кентербери, г. 43, 45, 64, 75-79, 82-83, 88, 94, 105, 107-108,
111, 114, 117
- Клайд, р. 24, 74
- Клофешо, г. 84, 86, 168
- Колчестер, г. 108
- Корнуолл, обл. 43, 100
- Кроулэнд, монастырь 84
- Ла-Манш, пролив 26, 61
- Лерен, монастырь 72
- Лестер, г. 52, 106
- Лидфорд, г. 107
- Линдисфарн, о-в 39-40, 63, 77-82, 87-88
- Линдсей, кор. 35
- Линкольн, г. 52, 111, 116
- Линкольншир, графство 36, 110
- Лондон, г. 43, 47-48, 56, 60, 64-65, 79, 107-108, 114
- Мальборо, г. 46
- Мерсия, кор. 36-38, 43-44, 46-48, 52-53, 55-56, 59-61,
77-79, 83, 88, 97-98, 111, 114, 117, 153, 160, 172, 175, 182
- Миддлсекс, графство 36
- Миддлтон 87
- Милтон, монастырь 87
- Мэгонсеттан, кор. 36
- Мэлдон, гора 10, 163
- Мэн, о-в 41
- Нарбоннская Галлия, обл. 21
- Нидерланды 27
- Норвегия 36
- Норич, г. 108
- Нормандия, обл. 55-57, 61, 185
- Нортгемптоншир, графство 110
- Нортумбрия, кор. 36-38, 44, 46-47, 53, 56, 59-61, 64,
76-83, 86, 163, 172, 182

Норфолк, графство 36

Ноттингем, г. 44, 52

Ноттингемшир, графство 110

Область Датского права 47–48, 52–53, 92, 99, 149, 171,
175

Оксер, г. 72

Оркнейские о-ва 40–41

Питерборо, монастырь 84

Портленд, г. 43

Равенна, г. 30

Рединг, г. 46

Рейн, р. 5, 26

Римини, г. 71

Рипон, монастырь 81–82

Рочестер, г. 43, 65, 79, 107

Сайренсестер, г. 33

Сардика, обл. 71

Саттон-Ху, г. 40

Саутгемптон (Хэмвич), г. 43, 97, 108, 163

Св. Андрея, монастырь 64

Св. Петра и Павла, монастырь 65

Св. Кутберта, монастырь 39

Св. Мартина, монастырь 64

Северное, море 26, 27

Сена, р. 55

Серри, графство 36

Сомерсет, графство 47

Скандинавия 5, 40, 66

Стамфорд, г. 52, 111

Стамфордбридж, г. 62

Стоу, дер. 116

Стрэтклайд, кор. 36, 46, 53

Суссекс, графство 32, 34, 36–37, 84

Суффолк, графство 36–40

Сэндвич, г. 56, 108

Танет, о-в. 31–32, 43

Тарс, г. 83

Тетфорд, селение 107

Темза, р. 36, 47, 49, 56, 60, 79

Тидденхэм, поместье 144–145

Труа, г. 72

Уайл, р. 169

Уайт, о-в. 26, 32–33, 43

Уилтшир, графство 33, 169

Уимборн, монастырь 46

Уитби, монастырь 63, 83

Уитингтон 106

Уоттон, г. 110

Уош, зал. 26, 97

Уэдмор, г. 47

Уэльс, обл. 24, 36, 52, 55

Уэссекс, кор. 7, 14, 32, 34, 36–37, 43, 45–53, 56, 59, 76,
78–80, 83, 88, 98, 105, 109, 113–114, 123, 132–135, 152,
154, 162, 169, 171–172, 175, 182

Феррье, монастырь 109

Ферт, р. 74

Финнисбург, г. 10

Фландрия 60

Флери, монастырь 89

Фордвич, г. 114

Франция 109

Фризия 87

Хамбер, р. 32, 35–38, 49

Хантингтон, г. 108

Хвикке, кор. 36

Херстборн, поместье 144

Хертфордшир, графство 36

Хингистдун, г. 43

Хэмвич (Саутгемптон), г. 114

Хэмпшир, графство 144

Честер, г. 23, 88, 106

Шеппи, о-в 43

Шетландские о-ва 40–41

Шлезвиг-Гольштейн, обл. 26

Шотландия 24, 73, 74, 106, 163

Шрусбери, г. 108

Эбурак, см. Йорк 22

Эбсфлит 31

Эддингтон, г. 47

Эзер, р. 26

Эйнем, монастырь 94

Эли, монастырь 84

Эльба, р. 5, 26

Эмс, р. 27

Эссекс, кор. 36–38, 65, 88, 122, 171

Эшдаун, г. 45–46

Южная Галлия, обл. 72–73

Южная Норвегия, обл. 40

Норвегия 41, 56

Южная Швеция, обл. 40

Ютландский п-ов 26, 41

Ярроу, монастырь 40

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

Англосаксы 6-11, 14, 16-17, 19-20, 25, 27-40, 43-44, 46, 48-49, 53, 55-57, 60, 62, 63-70, 72, 74, 76-80, 86, 93, 96-106, 109, 112, 115-116, 118-123, 128-130, 132, 136-140, 146-147, 150, 151-154, 162, 165, 167, 169-170, 174-177, 180-185

Англы 11, 25, 26, 28, 38, 54, 63-66, 116

Бритты 21, 30, 32-34, 36, 70-71, 129

Гауты 28, 40

Германцы 9-10, 16-17, 18-19, 25, 28, 33-34, 67, 69, 97, 99, 106, 181

Готы 29

Греки 180

Вестготы 181

Даны 28, 40, 52

Датчане 40-41, 44-45, 47-48, 53, 55-56, 88-89, 95, 114, 146, 185

Кельты 19, 21-22, 29, 34, 37, 70, 97, 119, 129, 181

Норвежцы 39-40, 52, 55, 59, 62, 87, 114

Норманны 7-8, 39-40, 43-44, 46-47, 49, 53, 59, 62, 87, 116

Пикты 7-24, 29-31, 33, 72-74

Рейнские франки 26

Римляне 21-22, 26-27, 30-31, 70, 106, 116

Саксы 10, 25-26, 28, 30-31, 37-38, 47, 64, 116

Сарацины 180

Скотты 7, 24, 29-31, 74

Франки 25, 48, 69, 181

Фризы 25-28, 118

Хавки 26

Юты 25-26, 28, 31, 33-34, 118, 180

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава I.</i> От Римской к Англосаксонской Британии. Политическая история Англии в V—середине IX века	21
<i>Глава II.</i> Альфред Великий и его наследники. Политическая история Англии в конце IX—середине XI века	44
<i>Глава III.</i> От язычества к христианству. Религия и церковь в Англии в V—XI веках	63
<i>Глава IV.</i> «...В согласии с пахарем...» хозяйственно-экономический строй Англии в раннее средневековье	96
<i>Глава V.</i> «Кэрлы и эрлы»: Социальное развитие англосаксонского общества	118
<i>Глава VI.</i> Политика и власть. Становление и развитие англосаксонской государственности	151
Заключение	180
Приложение	186
Примечания	209
Именной указатель	267
Географический указатель	276
Указатель этнонимов	282

Научное издание

А. Г. Глебов

АНГЛИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Ведущий редактор *Карагинский А. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Верстка *Антоновой Е. А.*
Корректор *Мартьянова Г. Н.*

Подписано в печать 27.07.2007.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂.

Усл. печ. л. 15,12. Гарнитура OctavaС.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 162.

ООО «Издательство „Евразия“»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 86
тел. (812) 322-68-43